

ЧЕЛОВЕК **СООБЩЕСТВО** **УПРАВЛЕНИЕ**

Научно-информационный журнал

№ 4 · 2013

ЧЕЛОВЕК СООБЩЕСТВО УПРАВЛЕНИЕ

Научно-информационный
журнал

Дизайн обложки: С. Г. Ажгихин, М. Н. Марченко. Оригинал-макет: Д. А. Хрипков

Издается с марта 1999 г. Периодичность 4 номера в год. Свидетельство о регистрации №Р2829 от 16 марта 1999 г. выдано Северо-Кавказским региональным управлением регистрации и контроля за соблюдением законодательства о средствах массовой информации и печати Комитета РФ по печати. Журнал распространяется по подписке. Цена свободная. Подписной индекс по каталогу «Роспечать» 46483. Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России от 19.02.2010 г. №6/6 журнал «Человек. Сообщество. Управление», издающийся на факультете управления и психологии КубГУ, включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Учредитель:

Кубанский государственный университет

Адрес редакции:

350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская,
149, к. 404-н. Тел.: (861) 219-95-63

Адрес издателя:

350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская,
149. Кубанский государственный
университет

Статьи для публикации принимаются
по эл. адресу: chsu1999@yandex.ru
Сайт журнала: <http://chsu.kubsu.ru>

Редакционная коллегия:

Авдеева Т.Т., д-р экон. наук, проф. (зам. гл. редактора); Дёмин А.Н., д-р психол. наук, проф. (зам. гл. редактора); Ермоленко В.В., д-р экон. наук, доцент; Ждановский А.М., канд. ист. наук, проф.; Кимберг А.Н., канд. психол. наук, доцент; Кольба А.И., канд. полит. наук, доцент (зам. гл. редактора); Курбатова Г.С., ответственный секретарь; Лаврова Т.Г., канд. экон. наук, доцент; Лузаков А.А., д-р психол. наук, доцент; Мясникова Т.А., канд. экон. наук, доцент; Ожигова Л.Н., д-р психол. наук, проф.; Остапенко А.А., д-р пед. наук, проф.; Рябченко Н.А., канд. полит. наук (технический директор); Савва Е.В., канд. философ. наук, доцент; Филиппов Ю.В., канд. экон. наук, проф.; Фоменко Г.В., д-р психол. наук, проф.; Юрченко В.М., д-р филос. наук, проф. (зам. гл. редактора).

4-2013

Согласно ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ журнал относится к категории информационной продукции для детей, достигших возраста 12 лет

Главный редактор:

Е. В. Морозова, д-р филос. наук, профессор

Редакционный совет:

Алексеева Т.А., д-р филос. наук, проф. (Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России); Бедерханова В.П., д-р пед. наук, профессор (Кубанский государственный университет); Бодалев А.А., д-р психол. наук, проф., академик (Российская академия образования); Дмитриев А.В., д-р философ. наук, проф., член-корр. РАН (Институт философии Российской академии наук); Жаде З.А., д-р полит. наук, проф. (Адыгейский государственный университет); Зинченко Ю.П., д-р психол. наук, проф. (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова); Знаков В.В., д-р психол. наук, проф. (Институт психологии Российской академии наук); Иванов А.Г., д-р ист. наук, проф. (Кубанский государственный университет); Кесслер Юрген, д-р права, проф. (Университет прикладных технических и экономических наук Берлина, Германия); Кузьмина Н.В., д-р психол. наук, проф. (Российская академия образования); Подшивалкина В.И., д-р социол. наук, проф. (Одесский национальный университет им. И.И. Мечникова, Украина); Никовская Л.И., д-р социол. наук, проф. (Институт социологии Российской академии наук); Поцелуев С.П., д-р полит. наук, проф. (Южный федеральный университет); Романова А.П., д-р филос. наук, проф. (Астраханский государственный университет); Рябкина З.И., д-р психол. наук, проф. (Кубанский государственный университет); Семененко И.С., д-р полит. наук, проф. (Институт мировой экономики и международных отношений Российской академии наук); Сморгунув Л.В., д-р философ. наук, проф. (Санкт-Петербургский государственный университет); Фадеева Л.А., д-р истор. наук, проф. (Пермский государственный национальный исследовательский университет); Шабров О.Ф., д-р полит. наук, проф. (Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ); Швецов А.Н., д-р экон. наук, проф. (Институт системного анализа Российской академии наук); Янушкявичене О.А., д-р пед. наук, д-р математики, проф. (Вильнюсский педагогический университет, Литва).

Отпечатано в типографии Издательско-полиграфического центра КубГУ, Краснодар, ул. Ставропольская, 149.
Подписано в печать 16.12.2013. Уч.-изд. л. 10,3. Усл. печ. л. 10,5. Тираж 1000 экз. Заказ №

4-2013

Содержание

ПСИХОДИАГНОСТИКА

- Дёмин А.Н., Седых А.Б.* Адаптация методики для изучения карьерного самоопределения личности 6

ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ

- Коваль И.М., Подшивалкина В.И.* Современные контексты высшего образования и проблемы социогуманитарной безопасности 17

ЮБИЛЕИ

- Бедерханова В.П.* Нина Васильевна Кузьмина и её научная школа 31
- Остапенко А.А.* Теория педагогической системы Н. В. Кузьминой: генезис и следствия 37

ПРИГЛАШАЕМ К ДИСКУССИИ

- Гришин Н.В., Мармилова Е.П.* Избирательный кодекс как проект оптимизации избирательной системы России 53
- Громыко С. В.* Нужен ли избирательной системе России собственный кодекс? ... 64

ПУБЛИЧНАЯ ПОЛИТИКА

- Титова О. Ю., Якимец В. Н.* О состоятельности институтов региональной публичной политики: метод оценивания, различия оценок представителей бизнеса, НКО и госслужащих. 71

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

- Курочкин А. В.* «Коммуникативная эффективность»: концептуализация понятия и перспективы использования в теории и практике государственного управления 83
- Ганюшкина Э. А.* Политическое измерение исторического дискурса в Рунете: диалог реальности с виртуальностью. 93

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Рябикина З.И., Фоменко Г.Ю., Ожигова Л.Н.* Развитие идей А. В. Брушлинского в контексте субъектно-бытийного подхода 106

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ. 123

ПОРЯДОК ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ 125

HUMAN COMMUNITY MANAGEMENT

Science Journal

4-2013

Published since March 1999 quarterly Registered under certificate № P2829 of March 16, 1999 issued by the North-Caucasus Regional Board on Registration and Monitoring of the Law on Mass Media and Press of the Russian Federation Committee for Press. Distributed by subscription. Free price. Subscription index in Rospechat catalogue 46483. By decision of the Ministry for Higher Education Higher Attestation Committee Presidium of February 19, 2010 года № 6/6 Human. Community Management Journal published at the Department for Management and Psychology of Kuban State University is included in the list of leading peer-reviewed journals and editions, in which main scientific results of dissertations on completion for Doctor's and Candidate's degrees should be published.

Founder:

Kuban State University

Editor's office address:

149 Stavropolskaya St., room к. 404N,
Krasnodar 350040, Russian Federation
tel. +7(861)2199563

Founder's Address:

149 Stavropolskaya St., Kuban State University

Contributions for publication are accepted at
chsu1999@yandex.ru.
Web-site: <http://chsu.kubsu.ru>

Editors:

Prof. **T.A. Avdeeva**, Dr. Sci. (Economics), Deputy Editor-in-chief; Prof. **A. N. Demin**, Dr. Sci. (Psychology), Deputy Editor-in-chief; Assist. Prof. **V.V. Yermolenko**, Dr. Sci. (Economics); Prof. **A.M. Zhdanovsky**, Cand. Sci. (History); Assist. Prof. **A. N. Kimberg**, Cand. Sci. (Psychology); Assist. Prof. **A.I. Kolba**, Cand. Sci. (Political Science), Deputy Editor-in-chief; **G.S. Kourbatova**, Executive Editor; Assist. Prof. **T.G. Lavrova**, Cand. Sci. (Economics); Assist. Prof. **A.A. Louzakov**, Dr. Sci. (Psychology); Assist. Prof. **T.A. Miasnikova**, Cand. Sci. (Economics); Prof. **L.N. Ozhigova**, Dr. Sci. (Psychology); Prof. **A.A. Ostapenko**, Dr. Sci. (Pedagogy); **N.A. Riabchenko**, Cand. Sci. (Political Science), Technical Officer; Assist. Prof. **Ye.V. Savva**, Cand. Sci. (Philosophy); Prof. **Yu.V. Filippov**, Cand. Sci. (Economics); Prof. **G.V. Fomenko**, Dr. Sci. (Psychology); Prof. **V.M. Yurchenko**, Dr. Sci. (Philosophy), Deputy Editor-in-chief.

Editor-in-chief:

Prof. **Yelena V. Morozova**, Dr. Sci. (Philosophy)

Editorial board:

Prof. **T.A. Alekseeva**, Dr. Sci. (Philosophy), Moscow State Institute of International Relations – University of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation; Prof. **V.P. Bederkhanova**, Dr. Sci. (Pedagogy), Kuban State University; Prof. **A.A. Bodalev**, Dr. Sci. (Psychology), Member of Rus. Acad. of Education; Prof. **A.V. Dmitriev**, Dr. Sci. (Philosophy), Associate Member of Rus. Acad. Sci. (Rus. Acad. Sci. Institute of Philosophy); Prof. **Z.A. Jadé**, Dr. Sci. (Political Science), Adyghee State University; Prof. **Yu.P. Zinchenko**, Dr. Sci., (Lomonosov Moscow State University); Prof. **V.V. Znakov**, Dr. Sci. (Psychology), Rus. Acad. Sci. Institute of Psychology; Prof. **A.G. Ivanov**, Dr. Sci. (History), Kuban State University; Prof. **Dr. Jürgen Kessler**, Hochschule für Technik und Wirtschaft Berlin – University of Applied Sciences Berlin, Germany; Prof. **N.V. Kuzmina**, Dr. Sci. (Psychology), Rus. Acad. of Education; Prof. **V.I. Podshivalkina**, Dr. Sci. (Sociology), Mechnikov Odessa National University, Ukraine; Prof. **L.I. Nikovskaya**, Dr. Sci. (Sociology), Rus. Acad. Sci. Institute of Sociology; Prof. **S.P. Potzeluyev**, Dr. Sci. (Political Science), South Federal University; Prof. **A.P. Romanova**, Dr. Sci. (Philosophy), Astrakhan State University; Prof. **Z.I. Ryabikina**, Dr. Sci. (Psychology), Kuban State University; Prof. **I.S. Semenenko**, Dr. Sci. (Political Science), Rus. Acad. Sci. Institute of International Economics and International Relations; Prof. **L.V. Smorgunov**, Dr. Sci. (Philosophy), St. Petersburg State University; Prof. **L.A. Fadeeva**, Dr. Sci. (History), Perm State National Research University; Prof. **O.F. Shabrov**, Dr. Sci. (Political Science), Russian Academy of Economy and Public Service under the President of the Russian Federation; Prof. **A.N. Shvetzov**, Dr. Sci. (Economics), Rus. Acad. Sci. Institute of Systemic Analysis; Prof. **O. L. Januškevičienė**, Dr. Sci. (Pedagogy), Dr. of Mathematics, Lietuvos edukologijos universitetas – Lithuanian University of Educational Sciences.

4-2013

CONTENTS

PSYCHODIAGNOSTICS

- Diomin A.N., Sedykh A.B.* Adjustment of the technique for personal career identity research 6

SECURITY PROBLEMS

- Koval I.N., Podshivalkina V.I.* Modern contexts of higher education and the problems of socio-humanitarian security 17

JUBILEES

- Bederkhanova V. P.* Nina Vasilyevna Kuzmina and her scientific school 31
- Ostapenko A.A.* The theory of pedagogical system by N.V. Kuzmina: genesis and aftereffects 37

INVITATION TO DISCUSSION

- Grishin N.V., Marmilova Ye. P.* Election code as a project of russian electoral system improvement. 53
- Gromyko S.V.* Does russian electoral system need its own code? 64

PUBLIC POLICY

- Titova O. Yu., Yakimetz V. N.* On the consistency of regional public policy institutes: method of evaluating the difference between appraisals of business, NGO and public service representatives. 71

POLITICAL INSTITUTES AND PROCESSES

- Kourochkin A. V.* Communicative efficiency: conceptualization of the notion and the prospects of application in the theory and practice of public administration 83
- Ganiushkina E. A.* Political dimension of historical discourse on RuNet: dialogue of real with virtual. 93

SCIENTIFIC LIFE

- Riabikina Z.I., Fomenko G.Yu., Ozhigova L.N.* Development of ideas by A.V. Brushlinsky's in subject-being approach context 106

INFORMATION FOR THE AUTHORS 123

HOW TO FORMAT AN ARTICLE 125

АДАПТАЦИЯ МЕТОДИКИ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ КАРЬЕРНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ ЛИЧНОСТИ

А. Н. Дёмин, А. Б. Седых¹

Представлены этапы и результаты адаптации методики Д. Холланда, Д. Дайжера, П. Пауэра «My Vocational Situation» на русский язык. Методика включает шкалы «Профессиональная идентичность», «Барьеры развития», «Потребность в информации». Все три переведённые шкалы несколько раз предлагались небольшим группам респондентов с последующим обсуждением для уточнения формулировок пунктов. Внутренняя консистентность шкал была проверена на выборке $n = 208$ (студенты вузов, обучающиеся на 2, 3, 4 курсах бакалавриата и специалитета). Значения коэффициента α Кронбаха достаточно высокие (0,758-0,857) и свидетельствуют о внутренней надёжности всех трёх шкал. Они оказались сопоставимыми с показателями, вычисленными для других иноязычных версий, в частности, испанской, португальской, латвийской и др. Ретестовая надёжность шкал определялась на выборке $n = 44$. Полученные результаты свидетельствуют о высокой устойчивости диагностируемых показателей. Проверка конструктивной валидности осуществлялась на выборке студентов и работающих ($n = 260$). Для валидации использовалось сочетание нескольких методик. Анализ показал наличие тесных корреляций между показателями шкал в методике «My Vocational Situation», с одной стороны, и показателями большинства методик, привлечённых для оценки конструктивной валидности этих шкал, с другой стороны. Полученные результаты дают основание использовать методику «My Vocational Situation» в научных исследованиях карьерного самоопределения на российских выборках.

Ключевые слова: психометрика, карьерное самоопределение, профессиональная идентичность, барьеры развития, потребность в информации.

Профессиональное самоопределение — традиционный объект изучения отечественной психологии. Предложены модели самоопределения, выделены его факторы, разработаны методики, помогающие оценить особенности профессионального выбора молодых людей [3, 5 и др.]. Многие разработки созданы ещё в советский период и распространяются в основном на школьников. За

¹ Дёмин Андрей Николаевич — доктор психологических наук, профессор кафедры социальной психологии и социологии управления Кубанского государственного университета. Эл. почта: demin@manag.kubsu.ru;

Седых Артём Борисович — преподаватель кафедры управления персоналом и организационной психологии Кубанского государственного университета. Эл. почта: artemsed@inbox.ru.

Публикация подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта № 13-36-01037 "Психология карьер молодёжи в условиях реформирования высшего образования в России".

годы непрекращающихся реформ произошли очевидные сдвиги в содержании профессионального самоопределения, которые постепенно осмысливаются и наукой. В частности, самоопределение признаётся процессом, охватывающим разные периоды трудовой жизни человека, включая зрелые годы, поскольку ему приходится неоднократно менять профессии, организации, виды занятости. Переобучение взрослых людей, выход из ситуации безработицы и тому подобные явления не могут быть осмыслены вне процессов самоопределения. Остро встал вопрос изучения самоопределения в период окончания профессиональной, особенно высшей школы, поскольку сохраняющийся большой разрыв между рынком профессий и рынком труда, переход к многоуровневой структуре высшего образования создаёт дополнительную неопределённость в профессиональных и жизненных перспективах молодых людей. На смену «профессиональному» понятийному контексту приходят более широкие контексты — карьера и занятость. Последние включают в себя и учебную, и профессиональную, и непрофессиональную деятельности, процессы перемещения между организациями, вход на рынок труда и уход с него, увеличение числа мест работы или переход на неполный рабочий день, их психологическое обеспечение и социальную результативность. Карьера шире профессионального развития личности, в пользу такого суждения — размывание профессиональной идентичности людей [7] и растущие масштабы депрофессионализации занятости, субъективное принятие которой фиксируется уже на этапе обучения в общеобразовательных и профессиональных школах [1].

В рамках изучения усложнившихся процессов профессионального и карьерного самоопределения выпускников вузов нами была адаптирована методика Д. Холланда, Д. Дайжера, П. Пауэра «My Vocational Situation». Это один из наиболее часто используемых инструментов для определения проблем в трех областях: 1) профессиональная идентичность; 2) недостаток информации о профессиях и рынке труда; 3) внешние или личностные барьеры в принятии карьерных решений. Методика применяется в исследованиях и практике карьерного консультирования, при определении эффективности коррекционных программ, при оценке теоретической значимости конструкторов в исследованиях карьерного развития и т.д.

Ключевая шкала в методике связана с оценкой профессиональной идентичности. Первоначально она была разработана, чтобы проверить идею о возможности идентифицировать людей с нечёткой информацией о себе (своих способностях, предпочитаемых видах деятельности, интересах, профессиональных целях) по недифференцированному профилю профессиональных интересов (опросник Д. Холланда). Шкала коррелировала с определенностью профессионального выбора и удовлетворенностью им; также были отмечены корреляции со шкалой межличностной компетентности и с нерешительностью [13].

Последующие исследования привели к публикации шкалы профессиональной идентичности в методике *My Vocational Situation (MVS)* [12].

Благодаря методике были получены важные свидетельства в пользу включения профессиональной идентичности в теорию Дж. Холланда (в 1985 г. оно было включено в теорию в качестве вторичного понятия [11]). Идентичность относится к ясности и стабильности целей и самовосприятия человека. Высокие оценки по уровню профессиональной идентичности на практике означают сравнительно небольшие трудности с принятием карьерных решений и уверенность в своей способности принимать правильные решения перед лицом некоторых неизбежных внешних трудностей или неопределенности. Низкие оценки означают потенциальную нестабильность профессиональных интересов [15].

Профессиональная идентичность положительно связана с профессиональной зрелостью, межличностной компетентностью, показателями шкалы надежды Снайдера, отрицательно — с дисфункциональными размышлениями о карьере, тревожностью, шкалой нейротизма опросника NEO. Оценки по шкале профессиональной идентичности имеют тенденцию увеличиваться с возрастом, образовательным уровнем и степенью специализации. В целом данные исследований позволяют говорить, что профессиональная идентичность является общей мерой психологического здоровья, а не только средством измерения трудностей в принятии карьерных решений. Фактически простую методику оценивания карьер можно рассматривать как чувствительный инструмент, измеряющий психологическое благополучие личности [14].

MVS переведена на многие языки и активно используется в ряде стран. Известны немецкая, швейцарская, испанская, португальская, арабская, корейская, латвийская и другие версии MVS. При адаптации методики исследователи нередко изменяли количество пунктов всех трёх шкал.

Далее представлены этапы и результаты адаптации методики на русский язык. Оригинальный вариант включает Шкалу профессиональной идентичности, Шкалу нехватки информации или обучения, Шкалу внешних и личностных барьеров.

Шкала профессиональной идентичности содержит 18 пунктов, на каждый из которых предлагается ответить, используя дихотомический вариант ответов. Утверждения сконструированы так, что несогласие с ними свидетельствует о более высоком уровне сформированности идентичности. В русскоязычном варианте шкалы мы сохранили количество пунктов (18), предложив для ответов 4-балльную шкалу: да, согласен с этим (1); скорее согласен, чем не согласен (2); скорее не согласен, чем согласен (3); нет, не согласен с этим (4). Примеры итоговых утверждений: «Я не знаю, какие виды деятельности я мог бы хорошо выполнять»; «Я не знаю своих основных сильных и слабых сторон»; «Я бы хотел расширить число профессий, которые можно рассматривать

в качестве вариантов дальнейшей карьеры» и т.п. Чем больше баллов набирает человек, тем выше уровень его профессиональной идентичности.

Шкала внешних и личностных барьеров направлена на оценку внешних и внутренних барьеров в принятии карьерных решений и развитии карьеры, в оригинальном варианте она включает 4 утверждения, допускающих дихотомический вариант ответов. Оценка производится суммированием ответов «Да», более высокий суммарный балл свидетельствует о более сильной выраженности барьеров. В русскоязычном варианте количество пунктов расширено до 7, для ответов предложена упоминавшаяся 4-балльная шкала. При увеличении количества пунктов мы учитывали представления о трудностях принятия карьерных решений (среди них, в частности, отсутствие психологической готовности к этому процессу) [8], а также важную роль социальных связей и сложившейся социально-экономической ситуации в построении карьеры [4, 9 и др.]. Примеры итоговых утверждений: «Мне не хватает способностей, чтобы заниматься той профессией, которую я выбрал»; «У меня недостаточно социальных связей и знакомств для успешной карьеры» и др. В соответствии с содержанием шкалы предлагается её краткое название: «Барьеры развития». Чем меньше баллов набирает человек, тем больше у него барьеров. В русскоязычном варианте она следует за шкалой профессиональной идентичности.

Шкала нехватки информации или обучения в оригинальном варианте включает 4 утверждения, которые, как и в предыдущих случаях, допускают дихотомический вариант ответов. Оценка производится суммированием ответов «Да», более высокий суммарный балл свидетельствует о более сильной нехватке карьерной информации. В русскоязычном варианте количество пунктов расширено до 5, для ответов предложена упоминавшаяся 4-балльная шкала. Примеры пунктов, конкретизирующих исходное общее утверждение «Мне нужна следующая информация»: «Какие требования предъявляют различные профессии к людям»; «Как получить дополнительную подготовку (опыт, обучение) в выбранной профессии»; «Какие профессии востребованы на рынке труда» и т.д. Итоговый вариант шкалы назван «Потребность в информации». Чем меньше баллов набирает человек, тем выше у него потребность в информации.

Все три переведённые шкалы несколько раз предлагались небольшим группам респондентов с последующим обсуждением для уточнения формулировок пунктов.

Далее были проверены внутренняя консистентность и ретестовая надежность шкал (табл. 1 и 2). Первый показатель определялся на выборке 208 чел. (студенты вузов, обучающиеся на 2-4-х курсах бакалавриата и специалитета), средний возраст респондентов составил 20,5 лет (стандартное отклонение — 1,23), 32,7% опрошенных — юноши, 67,3% — девушки. Второй показатель определялся на выборке 44 студентов, опрошенных с интервалом 3-4 недели. Опора

Таблица 1

Проверка внутренней консистентности шкал в русскоязычной версии методики «My Vocational Situation»

Наименование шкалы	Среднее значение	Стандартное отклонение	Коэффициент α Кронбаха
Профессиональная идентичность (максимально возможное значение – 4)	2,827	0,513	0,857
Барьеры развития (максимально возможное значение – 1)	3,052	0,598	0,758
Потребность в информации (максимально возможное значение – 1)	1,887	0,724	0,801

Таблица 2

Проверка ретестовой надёжности шкал в русскоязычной версии методики «My Vocational Situation»

Наименование шкалы	Значение коэффициента корреляции Пирсона	Уровень значимости (p-level)
Профессиональная идентичность	0,732	0,0001
Барьеры развития	0,585	0,0001
Потребность в информации	0,404	0,007

на студенческие выборки объясняется их социально-возрастным статусом — у молодых людей активно идёт процесс карьерного самоопределения.

Значения коэффициента α Кронбаха достаточно высокие и свидетельствуют о внутренней надёжности всех трёх шкал. Они оказались сопоставимыми с показателями, вычисленными для других иноязычных версий, в частности, испанской [18], португальской [16], латвийской [17] и др.

Проверка ретестовой надёжности свидетельствует о высокой устойчивости диагностируемых показателей.

При проверке конструктивной валидности шкал мы исходили из того, что процесс карьерного самоопределения тесно связан с общей самооэффективностью, принятием решений, планированием будущего, локусом контроля, переживанием ненадёжности настоящего и будущего, субъективным экономическим благополучием, психологическими характеристиками социальной сети. Такие предположения, с одной стороны, опирались на теоретические соображения (карьерное самоопределение является частью отношения человека к текущей жизненной ситуации, будущему, к себе; включает процессы принятия решений), с другой стороны, на литературные данные, демонстрирующие эмпирические зависимости между показателями профессиональной идентичности, уровнем самооэффективности, надеждой, тревожностью, локусом контроля личности [10, 14, 18]. Кроме того, учитывался фактор значимых других в процессах выбора профессии и построения карьеры (включая преодоление

Таблица 3

Результаты корреляционного анализа показателей профессиональной идентичности и других личностных характеристик

Личностные характеристики	Значение ко- эффициента корреляции Пирсона	Уровень значи- мости (p-level)
Переживание ненадёжности будущего, <i>n</i> = 259	-0,5195	0,0001
Переживание ненадёжности настоящего, <i>n</i> = 259	-0,5083	0,0001
Уровень общей самооффективности, <i>n</i> = 260	0,2388	0,0001
Субъективное экономическое благополучие (интегральный по- казатель), <i>n</i> = 253	0,4322	0,0001
Рациональность как личностный фактор принятия решений, <i>n</i> = 259	0,0556	0,364
Готовность к риску как личностный фактор принятия решений, <i>n</i> = 259	0,2055	0,001
Изменчивость планов, <i>n</i> = 245	-0,2792	0,0001
Сигналы остановки (внутренние барьеры) в реализации планов, <i>n</i> = 245	-0,3156	0,0001
Уровень общей интернальности, <i>n</i> = 134	0,4091	0,0001
Размер ожидаемой социальной поддержки, <i>n</i> = 257	0,2041	0,001
Удовлетворённость ожидаемой социальной поддержкой, <i>n</i> = 257	0,2267	0,0001
Отношение к труду как ценности, <i>n</i> = 47	0,3685	0,01
Важность трудовой ценности «интересная работа», <i>n</i> = 47	0,2886	0,049
Важность трудовой ценности «возможность профессионального и служебного роста», <i>n</i> = 47	0,3943	0,006

кризисов карьеры) [2, 3, 6 и др.]. Наконец, предполагалось, что карьерное самоопределение может быть связано с ценностными ориентациями в сфере труда.

Для валидации использовались: модифицированная «Методика измерения ненадёжности работы» (А. Н. Дёмин), направленная на измерение ненадёжности настоящего и будущего; шкала общей самооффективности Р. Шварцера и М. Ерусалема в адаптации В. Ромека; опросники «Личностные факторы принятия решения» (Т. В. Корнилова), «Особенности планирования профессионального будущего» (Е. А. Сомова), Social Support Questionnaire (Short Form) И. Сарасона с соавт. (измерение уровня ожидаемой социальной поддержки, адаптация А. Н. Дёмина, А. Б. Седых), субъективного экономического благополучия (В. А. Хашенко), уровня субъективного контроля (Е. Ф. Бажин, Е. А. Голынкина, А. М. Эткинд). Для измерения ценностных ориентаций использовалась шкала отношения к труду как ценности (приверженность работе как таковой) и список трудовых ценностей.

Таблица 4

Результаты корреляционного анализа показателей барьеров развития и других личностных характеристик

Личностные характеристики	Значение ко- эффициента корреляции Пирсона*	Уровень значи- мости (p-level)
Переживание ненадёжности будущего, $n = 259$	0,4439	0,0001
Переживание ненадёжности настоящего, $n = 259$	0,5221	0,0001
Уровень общей самооэффективности, $n = 260$	-0,3088	0,0001
Субъективное экономическое благополучие (интегральный показатель), $n = 253$	-0,4975	0,0001
Рациональность как личностный фактор принятия решений, $n = 259$	-0,0506	0,417
Готовность к риску как личностный фактор принятия решений, $n = 259$	-0,2894	0,0001
Детализированность планов, $n = 245$	-0,1362	0,033
Изменчивость планов, $n = 245$	0,2593	0,0001
Сигналы остановки (внутренние барьеры) в реализации планов, $n = 245$	0,3772	0,0001
Использование планов (инструментальная функция планов), $n = 245$	-0,1481	0,02
Уровень общей интернальности, $n = 134$	-0,4250	0,0001
Размер ожидаемой социальной поддержки, $n = 257$	-0,1956	0,002
Удовлетворённость ожидаемой социальной поддержкой, $n = 257$	-0,2290	0,0001
Важность трудовой ценности «возможность профессионального и служебного роста», $n = 47$	-0,3864	0,007

* Положительный знак коэффициента корреляции отражает увеличение показателя барьеров развития, отрицательный — уменьшение.

Проверка конструктивной валидности осуществлялась на выборках студентов и работающих. Поскольку для отдельных показателей объёмы выборок не совпадают, в табл. 3-5 на это специально указывается.

Анализ показал наличие тесных корреляций между показателями шкал в методике «My Vocational Situation», с одной стороны, и показателями большинства методик, привлечённых для оценки конструктивной валидности этих шкал, с другой стороны.

Между шкалами имеются различия в количестве значимых корреляций с другими показателями. В частности, для шкалы профессиональной идентичности оказались более важными, чем для других шкал, показатели ценностных

Таблица 5

Результаты корреляционного анализа показателей потребности в информации и других личностных характеристик

Личностные характеристики	Значение коэффициента корреляции Пирсона*	Уровень значимости (p-level)
Переживание ненадёжности будущего, $n = 259$	0,1971	0,001
Переживание ненадёжности настоящего, $n = 259$	0,2395	0,0001
Уровень общей самооффективности, $n = 260$	-0,0163	0,793
Субъективное экономическое благополучие (интегральный показатель), $n = 253$	-0,1374	0,029
Рациональность как личностный фактор принятия решений, $n = 259$	0,1344	0,031
Готовность к риску как личностный фактор принятия решений, $n = 259$	0,0624	0,317
Сигналы остановки (внутренние барьеры) в реализации планов, $n = 245$	0,1712	0,007
Уровень общей интернальности, $n = 134$	0,1036	0,234
Размер ожидаемой социальной поддержки, $n = 257$	0,0603	0,335
Удовлетворённость ожидаемой социальной поддержкой, $n = 257$	-0,0166	0,791

* Положительный знак коэффициента корреляции отражает увеличение показателя потребности в информации, отрицательный — уменьшение.

ориентаций; для шкалы барьеров развития карьеры — особенности планирования будущего (подобная зависимость может оказаться предметом самостоятельного исследования); для шкалы потребности в информации — рациональность как личностный фактор принятия решений. В случае с третьей шкалой нужно иметь в виду, что она измеряет в основном когнитивные характеристики человека, поэтому не коррелирует с показателями общей самооффективности, готовности к риску, общей интернальности, социально-сетевыми показателями и ценностными ориентациями.

Итак, результаты, характеризующие внутреннюю и ретестовую надежность, конструктивную валидность шкал «Профессиональная идентичность», «Барьеры развития», «Потребность в информации», дают основание использовать методику «My Vocational Situation» в научных исследованиях на российских выборках. В качестве одной из перспектив мы видим проверку гипотезы о влиянии измеряемых параметров карьерного самоопределения на выбор выпускниками вузов линии карьерного развития и последующую карьерную мобильность.

Библиографический список

1. Дёмин А. Н. Отношение к карьерной мобильности и стратегии социальной интеграции молодёжи // Человек. Сообщество. Управление. 2012. № 3.
2. Дёмин А. Н. Психологические факторы восстановления трудовой занятости // Вопросы психологии. 2004. № 3.
3. Климов Е. А. Психология профессионального самоопределения. Ростов н/Д: Феникс, 1996.
4. Козина И. Реструктурирование рынка труда и каналы мобильности // Занятость и поведение домохозяйств: адаптация к условиям переходной экономики России. М.: РОССПЭН, 1999.
5. Пряжников Н. С. Профессиональное и личностное самоопределение. М.: Изд-во «Институт практической психологии», Воронеж: НПО «МОДЭК», 1996.
6. Толочек В. А. Профессиональная успешность: понятия «способность» и «ресурсы» в объяснении феномена // Человек. Сообщество. Управление. 2010. № 2.
7. Chudzikowski K., Demel B., Mayrhofer W., Unite J., Bogicevic B., Briscoe J., Hall D. T., Las Heras M., Shen Y., Zikic J. Career transitions and their causes: A country-comparative perspective // Journal of Occupational and Organizational Psychology. 2009. Vol. 82.
8. Gati I., Krausz M., Osipow S. H. A taxonomy of difficulties in career decision making // Journal of Counseling Psychology. 1996. Vol. 43.
9. Granovetter M. Getting a job. A study of contacts and careers. Cambridge: Harv. Univ. Press, 1974.
10. Hirschi A., Herrmann A. Assessing difficulties in career decision making among Swiss adolescents with the German My Vocational Situation Scale // Swiss Journal of Psychology. 2013. Vol. 72, № 1.
11. Holland J. L. Manual for the Vocational Preference Inventory. Odessa, FL: Psychological Assessment Resources, Inc., 1985.
12. Holland J. L., Daiger D., Power P. My vocational situation. Palo Alto, CA: Consulting Psychologists Press, Inc., 1980.
13. Holland J. L., Gottfredson G. D., Naziger D. H. Testing the validity of some theoretical signs of vocational decision-making ability // Journal of Counseling Psychology. 1975. Vol. 22, № 5.
14. Holland J. L., Johnston J. A., Asama N. F. The Vocational Identity Scale: A diagnostic and treatment tool // Journal of Career Assessment. 1993. Vol. 1, № 1.
15. Reardon R. C., Lenz J. G. Holland's Theory and Career Assessment // Journal of Vocational Behavior. 1999. Vol. 55.
16. Santos P. J. Goal instability, self-esteem, and vocational identity of high school Portuguese students // Análise Psicológica. 2003. № 2.
17. Smitina A. The link between vocational identity, study choice motivation and satisfaction with studies // Procedia — Social and Behavioral Sciences. 2010. Vol. 5.
18. Tosado L. A. An Exploratory Study of a Measure of Vocational Identity for Spanish-speaking Persons: diss. ... for the degree of Doctor of Philosophy. University of Maryland, College Park, 2012.

Статья поступила в редакцию 06.09.2013.

ADJUSTMENT OF THE TECHNIQUE FOR PERSONAL CAREER IDENTITY RESEARCH

A. N. Diomin, A. B. Sedykh

Diomin, Andrey Nikolayevich, Dr. Sci. (Psychology), prof. at the chair for social psychology and sociology of management, Kuban State University. E-mail: Diomin@manag.kubsu.ru;

Sedykh, Artem Borisovich, lecturer at the chair for personnel management and organisational Psychology, Kuban State University. E-mail: artemsed@inbox.ru.

The research is done with financial support by Russian Foundation for Humanitarian Research in the frames of project No. 13-36-01037.

The results of adjusting My Vocational Situation technique by J. Holland, D. Daiger, and P. Power in Russia are presented. The technique includes Professional Identity, Development Barriers, and Need for Information scales. All the three scales adjusted were offered to small respondent groups with the following discussions for more accurate definition of the items. The inner consistency of the scales were checked at samples of $n = 208$ (the students of schools of higher learning at 2nd, 3rd, 4th years of bachelor's and specialist's courses). Cronbach's α indices are enough high (0,758-0,857) and prove inner reliability of all the three scales. They are found comparable with the indices calculated for other foreign versions, namely for the Spanish, Portuguese, and Latvian ones, etc. Re-test reliability of the scales is determined with the sample of $n = 44$. The results obtained prove high stability of the parameters diagnosed. The verification of construct validity is performed on the base of students and the employed ($n = 260$). Several techniques are used for the validation. The analysis demonstrated close correlations between the indices of "My Vocational Situation" on one hand, and with the indices of other techniques on another. The results obtained give the grounds for using My Vocational Situation technique in researches of career identity in Russian selections.

Key words: Psychometrics, career identity, professional identity, development barriers, need for information.

References

1. *Diomin, A. N.*, Otnoshenie k kar'ernoy mobil'nosti i strategii sotsial'noy integratsii molodezhi, [Attitude to career mobility and the strategy of social integration of youth], Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie, 2012. No. 3.
2. *Diomin, A. N.*, Psikhologicheskie faktory vosstanovleniya trudovoy zanyatosti [Psychological factor of recovering employment], Voprosy psikhologii. 2004. No. 3.
3. *Klimov, E. A.*, Psikhologiya professional'nogo samoopredeleniya [Psychology of professional identity], Rostov-on-Don, Feniks, 1996.
4. *Kozina, I.*, Restrukturirovanie rynka truda i kanaly mobil'nosti, Zanyatost' i povedenie domokhozyaystv: adaptatsiya k usloviyam perekhodnoy ekonomiki Rossii [Restucturing labour market and mobility channels], Moscow, Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya [Russian political encyclopaedia] (ROSSPEN), 1999.
5. *Pryazhnikov, N. S.*, Professional'noe i lichnostnoe samoopredelenie [Professional and personal identity], Moscow, Institut prakticheskoy psikhologii Publishers, Voronezh, NPO "MODEK", 1996.

6. *Tolochek, V. A.*, Professional'naya uspešnost': ponyatiya "spособnost'" i "resursy" v ob'yasnenii fenomena [Professional success. The Ability and Resources notions in the explanation of the phenomenon], *Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie*, 2010. No. 2.
7. *Chudzikowski, K., Demel B., Mayrhofer W., Unite J., Bogicevic B., Briscoe J., Hall D. T., Las Heras M., Shen Y., Zikic J.* Career transitions and their causes: A country-comparative perspective, *Journal of Occupational and Organizational Psychology*. 2009. Vol. 82.
8. *Gati I., Krausz M., Osipow S. H.*, A taxonomy of difficulties in career decision making, *Journal of Counseling Psychology*. 1996. Vol. 43.
9. *Granovetter M.* Getting a job. A study of contacts and careers. Cambridge: Harv. Univ. Press, 1974.
10. *Hirschi A., Herrmann A.* Assessing difficulties in career decision making among Swiss adolescents with the German My Vocational Situation Scale, *Swiss Journal of Psychology*. 2013. Vol. 72. No. 1.
11. *Holland J. L.* Manual for the Vocational Preference Inventory. Odessa, FL: Psychological Assessment Resources, Inc., 1985.
12. *Holland J. L., Daiger D., Power P.* My vocational situation. Palo Alto, CA: Consulting Psychologists Press, Inc., 1980.
13. *Holland, J. L., Gottfredson G. D., Naziger D. H.* Testing the validity of some theoretical signs of vocational decision-making ability, *Journal of Counseling Psychology*. 1975. Vol. 22. No. 5.
14. *Holland J. L., Johnston J. A., Asama N. F.* The Vocational Identity Scale: A diagnostic and treatment tool, *Journal of Career Assessment*. 1993. Vol. 1. No. 1.
15. *Reardon R. C., Lenz J. G.* Holland's Theory and Career Assessment, *Journal of Vocational Behavior*. 1999. Vol. 55.
16. *Santos P. J.* Goal instability, self-esteem, and vocational identity of high school Portuguese students, *Análise Psicológica*. 2003. No. 2.
17. *Smitina A.* The link between vocational identity, study choice motivation and satisfaction with studies, *Procedia — Social and Behavioral Sciences*. 2010. Vol. 5.
18. *Tosado L. A.* An Exploratory Study of a Measure of Vocational Identity for Spanish-speaking Persons. Diss. ... for the degree of Doctor of Philosophy. University of Maryland, College Park, 2012.

СОВРЕМЕННЫЕ КОНТЕКСТЫ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ И ПРОБЛЕМЫ СОЦИОГУМАНИТАРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

И. М. Коваль, В. И. Подшивалкина¹

В статье рассмотрены проблемы классических университетов, обусловленные как человекоразмерными рисками и опасностями современного постиндустриального общества, так и сменой общенаучных парадигм. Проанализированы концепции общества риска Н. Лумана, Э. Гидденса и У. Бека. Показано, что в современном обществе и повседневное, и экспертное знание порождают риски, связанные с деятельностью людей и с принимаемыми ими решениями. Рассмотрены особенности современной дидактики высшей школы, обусловленные классической научной парадигмой: принципиальная дисциплинарная дифференциация, акцент на структурных характеристиках явлений и на их взаимовлиянии, а не на процессуальной составляющей этих явлений, их пространственной и временной определенности и др. Показана роль не только внутренних, но и внешних контекстов в реформировании современного высшего образования. Обосновывается авторский подход к внутренней и внешней пространственно-временной контекстности высшего образования, как фактора уменьшения рисков становления профессионализма и профессионального самоопределения студентов.

Ключевые слова: высшее образование, постиндустриальное общество, научная парадигма, социогуманитарные риски, опасности.

Успех развития классических университетов все в большей мере зависит от того, насколько, отвечая на вызовы времени, университет обеспечивает востребованность его выпускников в обществе и дает образование, которое помогает выпускнику стать профессионалом и самореализоваться в профессии и в жизни. Последние десятилетия классическое университетское образование столкнулось с новыми вызовами, связанными, на наш взгляд, с особенностями современного информационного или постиндустриального общества, а также со сменой научных парадигм.

Прежде всего попытаемся определиться, в каком обществе мы живем и для какого общества университет готовит кадры.

¹ Коваль Игорь Николаевич – доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой международных отношений, ректор Одесского национального университета им. И.И. Мечникова. Эл. почта: oguint@paso.net

Подшивалкина Валентина Ивановна – доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой социальной и прикладной психологии Одесского национального университета им. И.И. Мечникова. Эл. почта: podshyvalkina@hotmail.com

В последние годы для определения нового этапа развития человеческой цивилизации широко используется понятие «информационное общество». Такое общество характеризуется высокой скоростью коммуникативных процессов, которая обеспечивается наукоемкими, высокотехнологичными средствами — микропроцессорными технологиями и сетью Интернет. Отметим также характерную особенность такого общества в XXI в. — воспроизводство различных по своему характеру рисков и практически отсутствие границ распространения их негативных последствий в условиях глобализационных процессов. У. Бек определяет сегодняшнюю ситуацию таким образом: «Опасность выходит за границы отдельно взятой страны, и мы становимся членами «мировой команды опасности»» [2, с. 18], а З. Бауман фиксирует переход от социально-правового государства с традиционными «озабоченностями по поводу безработицы и инфляции» к «государству индивидуальной безопасности», имея в виду возрастания индивидуальных рисков от природных и техногенных катастроф, террористической активности, из-за социально-политической нестабильности в разных регионах и многое другое [1, с. 38].

О. Н. Яницкий отмечает растущую зависимость государства, общества в целом, его отдельных сообществ и отдельных личностей от быстро меняющихся как внутренних, так и внешних, в том числе и глобальных, контекстов, все меньшую предсказуемость и все большую вероятность новых угроз и потерь [12, с. 18].

Согласно Стратегии национальной безопасности Украины, утвержденной Указом Президента Украины от 12 февраля 2007 г. № 105/2007, жизненно важные национальные интересы Украины реализуются в сложной внутренней и внешней среде, характеризующейся рядом вызовов и угроз, прежде всего ростом невоенных угроз и трансформацией структуры безопасности: при относительном снижении веса и уменьшении значения военного и оборонительного компонентов происходит нарастание угроз жизнеобеспечению системы как на уровне личности и государства, так и в глобальном масштабе [11]. Включение в понимание безопасности всё большего числа рисков и опасностей, деполитизация сферы безопасности (например, акцент на культурных, а не политических составляющих) — одна из заметных тенденций современного мира. Кроме того, со снижением роли государства уменьшается роль силовых структур в решении внешних и внутренних конфликтов.

На протяжении века наука прошла путь от изучения множества отдельных рисков и ризкогенных ситуаций к пониманию того, что само общество является генератором рисков. Заметный вклад в изучение этой проблемы внесли работы О. Амоша, О. Белоруса, О. Власюк, З. Герасимчука, В. Гошовской, И. Гнибыденко, Е. Либанова, О. Новикова, З. Биктимовой, А. Прохожева, В. Серебрянниковой, Г. Силласте, А. Хлопева и др. Заметим, что в Украине интерес к проблемам безопасности и риска возрос после Чернобыльской аварии. Исследования в рам-

ках различных дисциплин последствий этой техногенной катастрофы можно рассматривать в качестве первых исследований региональных, национальных и международных техногенных рисков.

В течение двух последних десятилетий XX в. М. Луманом, Э. Гидденсом и У. Беком были предложены оригинальные концепции общества риска.

Так, теория риска Н. Лумана напрямую связана с критикой рациональности современного общества. Характерной чертой постсовременного общества Н. Луман считает не столько необходимость создания условий стабильного существования, сколько интерес к крайним, даже невероятным альтернативам, которые разрушают условия общественного консенсуса и подрывают основы социальной коммуникации. В этой ситуации, по Н. Луману, обществу нужны компетентные эксперты, которые могут помочь ему поддерживать положение «нормальности».

По мнению Э. Гидденса, любая трансформация структурных элементов социума порождает угрозы и опасности, в том числе угрозы насилия над человеком вследствие индустриализации военных конфликтов и угрозы возникновения чувства бесцельности, бессмысленности человеческого существования. Иначе говоря, хотим мы этого или нет, но современное общество ризикогенно и даже бездействие людей и отдельного человека чревато риском. С точки зрения ученого, современный мир структурируется главным образом рисками, созданными самим человеком. Для них характерны следующие особенности: современные риски обусловлены как глобализацией, так и взаимосвязанностью и взаимообусловленностью локальных и глобальных событий; институционализируются среды рисков, а современное общество перенасыщается знаниями о рисках. В отличие от Н. Лумана, Э. Гидденс настаивает на ограниченности экспертного знания как инструмента элиминирования рисков в социетальных системах [3, с. 110].

Кроме того, Э. Гидденс ввел понятие «разъединение», т.е. изъятие социальных отношений из текущего контекста и их включение в контекст глобальный: «Немыслимо растущая взаимозависимость повседневных решений и глобальных последствий является ключевым пунктом новой повестки дня» [3, с. 108].

Согласно У. Беку, риски постоянно происходят от общества, причем это происходит легитимно во всех сферах жизнедеятельности общества (экономической, политической, социальной) и связано с принятием решений. От доиндустриальных природных бедствий риск отличается тем, что его истоки следует искать в решениях, которые принимаются индивидами, целыми организациями и политическими группами [2, с. 162]. По мнению У. Бека, если идеалом прошлых эпох было равенство, то идеал общества риска — безопасность.

Иначе говоря, в современном обществе остаются актуальными и значимыми как повседневное, так и экспертное знание, сами по себе они порождают

риски, связанные с деятельностью людей и с принимаемыми ими решений. Со времен Бекона и Декарта в соответствии с классическим канонам научное, экспертное знание рассматривалось как альтернатива повседневному знанию или здравому смыслу. Э. Гуссерль инициировал интерес к повседневному знанию, обозначив его роль в развитии общества. Зададим себе вопрос, не порождается ли скептицизм современных студентов в отношении роли научного знания в решении повседневных, локальных проблем недооценкой системой университетской подготовки роли повседневного знания как в порождении рисков, так и их преодолении?

Как известно, современное высшее образование обязано своим развитием классической парадигме, по Т. Куну [5], или рациональности, по В. С. Степину [10], идеалом которых выступают точные и естественные науки, поставившей научное знание на высшую ступень пьедестала.

Именно эта парадигма предопределила современную дидактику высшей школы с ее характерными особенностями. Например, принципиальная дисциплинарная дифференциация современных университетов. В ее основе лежит ключевая идея классической парадигмы, предполагающая, что из множества знаний-элементов, полученных в рамках разных дисциплин, студент может всегда воссоздать единую целостную систему знаний о мире и себе, поскольку согласно классической рациональности, или классической парадигмы, объекты исследования рассматриваются как простые системы, суммарные свойства частей которых исчерпывающе определяют свойства целого.

Кроме того, в системе современного образования по-прежнему акцент делается на структурные характеристики явлений и на их взаимовлияние, на чем настаивает классическая рациональность, а не на процессуальную составляющую этих явлений, их пространственную и временную определенность.

Отметим также, что модернистская, или позитивистская, методология выдвигает требования без субъектности научного познания. Всякое привнесение особенностей субъекта в процесс и результат познания рассматривается в классической парадигме как покушение на объективность, а объяснение и описание в соответствии с ней призвано включать только характеристики объекта без ссылок на ценностно-целевые установки исследователя и особенности средств и операций его деятельности. Потому познающий субъект должен вынести самого себя за пределы познавательного процесса. Этот классический императив требует от ученого и практика невозможного.

Современный интерес к критике естественно-научной парадигмы связан с выявлением того, что мешает формированию установки на внедрение результатов научных изысканий в реальную практическую деятельность людей. Для высшего образования это вопрос востребованности его выпускников в обществе. Идеалом классического мышления является поиск универсальных научных средств оптимизации деятельности, единственной истины (утверждается

тезис, что из двух альтернативных теоретических описаний одной и той же области опыта истинным может быть только одно), а также единых научных методов для всех отраслей научного знания. Эти требования, возведенные классическим естествознанием, а вслед за ним и классическим образованием в определенный канон, на самом деле никак не отражались ни на реальном многообразии мира, ни на многообразии средств его постижения и восприятия на уровне здравого смысла.

Таким образом, основными принципами классической парадигмы являются монизм, фундаментализм, элементаризм, редукционизм, линейность и статичность. В отношении университетского образования эти требования приводят к пониманию и интерпретации человека как механического объекта и принижают значение уникального личностного знания. Игнорирование проявлений неповторимого, уникального в процессе обучения порождает у специалистов нечувствительность к своеобразию окружающего мира и ориентирует на односторонние монофункциональные управленческие решения, игнорирующие повседневный опыт.

Как известно, с конца XX в. утверждается новая, постнеклассическая рациональность, или поснеклассическая парадигма, которая обращена к изучению сложных явлений и объектов, в ходе развития которых происходит переход от саморегуляции к саморазвитию на основе целевой причинности. В поле зрения попадают не только внешние, но и внутренние пространство и время. В соответствии с этой парадигмой деятельность субъекта не является внешним фактором по отношению к системе. Как справедливо отмечают З.И. Рябикина и Л.Н. Ожигова, «личность овладевает подчиненными ей пространствами и начинает выстраивать их, самоактуализируясь в этом созидании нового, воспроизводя структурные характеристики своего смыслового пространства и его содержание в пространствах своей организмичности, своей деятельности, своей жизненной среды» [7, с. 11].

Следовательно, стираются грани между искусственным и естественным развитием системы, и любое искусственное выступает как вариант естественного. Например, виртуальная реальность, созданная чьим-то индивидуальным сознанием, может обуславливать бытие многих людей [8].

Современное постмодернистское научное мышление уделяет все больше внимания уникальным явлениям бытия, а объектом исследования все чаще становится случайное, единичное, уникальное, контекстное.

В соответствии с идеалами и нормами постнеклассической науки важное значение приобретают междисциплинарные исследования и исследования возможных сценариев развития «человекоразмерных» систем в точках бифуркации. В.С. Степин особо подчеркивает, что в процессе исследования и практического освоения таких «человекоразмерных систем» особую роль начинают играть знания запретов на некоторые стратегии взаимодействия, которые со-

держат в себе катастрофические последствия для человека. Отсюда возникает необходимость экспликации связей фундаментальных внутринаучных ценностей (поиск истины, рост знаний) с внеучными повседневными ценностями общесоциального характера и социальную экспертизу исследовательских программ и проектов [11]. Методология постнеклассической науки способствует, по мнению В. С. Степина, стиранию границ между естествознанием, техническими и социально-гуманитарными науками и благотворно влияет на обмен методами и концептуальными средствами между ними с учетом их прямых и обратных связей. Кроме того, в пределах постнеклассической парадигмы фундаментальные и прикладные исследования часто выступают как компоненты единого комплекса с прямыми и обратными связями, а фундаментальные открытия в явном виде дают спектр технологических последствий, имеющих прямой выход к новым технологиям. Иначе говоря, для современного постмодернизма характерны интегратизм, холизм, полифундаментальность, дополнительность, нестационарность, синергизм.

Обращение постнеклассической, постмодернистской парадигмы к исходному принципу разнообразия, плюрализма вместо монизма имеет принципиальное значение для понимания современного классического университетского образования, сочетающего многообразие дисциплинарных картин мира с их единством и взаимозависимостью. Отметим, что последние годы многие технические и отраслевые вузы идут по пути превращения в университеты, интегрируя во внутреннюю структуру прежде всего гуманитарные факультеты и специальности. Такая тенденция отражает в определенной мере современную взаимообусловленность развития естественно-научного и гуманитарного знания.

Важно подчеркнуть, что категория контекстности, вынесенная нами в название статьи, становится одной из ведущих методологических категорий постнеклассической парадигмы, меняя теоретико-методологический набор инструментов научных, особенно социогуманитарных, исследований. Поиск универсальных категорий и универсальных моделей, пригодных для любой страны независимо от ее социально-исторического своеобразия, сегодня в социогуманитарном знании признан неадекватным и по сути дела отвергается (Ш. Айзенштадт, Х. Новотный). Именно локальность, конкретика наполняют научные модели реальным содержанием, позволяют применять их в анализе эмпирического материала.

В целом контекстность означает, что всякое событие, явление, процесс необходимо анализировать в рамках культурно-исторической среды, породившей это явление/процесс, иначе говоря, контекстность выступает как потенциальная полнота любого объекта, явления, процесса.

Важно подчеркнуть, что контекстный (контекстуальный) подход позволяет связать «внешнезаданные», нормативные формы деятельности, которым об-

учают и в вузе с их конкретным смыслом (слов и поступков, социальных ролей и отношений) в конкретной ситуации общения и деятельности, совмещая, казалось бы, несовместимые противоположности: жесткость норм и гибкость ролевого поведения индивида, традиционализм и высокую восприимчивость к инновациям.

Контекстуальные отношения всегда имеют двустороннюю динамику, т.е. активно формируются двумя сторонами процесса, исключая любые дихотомические противопоставления. Истинная реальность не знает противопоставления субъекта и объекта, четкого разделения на то и это. Амбивалентность единого, общего и единичного, уникального, своеобразного проявляется в том, что в бинарной композиции мира его структурные единицы не растворены друг в друге, но и не сталкиваются друг с другом. Это такое состояние универсума, при котором субъект заключен в объекте, но при этом принципиально возможна одновременность, когерентность многообразия. Выделение и осмысление контекста представляет собой взаимно опосредованный процесс: смыслы обретаются на границах контекста через его постоянное уточнение.

Контекстность как методологический принцип стал одним из ключевых принципов постижения многомерной и разнокачественной реальности наряду с принципом детерминизма. Как методологический принцип, контекстуализм создает некое проблемное смысловое поле, формирующееся благодаря коммуникативному потенциалу контекста, несущего возможность отклика, общения, диалога.

М.С. Розин говорит о целесообразности выделять контекстный интеллект, или способность применять имеющиеся знания к ситуациям из реальной жизни (как мудрость) [6, с. 123]. Постулат контекстности, по М.С. Розину, предполагает, что мышление не автономно, а подобно языку и речи имеет разные контексты. Контекстом мышления можно считать те формы жизни или деятельности, которые сливаются и переплетаются с мышлением, способствуя его дальнейшему развитию.

Понятие «контекстное образование» введено в научный оборот А.А. Вербицким [3]. Определяя контекстное образование как концептуальную основу интеграции различных видов деятельности студентов (учебной, научной, практической), он указывает на необходимость преодоления отрыва теоретических знаний от практических. Традиционно студенты усваивают через массив учебной информации то, что наработано другими, получено в результате общественно-исторической практики человечества, они берут готовое из кладовой социального опыта. В этом случае студенту навязывают цели усвоения кем-то добытых знаний, и учебная информация теряет для него личностный смысл. Передача социального опыта через специальные семиотические средства — тексты, знаковые системы приводит к «замещению» реальной действительности для конкретного человека, отрыв его от собственного

пространственно-временного контекста. Для постиндустриального общества эта традиционная обучающая схема становится слишком узкой и приводит к целому ряду противоречий, которые невозможно устранить в рамках традиционной технологии. На наш взгляд, внеконтекстность современной системы высшего образования приводит к неготовности выпускников классических университетов, в том числе социогуманитарного профиля, к решению конкретных экономических, политических, религиозных, культурных, межэтнических, социальных и психологических проблем; длительной адаптации в профессиональной сфере; трудностям поиска рабочих мест, обеспечивающих закрепление полученных знаний в реальной практике.

В целом поддерживая идеи А. А. Вербицкого, мы исходим из того что в его подходе реализуется дидактическая или внутренняя контекстуальность высшего образования.

Предлагаемый нами подход прежде всего ориентирован на внешнюю пространственно-временную контекстуальность университетского образования. Такая контекстуальность призвана уменьшить риски становления личного профессионализма и профессионального самоопределения.

Попробуем раскрыть этот тезис. По нашему мнению, сегодня мы сталкиваемся с тем, что дипломы в условиях нестабильного рынка труда чаще всего используются как документ о высшем образовании, нежели как документ о профессиональной подготовке. Напомним, что в эпоху индустриализации XX в. особое значение приобретало развитие высокоурбанизированных сред, городов-гигантов. В современных условиях информационного общества бывшие города-гиганты утрачивают многие виды производств в силу появления новых технологий и различных политических процессов. Университетское образование и сложившиеся традиции по-прежнему связывают трудоустройство выпускников с большими городами или столицами, оголяя периферию (села и малые города), порождая социальную эксклюзию недавних студентов, которые ради обустройства в больших городах готовы отказаться от полученной специальности. Нередко это связано с недооценкой возможностей низкоурбанизированных сред для становления профессионализма.

Но надежды выпускников университета на лучшие перспективы в высокоурбанизированных средах связаны не только с привлекательностью их инфраструктуры, но и, как нам представляется, с неполной готовностью выпускников к решению профессиональных заданий в конкретных социальных контекстах. Безусловно, процесс адаптации вне массовой профессиональной среды повышает риски ошибок и требования к личной ответственности. Низкоурбанизированные среды все чаще выступают тем контекстом, который необходимо учитывать классическим университетам. Именно население сельской местности и малых городов нуждается в насыщении ее профессионалами, но возвращение студентов-выпускников, приехавших из этих населенных

пунктов, может быть связано с качественно иной, контекстно-ориентированной подготовкой кадров.

В целом можно выделить несколько векторов развития контекстного образования. Во-первых, обеспечение понимания и знания студентами потенциальных рисков на микроуровне в трансформационном быстро меняющемся современном обществе, что позволит избежать потенциальных социально-экслюзивных процессов на индивидуальном уровне. Формирование системы «я — контекст — профессионал» необходимо каждому студенту для собственной самореализации, создания собственной биографии профессионала, получения социального статуса, расширения ролевого репертуара, что предполагает интеграцию в социум и продвижение по социальной лестнице в конкретном социальном пространстве. Идентичность личности, в том числе этническая, поселенческий статус и социальный статус родителей предопределяют общую форму адаптации молодого специалиста в профессиональной среде и интеграцию в социум. Отсутствие какого-либо элемента или невозможность использования значимого социального контекста может привести к сложностям освоения социальной среды, к трудностям социального роста и в конечном итоге к социальной эксклюзии профессионала. Иначе говоря, контекстуальность образования может минимизировать риски интеграции в профессиональную и социальную среду в локальном, региональном и национальном масштабах.

Во-вторых, учет особенностей рынка труда, которые порождают новые угрозы профессионализму: угрозы деградации, деформации, депрофессионализации, уход из профессии, связанные с неадекватностью требований к качеству профессиональных услуг, с превалированием текущих запросов над перспективными. Контекстное образование предполагает подготовку профессионала на основе формирования профессиональной чувствительности к среде, или контексту рынка, через множественность практик и их контекстность в сложившейся функциональной профессиональной среде, через ориентацию на запросы клиента. Следовательно, контекстность высшего образования в современных условиях предполагает партнерство-равенство в науке и практике.

В-третьих, признание факта, что каждое поколение живет в определенном историческом времени, в определенной политической среде, в своем социальном контексте и каждый исторический этап требует специалистов, понимания особенностей нового социального контекста и тех угроз, которые он порождает. Социальный контекст образования задает ориентиры на новые услуги в профессии, новые виды деятельности и специализации в профессии в соответствии с логикой развития науки и практики, обеспечивает безопасность как на индивидуальном профессиональном, локальном, так и на региональном, национальном и глобальном уровнях.

В-четвертых, принятие того, что особенностью сегодняшнего времени является рост числа лиц, вынужденных рисковать в условиях осложнения и

непредсказуемости социальной реальности, выбирать образцы поведения, которые сопровождаются риском, но способствуют самоактуализации, самореализации и самоутверждению личности. Профессиональное поведение, которое отклоняется от доминирующих в социуме социокультурных ожиданий и норм, общепринятых правил выполнения социальных ролей, становится одновременно и важным стимулом развития социума, и условием его криминализации и глубокой поляризации общества.

В-пятых, учет взаимосвязи и взаимообусловленности локальных и глобальных событий, повседневных решений и глобальных последствий. Глобальная и национальная безопасность все больше основываются на механизмах социальной безопасности посредством индивидуальной самоорганизации общественной жизни личности и ухода от рисков в конкретных региональных условиях. Иначе говоря, согласно принципу глокальности в развитии социальных процессов и явлений параллельно с глобализацией возрастает роль локальных местностей, городов, районов, повышается внимание к местной самобытности. Глокализация — это постоянное взаимодействие глобального и локального, направленное на ускорение развития, гармонизацию общества.

Подводя итоги, можно отметить противоречие между, с одной стороны, состоянием современного информационного общества, потенциалом которого выступают не столько природные ресурсы, сколько потенциал духовного, социально-психологического и интеллектуального развития человека, территориальных сообществ, и, с другой — недостаточным использованием постклассической научной парадигмы для идентификации уникальных, статистически незначимых факторов, которые определяют социогуманитарную безопасность, социальные риски, что представляет угрозы для личности, сообществ и государства в целом, а также для организационно-методического обеспечения подготовки региональных кадров в классическом университете в новых социальных условиях.

В этой связи особое значение приобретают:

- концептуализация и эмпирическое обоснование в рамках постнеклассической научной парадигмы феномена социогуманитарной и международной безопасности, его отражение в содержании и методах обучения в высших учебных заведениях как основы для перехода от обычных универсалистских знаний к контекстному обучению, направленному на изучение и решение локальных социогуманитарных проблем региона, на усиление влияния классического университета в повышении личной безопасности граждан и территориальных сообществ;

- разработка на теоретическом и эмпирическом уровне понятия «социогуманитарная безопасность» на примере мультикультурного региона и модели социогуманитарной региональной, национальной и международной безопасности на основе постнеклассической методологии; определение сущности и

содержания системы социальных рисков и рискообразующих факторов приграничных регионов, характера и направленности их влияния на социогуманитарную региональную, национальную и международную безопасность;

– описание в адекватных научных категориях особенности социального потенциала низкоурбанизированной среды, выявление механизмов и закономерностей функционирования низкоурбанизированной среды и представление системы ее социогуманитарных рисков; представление структурного анализа социогуманитарных рисков относительно общества в целом, а также отдельных территориальных сообществ, системы ситуаций риска, проявляющих черты общего и специфического состояния социума и адекватных методов адаптации и социальной реабилитации людей, находящихся в трудной жизненной ситуации в приграничных регионах;

– выявление особенностей формирования системного мышления и механизмов конструирования субъектами управленческой активности социального пространства низкоорганизованных сред; описание особенностей развития личности в полилингвальном окружении и особенностей познавательных процессов, которые сопровождают полилингвальную речевую деятельность, представления, воображения, которые по-новому встают в условиях полилингвизма;

– разработка модели и социально-психологической технологии создания этнокультурного мифотворческого пространства самосознания личности в полиэтническом регионе и представление модели потенциала социальной безопасности личности, социально-территориальных сообществ и государства в целом, возможностей и способов восстановления социального статуса низкоурбанизированной среды;

– разработка концепции модернизации учебного процесса в региональном классическом университете и подготовка им специалистов (магистров) высшей квалификации, направленная на развитие региональных мультикультуральных сообществ и реабилитацию социальной среды, малых городов и сел в условиях постиндустриального информационного общества на основе постнеклассической парадигмы;

– формирование дидактических перспектив контекстуального по содержанию учебного процесса для отражения в учебных программах не только универсальных законов и закономерностей, но и методов и технологий диагностики уникальных, специфических, пространственно-временных особенностей развития социальных объектов, имеющих региональное и общенациональное значение.

В заключение отметим, что национальная реформа высшего образования по-прежнему строится на классической парадигме, направленной на поиск универсальных законов развития природы и общества, признающая возмож-

ность разложения любого явления на отдельные части (элементы), что способствовало на протяжении веков развитию классической урочно-лекционной системы и относительной унификации учебных планов и программ в родственных университетах, не учитывая локального контекста, как с точки зрения социальных реалий, так и с точки зрения особенностей научно-педагогического потенциала университетов. Система высшего образования активно участвует в формировании управленцев, политической и образовательной элиты страны. Однако социальный институт образования в условиях снижения роли государства и силовых структур в обеспечении общественного порядка пока не взял на себя ответственность за личную и национальную безопасность посредством предоставления адекватных времени и месту образовательных услуг в формировании территориальных элит, сохранении интеллектуального слоя региона и, главное, межкультурной толерантности в условиях гражданского общества.

Библиографический список

1. Бауман З. Текущая современность. СПб.: Питер, 2008.
2. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000.
3. Вербицкий А. А. Компетентностный подход и теория контекстного обучения. М.: ИЦ ПКПС, 2004.
4. Гидденс Э. Ускользающий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь. М.: Весь мир 2004.
5. Кун Т. Структура научных революций. Киев: Port-Royal, 2001.
6. Розин В. М. Контекстное, полифоническое мышление — перспектива XXI века // Общественные науки и современность. 1996. № 5.
7. Рябикина З. И., Ожигова Л. Н. Общество и человек: объективное в субъективном пространстве личности // Человек. Сообщество. Управление. 1999. № 4.
8. Рябикина З. И., Богомолова Е. И. Возможные изменения субъектной позиции личности в связи с нарастающей виртуализацией ее бытия // Человек. Сообщество. Управление. 2013. № 3.
9. Следзевский И. В. Мультикультурализм: хрупкий баланс между интеграцией и дезинтеграцией многокультурного гражданского // Общественные науки и современность. 2013. № 2.
10. Степин В. С. Научная рациональность в техногенной культуре: типы и историческая рациональность // Вопросы философии. 2012. № 5.
11. Стратегия национальной безопасности Украины: Указ Президента Украины от 12.02.2007 № 105 // Официальный вестник Украины. 2007. № 11. Ст. 389.
12. Яницкий О. Н. Социология риска: ключевые идеи // Мир России. 2003. Т. 12, № 1.

Статья поступила в редакцию 20.09.2013.

MODERN CONTEXTS OF HIGHER EDUCATION AND THE PROBLEMS OF SOCIO-HUMANITARIAN SECURITY

I. N. Koval, V. I. Podshivalkina

Koval, Igor Nikolaevich, prof., Dr. Sci. (Political Science), chair of international relations, the rector of Odessa National University named after I. I. Mechnikov. E-mail: oguint@paco.net.

Podshivalkina, Valentina Ivanovna, Prof., Dr. Sci. (Sociology), Chair of Social and Applied Sociology, Odessa National University named after I. I. Mechnikov. E-mail: podshivalkina@hotmail.com.

The article considers the problems of classical universities derived from both human-dimension risks with dangers of modern post-industrial society and the changes in the general scientific paradigms. Risk society concepts by A. Luhmann, A. Giddens and U. Beck are analyzed. Both expert and everyday knowledge is demonstrated in the modern society to produce risks connected with human activity and decision-making. Peculiar features of modern higher education didactics are considered to be determined by classical science paradigm: principal disciplinary differentiation, accent on structural characteristics of phenomena and their reciprocal influence but not on their algorithmic constituent and spatial temporal determinants, etc. The role of not only internal but also external contexts is shown in reforming modern higher education. The author's approach is grounded to internal and external contextuality of higher education as a factor for decreasing risks of establishing students' professionalism and professional identity.

Key words: higher education, post-industrial society, science paradigm, socio-humanitarian risks, dangers.

References:

1. *Bauman Z.*, Tekuchaya sovremennost' [Liquid modernity]. St. Petersburg, Piter, 2008.
2. *Beck, U.*, Obshchestvo riska. Na puti k drugomu modernu [Risk Society: Towards a New Modernity], Moscow, Progress-Traditsiya, 2000.
3. *Verbitskiy, A. A.*, Kompetentnostnyy podkhod i teoriya kontekstnogo obucheniya [Competence approach and the theory of context training], Moscow, ITs PKPS, 2004.
4. *Giddens, A.*, Uskol'zayushchiy mir. Kak globalizatsiya menyaet nashu zhizn' [Runaway World: How Globalization is Reshaping Our Lives], Moscow, Ves' mir, 2004.
5. *Kun, T.*, Struktura naukovikh revolyutsiy [The structure of science revolutions], Kiev, Port-Royal, 2001.
6. *Rozin, V.M.* Kontekstnoe, polifonicheskoe myshlenie — perspectiva XXI veka, Obshchestvennye nauki i sovremennost' [Context polyphonic thinking is a prospect of 21st century. Social sciences and modernity], 1996. No. 5.
7. *Ryabikina, Z. I., Ozhigova, L. N.*, Obshchestvo i chelovek: ob'ektivnoe v sub'ektivnom prostranstve lichnosti [Society and human: The objective in subjective personal space], Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie, 1999. No. 4.
8. *Ryabikina, Z. I., Bogomolova E.I.*, Vozmozhnye izmeneniya sub'ektnoy pozitsii lichnosti v svyazi s narastayushchey virtualizatsiey ee bytiya [Possible changes in subjective personal position in connection with the growing virtualisation of its being], Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie, 2013. No. 3.
9. *Sledziwski, I. V.*, Mul'tikul'turalizm: khрупkiy balans mezhdue integratsiey i dezintegratsiey mnogokul'turnogo grazhdanskogo, Obshchestvennye nauki i

- sovremennost' [Multiculturalism: fragile a balance between integration and disintegration of the multicultural civic], 2013. No. 2.
10. *Stepin, V. S.*, Nauchnaya ratsional'nost' v tekhnogennoy kul'ture: tipy i istoricheskaya ratsional'nost' [Scientific rationality in technogenetic culture: Types and historical rationality], Voprosy filosofii, 2012. No. 5.
 11. Strategiya natsional'noy bezopasnosti Ukrainy: Ukaz Prezidenta Ukrainy ot 12.02.2007 g. No. 105, Ofitsial'nyy vestnik Ukrainy [The strategy of national security of the Ukraine: Order by the Ukrainian President of 12 Feb. 2007 No. 105, The official bulletin of the Ukraine], 2007. No. 11, p. 389.
 12. *Janicki, O. N.*, Sotsiologiya riska: klyuchevye idei [Sociology of risk: key ideas], Mir Rossii. 2003. v. 12. No. 1.

НИНА ВАСИЛЬЕВНА КУЗЬМИНА И ЕЁ НАУЧНАЯ ШКОЛА

В. П. Бедерханова¹

В юбилейной статье отражён жизненный путь в науке выдающегося отечественного учёного профессора Нины Васильевны Кузьминой и этапы создания возглавляемой ею научной школы. Н. В. Кузьмина продолжила развитие ленинградской психологической школы, основанной Б. Г. Ананьевым. Ею был выпущен ряд монографий, переведённых впоследствии на иностранные языки: «Формирование педагогических способностей», «Очерки психологии труда учителя», «Методы исследования педагогической деятельности» и другие. Под научным руководством Н. В. Кузьминой в период 1967–1984 гг. было выполнено более 200 диссертаций. Ей принадлежит заслуга разработки общей теории функционирования педагогических систем, методологии системно-структурного подхода к педагогическим явлениям, сформулирован предмет акмеологии как науки о вершине профессионализма. Н. В. Кузьминой даны определения ряда основных понятий новой научной дисциплины. В настоящее время ею ежегодно проводятся традиционные научные школы и конференции, на которые собираются её ученики разных поколений.

Ключевые слова: научная школа Н. В. Кузьминой, акмеология, теория педагогической системы, образовательная система, образовательный маршрут.

Кузьмина (Головко-Гаршина) Нина Васильевна, Президент Академии акмеологических наук, член-корреспондент РАО, доктор психологических наук, профессор, родилась в Нальчике 23 сентября 1923 г. Окончила в 1947 г. ЛГПИ им. Герцена, в 1950 г. — аспирантуру при отделении педагогической психологии АПН РСФСР под руководством Б. Г. Ананьева, защитив кандидатскую диссертацию на тему «Психолого-педагогический анализ трудностей и успехов в работе молодого учителя начальных классов». В 1965 г. защитила докторскую диссертацию «Психологическая структура деятельности учителя и формирование его личности». В 1968 г. Н. В. Кузьмина получила звание профессора кафедры педагогики и педагогической психологии ЛГУ, которой она заведовала до 1984 г.

В 1969 г. Министерством высшего и среднего специального образования РСФСР создается Головной совет по психологическим наукам и психолого-педагогическим проблемам высшей школы под председательством Б. Г. Ананьева, заместителем назначается Н. В. Кузьмина. Именно с этого времени началось

¹ Бедерханова Вера Петровна — доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой социальной работы, педагогики и психологии высшей школы Кубанского государственного университета. Эл. почта: vpb57@mail.ru.

сотрудничество Кубанского государственного университета с этой кафедрой и психологическим факультетом Ленинградского (Санкт-Петербургского) университета.

В 1978 г. Нина Васильевна Кузьмина избрана членом-корреспондентом АПН СССР.

На основе обобщения результатов исследования она сформулировала предмет акмеологии и основала Всесоюзную акмеологическую ассоциацию. 15 июля 1991 г. акмеология зарегистрирована в ГКНТ СССР как новая область знаний в системе наук о человеке. В ноябре 1992 г. начала работу общественная Академия акмеологических наук, президентом которой была избрана её основатель Н. В. Кузьмина.

Есть люди, которые плывут по течению. Другие — против течения. И есть третья категория — плывущие туда, куда им надо. К ним, по моему мнению, относится Нина Васильевна Кузьмина, создатель нового направления в науке о человеке, целенаправленно развивающая свою научную школу.

Я счастлива, что у меня есть возможность, начиная с аспирантских дней и до дней сегодняшних, по мере моих сил, заниматься наукой под руководством настоящего мастера. И теперь уже мои ученики, ставшие кандидатами и докторами наук, и их ученики включены в трудный, но такой интересный научный поиск. И не порвать связующую нить...

Нина Васильевна Кузьмина всегда отмечала, что её жизненный путь определили выдающиеся ученые, «представители вершин научного и акмеологического творчества». Первым из них она называла своего родного дядю Владимира Георгиевича Гаршина — академика Академии медицинских наук СССР, главного патологоанатома города Ленинграда во время блокады, который её напутствовал в аспирантуру по психологии.

Борис Герасимович Ананьев — академик Академии педагогических наук СССР, её научный руководитель в аспирантуре АПН РСФСР (1947–1950), поддерживал все её начинания, поиски, принципы и методы исследования в главном Совете по психологическим наукам и психолого-педагогическим проблемам Высшей школы и на кафедре педагогики и педагогической психологии ЛГУ.

В 1957 г. Б. Г. Ананьевым был сформулирован замысел создания экспериментальной акмеологии психофизиологической эволюции взрослого человека. Реализация этого замысла началась с момента открытия (1966) психологического факультета в Ленинградском государственном университете. Н. В. Кузьмина продолжила дело своего учителя — основателя ленинградской школы психологов Б. Г. Ананьева. Она называет себя его последователем, развивая новую науку в системе наук о человеке — акмеологию.

Жизнь и творчество Нины Васильевны Кузьминой невозможно представить без Евгения Сергеевича Кузьмина — «возрождателя социальной психологии В. М. Бехтерева, — как пишет она в посвящении к книге «Предмет акмеологии» (2002), — основателя первой лаборатории (1962) и первой кафедры (1968) социальной психологии, участника Великой Отечественной войны, потерявшего ногу на фронте, внимательного читателя, критика, советчика и соучастника в моих поисках, друга, мужа и отца моих детей» [1].

Вклад в развитие науки и практики Нины Васильевны Кузьминой трудно переоценить. Мы не ставим задачу целостного анализа её научного и педагогического творчества, создания и развития научной школы. Обратим внимание только на некоторые фрагменты.

В 1961 г. в Издательстве ЛГУ вышла в свет её первая монография «Формирование педагогических способностей», переведённая вскоре на венгерский язык. Материалы исследования докторской диссертации в кратком изложении легли в основу монографии «Очерки психологии труда учителя» (ЛГУ, 1967). В переводе на немецкий язык книга была переиздана четыре раза.

В 1970 г. Н. В. Кузьмина написала монографию «Методы исследования педагогической деятельности». Результаты исследований проблем профессиональной подготовки педагогов были ею обобщены: в учебном пособии «Основы вузовской педагогики» (ЛГУ, 1972), которое по своей структуре и содержанию принципиально отличалось от традиционных учебников педагогики; в пяти выпусках «Современных психолого-педагогических проблем высшей школы» (ЛГУ, 1971, 1972, 1974, 1977, 1985); в учебном пособии «Методы системного педагогического исследования» (ЛГУ, 1980); в книге «Способности, одарённость, талант учителя» (Л., 1985).

В период, когда Нина Васильевна была главным научным сотрудником отдела психологии Всесоюзного научно-исследовательского института профессионально-технического образования, вышли её работы «Методы диагностики факторов продуктивной деятельности коллективов профтехучилищ» (Л., 1988), «Профессионализм деятельности преподавателя и мастера производственного обучения» (М., 1989), «Профессионализм личности преподавателя и мастера производственного обучения» (М., 1990).

Многочисленные её аспиранты и соискатели — преподаватели разных учебных дисциплин в отечественных и зарубежных вузах — внесли определённый вклад в изучение методов исследования, в математическую обработку результатов исследования. Более 200 (!) диссертаций были выполнены под её научным руководством только в период заведования кафедрой педагогики и педагогической психологии ЛГУ (1967-1984 гг.).

Ею была разработана общая теория функционирования педагогических систем, методология системно-структурного подхода к педагогическим явле-

ниям. Нине Васильевне, реализующей целостный подход к анализу педагогической деятельности, удалось дать всестороннюю психолого-педагогическую характеристику труда учителя и методов его изучения, определить подходы к исследованию формирования его педагогических способностей и профессионального мастерства.

Новизна и междисциплинарный характер исследований под её руководством заключались в том, что в центре их внимания были проблемы повышения качества преподавания учебных дисциплин — физики, математики, химии, истории, русского языка, литературы, иностранного языка и других, проблемы повышения качества деятельности учащихся. Ею и её учениками разработана и экспериментально проверена система новых методов, принципов организации исследований, обеспечивающих выявление закономерных связей и зависимостей, созданы идеализированные модели образа результата, предложена методика проведения мониторинга качества образования, разработаны технологии обучения основам профессионального мастерства.

В результате индуктивного обобщения закономерностей достижения зрелыми людьми вершин мастерства в разных видах созидательной деятельности Ниной Васильевной Кузьминой был сформулирован предмет акмеологии. Первая статья «Акмеология — наука о вершине профессионализма», непосредственно связанная с новой областью знания — акмеологией, была опубликована в сборнике тезисов докладов Всесоюзной научно-практической конференции «Профессионализм преподавателя высшей школы» (Усть-Каменогорск — Ленинград, май 1989 г.).

После регистрации 15 июля 1991 г. акмеологии в ГКНТ СССР открылись защиты по специальности 13.00.13 — психология развития, акмеология. А. А. Деркач, ученик Н. В. Кузьминой, будучи заведующим кафедрой акмеологии и психологии профессиональной деятельности Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации, собрал на ней выдающихся психологов, философов, социологов — будущих авторов первых монографий и учебных пособий по акмеологии. В стране начинается издание журнала «Акмеология», сборников научных трудов по данной тематике.

Рождение акмеологии связано с поисками теории качества образования, методов его измерения в целях его повышения. Проблема качества образования разрабатывалась Ниной Васильевной Кузьминой значительно раньше, чем она получила звучание в официальных документах. В частности, при формулировании акмеологической закономерности образовательного пространства Н. В. Кузьмина даёт определения понятий: *продуктивного функционирования образовательных систем (ОС) в образовательных маршрутах (ОМ), продуктивного процесса деятельности участников образовательного процесса, качества продуктов образования, качества образовательного процесса, приводящего или не приводящего к созиданию «продуктов», которые удовлет-*

воряют требованиям качества. Критерием качества конечных результатов функциональных систем Н.В. Кузьмина считает показатели вхождения выпускников в новую среду и их саморазвития в ней. Именно на конечный результат — обеспечение творческой готовности в будущей деятельности в образовательном пространстве — и должно быть направлено функционирование образовательной системы и согласованность деятельности преподавателей и студентов.

Спустя два десятилетия Академия акмеологических наук объединяет исследователей образования разных специальностей, образовательных учреждений разных уровней и профилей, занятых проблемами продуктивности специалистов и повышения качества их подготовки. Разработана акмеологическая теория и технологии фундаментального образования, «позволяющие специалистам Национальной системы образования формулировать, опираясь на предвидение последствий от принимаемых решений, и решать образовательные задачи, подчинённые повышению конкурентоспособности страны в развивающемся мире» [2, с. 9].

Нина Васильевна Кузьмина и сама работает качественно, продуктивно в свои девяносто. До сих пор она ежегодно проводит традиционные научные школы и конференции, на которые собираются её ученики разных поколений. Именно такие люди, как она, своей жизнью задают образцы нравственности и служения, продолжая лучшие традиции отечественной науки и образования. И не порвётся связующая нить...

Библиографический список

1. Кузьмина (Головко-Гаршина) Н. В. Предмет акмеологии. СПб.: Политехника, 2002.
2. Кузьмина Н. В. Специалисты — субъекты изучения продуктивности своей деятельности (в свете акмеологической теории фундаментального образования) // Акмеология-2005. Методологические и методические проблемы. СПб.: Изд-во ЦСИ, 2005.

Статья поступила в редакцию 15.09.2013.

NINA VASILYEVNA KUZMINA AND HER SCIENTIFIC SCHOOL

V. P. Bederkhanova

Prof. Vera Petrovna Bederkhanova, Dr. Sci. (Pedagogy), Kuban State University, Chair for Social work, methods of teaching and psychology in higher learning. E-mail: vpb57@mail.ru.

In this anniversary article Prof. Nina Vassilyevna Kuz'mina's, an outstanding Russian scientist life trajectory is described and the milestones of building her scientific school. N. V. Kuz'mina continued developing the Leningrad Psychological school founded by B. G. Ananyev. She published a number of books later translated into foreign languages: "Forming teaching competences", "Essays on a teacher's work", "Methods of a teacher's work research", etc. More than 200 theses are developed under Prof. Kuz'mina's scientific supervision. One of the feathers in

her cap is the development of educational system functioning general theory and the methodology of constitutional approach to educational phenomena. She also enunciated the subject of acmeology as of the science of the highest professionalism and gave definitions for a number of basic notions of the new scientific discipline. Today she annually holds traditional scientific schools and conferences gathering her disciples of different generations.

Key words: Prof. Kuz'mina's scientific school, acmeology, theory of educational system, teaching system, educational route.

References

1. *Kuz'mina (Golovko-Garshina), N. V.*, Predmet Akmeologii [Acmeological subject], SPb: Politehnika, 2002
2. *Kuz'mina, N. V.*, Spetsialisty — sub'ekty izucheniya produktivnosti svoey deyatel'nosti (v svete akmeologicheskoy teorii fundamental'nogo obrazovaniya) [Experts as subjects for investigating their activities, in view of acmeological theory of fundamental education], Akmeologiya 2005. Metodologicheskie i metodicheskie problemy. SPb: Izd-vo TsSI, 2005

ТЕОРИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ Н. В. КУЗЬМИНОЙ: ГЕНЕЗИС И СЛЕДСТВИЯ

.....

А. А. Остапенко¹

В статье последовательно изложены этапы развития теории педагогической системы Н. В. Кузьминой: от первой предложенной в 1970 гг. четырёхкомпонентной модели до новой семикомпонентной. Проанализирован и обобщён теоретический и практический опыт моделирования и создания педагогических систем, как самой Кузьминой, так и её учениками и последователями. Также приведены некоторые прикладные следствия этой теории, разработанные учёными школы Н. В. Кузьминой. В их числе обобщены варианты структуры деятельности разных педагогических работников (школьного учителя, руководителя факультета, куратора, преподавателя), студентов, проанализированы функциональные элементы индивидуальной педагогической деятельности и элементы функционального решения образовательных задач. Особый интерес представляет разработанная Ю. С. Тюнниковым и М. А. Мазниченко на основе теории подсистем обобщённая классификация педагогических фобий и маний. Статью завершает полная хронологическая таблица этапов эволюции теории педагогической системы Н. В. Кузьминой. Публикуется к 90-летию Н. В. Кузьминой.

Ключевые слова: педагогическая система, компоненты педагогической системы, структура деятельности педагога, педагогические фобии, педагогические мании.

Добротные гуманитарные теории чаще всего обладают предельной простотой и ясностью и с годами «обрастают» огромным количеством таких же простых и ясных прикладных аспектов. Это свидетельствует о верности и продуктивности таких теорий. К таковым принадлежит созданная почти сорок лет назад теория педагогических (впоследствии образовательных) систем Нины Васильевны Кузьминой. Одновременно с тем, что теория дополнялась и развивалась, она вторгалась во все сферы педагогической реальности: от дошкольной педагогики до педагогики профессионального и дополнительного образования. Напомним генезис этой теории.

Генезис

В 1970 г. Н. В. Кузьмина выделяет четыре стороны педагогического процесса: «В микроструктуре педагогического процесса всегда принимают участие четыре стороны.

¹ Остапенко Андрей Александрович – доктор педагогических наук, профессор кафедры социальной работы, психологии и педагогики высшей школы Кубанского государственного университета. Эл. почта: ost101@mail.ru

А. Содержание информации (учебно-воспитательного материала), которое, будучи достоянием общества и его полномочного представителя в учебном заведении — педагога, должно стать достоянием воспитуемого.

В. Преподаватель — своеобразный посредник и источник информации.

С. Воспитуемый, учащийся, студент.

Д. Средства передачи информации.

<...>

Особенностью каждой из сторон педагогического процесса является то, что они (стороны) существуют не только во взаимодействии, но и самостоятельно, независимо друг от друга» [2, с. 10].

В цитируемой работе пока нет устоявшегося понятия «педагогическая система», и оно по тексту время от времени смешивается с понятием «педагогический процесс».

Впоследствии в работах Н. В. Кузьминой выкристаллизовывается понятие педагогической системы, выделяются её компоненты (уже пять, а не четыре). Наиболее наглядно и полно это выразилось в книге 1980 г. [6] (переиздана в 2002 г. [7]), в которой мы уже находим определение: «Педагогическую систему можно определить как множество взаимосвязанных структурных и функциональных компонентов, подчинённых целям воспитания, образования и обучения подрастающего поколения и взрослых людей» [7, с. 11]. Н. В. Кузьмина разводит понятия структурных и функциональных компонентов: «Структурные компоненты — это основные базовые характеристики педагогических систем, совокупность которых, собственно, образует эти системы, во-первых, и отличается от всех других (не педагогических) систем, во-вторых» [7, с. 11]. К их числу относятся цели, учебная информация, средства педагогической коммуникации, педагоги и учащиеся. По мнению Н. В. Кузьминой «названные компоненты необходимы и достаточны для создания педагогической системы. При исключении любого из них — нет системы» [7, с. 13].

«Функциональные компоненты — это устойчивые базовые связи основных структурных компонентов, возникающие в процессе деятельности руководителей, педагогов, учащихся, они обуславливают движение, развитие, совершенствование педагогических систем и вследствие этого устойчивость, их жизнестойкость, выживаемость. В педагогических системах выделяются *гностический, проектировочный, конструктивный, коммуникативный, организационный* функциональные компоненты» [7, с. 16].

Выделение функциональных компонентов как раз и стало той самой продуктивной пятикомпонентной моделью (рис. 1), на базе которой было создано множество прикладных теорий, концепций и моделей как самой Н. В. Кузьминой, её учениками и последователями, так и исследователями, далёкими от ленин-

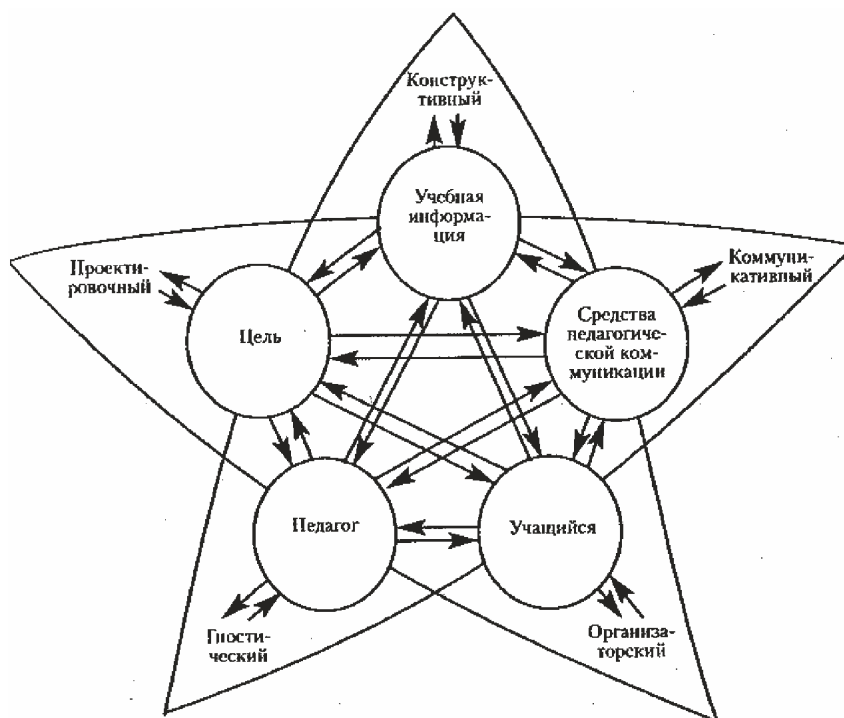

Рис. 1. Взаимосвязь структурных и функциональных компонентов педагогической системы (по Н. В. Кузьминой)

градско-петербургской психолого-педагогической школы, основателем которой был академик Б. Г. Ананьев.

Позднее Н. В. Кузьмина уточнит своё определение педагогической системы: «Педагогическую систему можно определить как взаимосвязь структурных и функциональных элементов, подчинённых целям формирования в личности учащегося готовности к самостоятельному, ответственному и продуктивному решению задач в последующей системе» [3, с. 13-14]. В 1980-1990-х гг. пяти-мерная (пятикомпонентная) модель Н. В. Кузьминой была широко признана, многократно опубликована. Как методологическая идея она была положена в основание множества диссертационных исследований. Большинство исследователей отмечают полноту этой модели. Разве что в работах В. А. Якунина мы находим корректное указание на некоторую неполноту пяти компонентов системы. Он замечает, что «функциональная модель управления педагогическими системами, построенная Н. В. Кузьминой, требует некоторого дополнения и уточнения как в отношении её полноты, т.е. состава выделенных в ней функций, так и в части содержательной интерпретации отдельных из них» [12, с. 19; 13, с. 23]. Так, он указывает на отсутствие в построениях Н. В. Кузьминой двух функций: 1) прогнозирования, 2) контроля и оценки. В последних публикациях

Рис. 2. Семикомпонентные модели структурных и функциональных компонентов педагогической системы

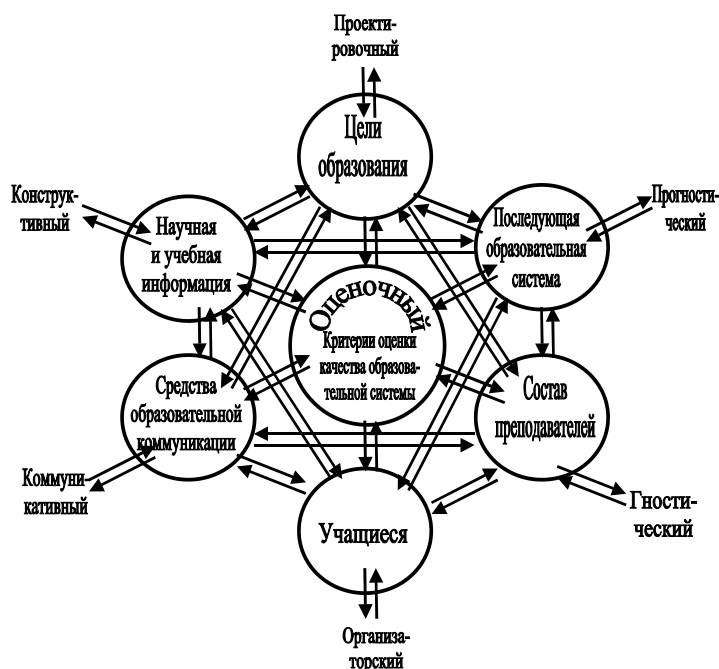

Рис. 3. Уточнённая модель взаимосвязи структурных и функциональных компонентов педагогической системы (по Н. В. Кузьминой)

Н. В. Кузьминой, посвящённых разработке акмеологических построений, пятикомпонентную модель сменила семикомпонентная. Добавились два структурных (оценочный элемент и последующая образовательная система) и два функциональных компонента (оценочный и прогностический). Схематически состав структурных и функциональных компонентов педагогической системы представлен на рис. 2 [1, с. 145, 151].

Сведём две схемы в один рисунок по образцу того, как это было сделано Н. В. Кузьминой для пятикомпонентной модели (рис. 3).

В таком виде модель, видимо, можно считать завершённой и полной.

Следствия

В разные годы на базе этой многомерной теоретической модели были осуществлены различные прикладные исследования, результатом которых стали прикладные педагогические модели, созданные как самой Н. В. Кузьминой, так и её учениками и последователями. Наибольшее количество их было создано в то время, когда теоретическая модель была пятикомпонентной. Это даёт возможность доработать созданные в 1980-1990-е гг. модели до семи компонентов, что соответствует современному состоянию исследований школы Н. В. Кузьминой.

Приведём наиболее значительные из них.

В конце 1970-х — начале 1980-х гг. Н. В. Кузьмина разработала модели структуры деятельности разных участников образовательного процесса: учителя для школы, руководителя факультета, куратора, преподавателя, студента для вузов и преподавателя, мастера производственного обучения для сферы начального профессионального образования. Они представляют собой систему педагогических умений различных участников педагогических систем. В табл. 1-5 представлены соответствующие примеры.

Приведём структуры деятельности участников образовательного процесса для вузовских педагогических систем (табл. 1).

Таблица 1

Система педагогических умений учителя физики [7, с. 59]

1	2
Гностические умения	Умения исследовать затруднения школьников при изучении учебного материала и общие закономерности процесса обучения предмету, приводящие к успеху
Проектировочные умения	Умения отобрать «батарею» задач и расположить их в определённой последовательности таким образом, чтобы, «проведя» через их решение школьников, вырабатывать у них способ мышления, позволяющий решать любые задачи из курса физики
Конструктивные умения	Умения упрощать задачи до такого уровня, на котором они становятся доступными пониманию каждого ученика, а затем усложнять их до первоначальной сложности (данной в первоначальной формулировке)
Коммуникативные умения	Умения вызывать у детей интерес к предстоящей познавательной деятельности
Организаторские умения	Умения организовать исследовательскую работу школьников с задачей (анализировать, упрощать, усложнять)

Приведём структуры деятельности участников образовательного процесса для вузовских педагогических систем (табл. 2).

Таблица 2

Структура деятельности руководителя факультета [7, с. 201-203]

1	2
Гностические умения	Изучать потребности государства и его требования к выпускникам данного факультета Изучать возможности факультета удовлетворять этим требованиям Изучать продвижение студентов и педагогического коллектива в области реализации государственных требований и получения искомого результата Анализировать и совершенствовать собственную деятельность в соответствии с критериями успешности работы факультета Изучать способы совершенствования деятельности коллектива преподавателей и студентов
Проектировочные умения	Исходя из комплексных перспективных планов педагогической, научной, общественной деятельности вуза, планировать социальное развитие факультета на длительный срок Проектировать работу педагогического коллектива в области совершенствования учебных планов, программ, учебников, учебных пособий, инструктивных материалов, учитывая весь пятилетний цикл обучения студентов на факультете Проектировать совершенствование организационных форм и методов теоретического обучения студентов в течение всего цикла Проектировать систему заданий студентам, направленных на улучшение их трудовой непрофессиональной подготовки в течение всего цикла Проектировать систему заданий студентам, направленных на совершенствование их практики в течение всего цикла подготовки
Конструктивные умения	Конкретизировать планы и цели факультета и всех его подсистем до уровня сроков и индивидуальных планов работы сотрудников и контроля за содержанием воспитания и обучения студентов в ближайшее время Конкретизировать планы работы руководителей педагогических коллективов (в том числе сроки контроля) над совершенствованием средств, форм, методов учебно-воспитательной работы со студентами Конкретизировать сроки и формы обучения и контроля студентов методами и приёмами самостоятельной учебно-исследовательской деятельности Конкретизировать сроки и формы обучения и контроля студентов методами и приёмами самостоятельной общественно-политической и профессиональной деятельности Конкретизировать сроки и формы повышения квалификации преподавателей с учётом развития специализаций, создания новых спецкурсов и факультативов
Коммуникативные умения	Устанавливать на факультете педагогически целесообразные взаимоотношения, чтобы в коллективе существовала подлинно творческая атмосфера поиска, плодотворных дискуссий, творческой взыскательности Завоевывать в коллективе авторитет, налаживая деловые контакты как с преподавателями кафедр, так и с администрацией вуза Управлять своим настроением Побуждать членов коллектива ответственно выполнять поставленные задачи Тактично и принципиально критиковать отдельных преподавателей, предотвращать конфликты

Окончание табл. 2

1	2
Организаторские умения	Обеспечивать успешное выполнение спроектированных целей и намеченных планов, выступая инициатором в организации коллективной деятельности факультета и всех его подсистем Организовать взаимопомощь в педагогическом коллективе, опираясь на систему контроля за индивидуальной деятельностью преподавателей В организации управления факультетским коллективом опираться на своих заместителей, обеспечивая тем самым целенаправленную и взаимосвязанную работу всех подразделений педагогической системы Обеспечить исполнительскую культуру и индивидуальную ответственность всех категорий сотрудников коллектива по выполнению приказов и постановлений вышестоящих организаций и своих собственных Поощрять творческую и исполнительскую активность своих заместителей, преподавателей и студентов

Таблица 3

Структура деятельности куратора [7, с. 203-204]

1	2
Гностические умения	Пополнять свои знания новыми научными данными (о способах воспитания и т.д.) и перестраивать свою деятельность Анализировать собственную деятельность Анализировать педагогическую ситуацию и рассчитывать воздействие на студентов Воспринимать и учитывать реакцию студентов на свою деятельность и перестраивать ее в дальнейшем Опирается на психологическую теорию Учитывать в деятельности рекомендации педагогической теории Формулировать новые педагогические задачи
Проектировочные умения	Проектировать воспитательную работу на весь период работы с учебной группой с учётом дальнейших перспектив и возможных результатов Проектировать воспитательное воздействие с учётом будущей профессии студентов Проектировать работу в учебной группе с учётом интересов студентов Проектировать способы организации самостоятельной работы студентов в учебной деятельности Проектировать способы организации спортивной, эстетической, военно-патриотической деятельности студентов Проектировать способы организации научной деятельности студентов Проектировать способы контроля, учёта, оценки деятельности студентов
Конструктивные умения	Отбирать и композиционно интересно строить содержание внеучебных мероприятий Использовать в работе с учебной группой традиции вуза, его историю Привлекать к работе с группой интересных людей Делать самих студентов активными инициаторами интересных встреч, бесед, дискуссий Использовать в воспитательной работе историю культуры, искусства, архитектуры города Развивать у студентов профессиональные интересы и склонности, профессиональное творчество Пробуждать у студентов научные интересы и научное творчество

Окончание табл. 3

1	2
Коммуникативные умения	Вызывать к себе симпатию и интерес Пробуждать интерес к предстоящему делу, сообщению Предотвращать и разрешать конфликты Завоёвывать у студентов авторитет Удерживать авторитет на протяжении всего времени работы с группой Возбуждать интерес к творчеству своих коллег и администрации.
Организаторские умения	Организовать целенаправленную деятельность студенческой группы Организовать взаимодействие со студентами во внеучебное время Использовать многообразие форм привлечения студентов к учебной, трудовой, общественно-политической деятельности, обучать их самоорганизации Организовать себя и своё время Систематически контролировать работу студентов Организовать коллективную, групповую и индивидуальную взаимопомощь студентов.

Таблица 4

Структура деятельности преподавателя [7, с. 204-205]

1	2
Гностические умения	Следить за событиями в науке по зарубежным и отечественным источникам, знакомить с ними студентов Принимать самому экзамены и анализировать, как курс усвоен студентами, как восприняты те или иные разделы Анализировать реакцию студентов на своё изложение
Проектировочные умения	Ставить своей целью, чтобы студенты не просто усвоили программный материал, но умели в дальнейшем использовать полученные знания на практике Проектировать систему заданий студентам в работе над первоисточниками по специальности и самостоятельной работы над курсом Проектировать пути превращения своего курса в средство умственного, нравственного и политического воспитания студентов
Конструктивные умения	Конструировать учебную информацию в расчёте на привлечение внимания студентов к развитию исследовательской мысли в области научного поиска Формулировать познавательную задачу и способы побуждения студентов к самостоятельному мышлению
Коммуникативные умения	Вызвать интерес к своему учебному курсу, объяснить важность его изучения Воспитать у студентов уверенность в том, что они способны творчески овладеть методами данной науки и внести вклад в её развитие
Организаторские умения	Организовать точное начало и окончание занятий и насыщенную работу на них, свою и студентов Организовать своё время и свою деятельность, связанную с подготовкой к занятиям и их проведением Организовать учебную информацию и деятельность студентов, связанную с её восприятием и усвоением

Таблица 5

Структура учебной деятельности студента [7, с. 205-206]

1	2
Гностические умения	Выделять главное в тексте, сообщении преподавателя, использовать «свёрнутые» записи Выделять связи между рассматриваемыми явлениями, изображать их на схемах, рисунках, таблицах, графических символах Пользоваться библиографическими справочниками, справочной литературой Привлекать к изучению материала дополнительные источники (специальную литературу, документы, наблюдения) Пользоваться приёмами скорочтения Формулировать гипотезы, намечать пути их проверки Производить анализ, синтез, обобщение, перенос центральных идей в изучаемом тексте
Проектировочные умения	Формулировать цели своего пребывания в институте и отдавать себе отчёт в требованиях профессиональной деятельности к его выпускникам Формулировать цели самостоятельной работы над разными циклами учебных дисциплин Формулировать, к каким результатам и с помощью каких методов самообразования можно к ним прийти к окончанию учебного года, к окончанию семестра, в ближайшие месяцы Формулировать задачи, темп и ритм работы в ближайшее время
Конструктивные умения	Конспектировать кратко, сжато, своими словами и с элементами цитирования Составлять план предстоящего сообщения на семинаре, план ответов Составлять тезисы своего сообщения Составлять доклад с элементами цитирования, аннотирования, рецензирования Обосновывать правильность избранной логики и системы изложения Самостоятельно создавать схемы, таблицы, чертежи, рисунки, аргументировать их построение и логику применения в сообщении Делать выводы и обобщения на основании чужого и собственного изложения
Коммуникативные умения	Формулировать вопросы к преподавателю или изучаемому тексту Активно воспринимать устные сообщения своих товарищей и преподавателей, анализировать и оценивать их Самому активно участвовать в работе семинара, формулировать в устном рассказе своё сообщение Строить логически законченное сообщение со вступлением к нему, заключением и выводами Высказывать собственное отношение к фактам и событиям, формулировать свои оценочные суждения и их аргументировать В сообщении обоснованно использовать наглядные пособия
Организаторские умения	Организовывать своё время, свою деятельность: рабочее место, средства деятельности, следить за темпом включения в самостоятельную работу Организовывать своё поведение: контролировать действия, движения, мимику, эмоции Организовывать свою общественную деятельность, приобретая знания, навыки и умения, необходимые для будущей профессиональной деятельности Организовывать свою научно-исследовательскую деятельность, приобретая качества, необходимые для будущей профессиональной деятельности Организовывать накапливаемую в вузе информацию таким образом, чтобы по окончании вуза ею можно было воспользоваться

В конце 1980-х гг. в период интенсивного сотрудничества Н.В. Кузьминой с Всесоюзным НИИ профтехобразования [4] ею была предложена модель функциональных элементов индивидуальной педагогической деятельности (табл. 6).

Таблица 6

Модель функциональных элементов индивидуальной педагогической деятельности [3, с. 37]

1	2
Гностический элемент	Гностический (Гн.) (или исследовательский) элемент включает анализ педагогической ситуации, формирование педагогической задачи, добывание новых знаний, необходимых для ее продуктивного решения, анализ процесса решения задачи, результатов решения, сопоставление искомого результата с реальным
Проектировочный элемент	Проектировочный (Пр.) элемент включает действия, связанные с предвосхищением, «забеганием вперед» — предвидением возможных последствий от решения системы педагогических задач в течение всего обозримого времени, на которое ведется планирование, например, всего периода обучения своему предмету или работы с учебной группой в качестве воспитателя
Конструктивный элемент	Конструктивный (Кн.) элемент включает действия, связанные с композиционным построением предстоящего занятия, мероприятия, урока, собрания, экскурсии, проигрыванием разных вариантов его построения в условиях системы предписаний, диктуемых программой, учебником, наличием наглядных пособий и ТСО, временем, в течение которого должна быть решена конкретная, текущая педагогическая задача
Коммуникативный элемент	Коммуникативный (Км.) элемент включает действия, связанные с установлением педагогически целесообразных взаимоотношений (с учащимися, их родителями, коллегами по работе, администрацией) в процессе непосредственного взаимодействия с ними в ходе решения педагогической задачи
Организаторский элемент	Организаторский (Орг.) элемент включает действия, связанные с организацией учебной информации в процессе ее предъявления, деятельности учащихся, связанной с ее усвоением, собственной деятельности и поведения в процессе решения педагогической задачи

Примером поздних прикладных исследований Н.В. Кузьминой, связанных с созданием ею новой научной отрасли — акмеологии, является модель элементов функционального решения образовательных задач (табл. 7). Принципиально то, что эта многомерная модель уже включает семь компонентов.

Таблица 7

Элементы функционального решения образовательных задач [1, с. 149-150]

1	2
Оценочный элемент	Учитывает, что конечный результат зависит от того, что само решение образовательных задач, подчиненных достижению целостной образовательной системой общих искомых результатов может быть высоко-, средне-, низкопродуктивным. В таком случае необходимо решать, за счет каких именно элементов системы это происходит. Это может быть обусловлено несформированностью любого из далее перечисляемых элементов

Гностический элемент	Включает действия субъектов по исследованию образовательной ситуации. Гностическая деятельность является наиболее продуктивной, если субъект не упускает из виду образ результата и именно те структурные элементы, которые мы называли ранее, и взаимосвязи между ними
Прогностический элемент	Связан с прогнозированием, как результаты текущей деятельности скажутся при входе выпускника в последующую образовательную систему, в какой мере обеспечат ему продуктивное саморазвитие
Проектировочный элемент	Включает действия субъектов деятельности связанные с «выстраиванием» заданий — задач, адресованных студентам и наиболее общих стратегий, рассчитанных на весь период их подготовки, вплоть до вхождения «продукта» (выпускников) в новую среду — самостоятельную профессионально-педагогическую или производственную деятельность
Конструктивный элемент	Включает действия, связанные с решением предстоящих задач на предстоящем занятии таким образом, чтобы они продвигали учащегося к достижению главного искомого результата в нем самом
Коммуникативный элемент	Включает действия, связанные с установлением профессионально целесообразных взаимоотношений между руководителем, преподавателем, студентом, учащимся в непосредственном контакте. Это обеспечивает продуктивное мотивирование субъектов к решению предстоящих задач и продвижение к искомым результатам
Организаторский элемент	Включает действия, связанные с организацией: предъявляемой учебной информации; взаимодействия с нею учащихся (их анализа, синтеза, обобщения, переноса); деятельности и поведения, своего и учащихся, подчиненных достижению искомых результатов

Таблица 8

Классификация педагогических фобий и маний

Функция деятельности педагога	Вид абсолютизации	Педагогические фобии как боязни педагогических объектов, явлений или действий	Педагогические мании как чрезмерные увлечения учителя какой-либо идеей при игнорировании других
1	2	3	4
Организаторская (учащиеся)	Абсолютизация ценности авторитета педагога	Фобия ошибок и неудач	Мания судить
		Фобия критики	Мания преследования
		Фобия несостоятельности	Мания величия
		Фобия юмора	
		Фобия превосходства учащихся	
	Абсолютизация ценности дисциплины	Фобия активности учащихся	Эталомания
		Фобия самостоятельности учащихся	Уступкомания
		Фобия «трудного» класса или «трудного» учащегося	Обвинениемания

Окончание табл. 3

1	2	3	4
Гностическая (педагог)	Абсолютизация ценности собственного опыта в ущерб ценности теоретических знаний	Фобия теоретических знаний	Мания собственного опыта
		Фобия научно-исследовательской работы	
		Фобия использования опыта коллег	
	Абсолютизация ценности теоретических знаний в ущерб собственному опыту	Фобия недостатка теоретических знаний	Наукомания
		Фобия неверного применения педагогической методики/технологии	Авторитетомания
	Преувеличение ценности стабильности в ущерб творчеству, инновациям	Фобия метода/технологии	Маниакальное увлечение каким-либо подходом, теорией, методом, технологией
		Фобия ответственности	
		Фобия новых ситуаций и инноваций	
Коммуникативная (средства)	Абсолютизация ценности какого-либо педагогического средства в ущерб другим	Фобия конфликтов	Мания воспитательных мероприятий
		Интернет-компьютерная фобия	Игромания
		Фобия индивидуальной работы с учащимися	Техномания
		Фобия обратной связи	Идеаломания
		Фобия отдыха	Мания строгости
Конструктивная (учебное содержание)	Абсолютизация ценности учебной информации в ущерб ценности её осмысления учащимися	Фобия быть непонятым	
		Фобия избытка учебной информации	
		Фобия недостатка учебной информации	
		Фобия нестандартных ответов учащихся	
Проектировочная (цель)	Абсолютизация какой-нибудь одной цели в ущерб другим	Фобия воспитания	Учёбомания
			Коллективомания
			Мания развития индивидуальности
			Мания достижения целей, «спущенных свыше»

Таблица 9

Этапы эволюции теории педагогической системы Н. В. Кузьминой

Определение педагогической системы	1970-е	1980-е	1990-е	2000-е
	Употребляет понятие «педагогический процесс»	Педагогическая система — множество взаимосвязанных структурных и функциональных компонентов, подчинённых целям воспитания, образования и обучения подрастающего поколения и взрослых людей.	Педагогическая система — взаимосвязь структурных и функциональных элементов, подчинённых целям формирования в личности учащегося готовности к самостоятельному, ответственному и продуктивному решению задач в последующей системе	Употребляет понятие «образовательная система»
Структурные и функциональные компоненты	1. Содержание информации	1. Цель		1. Цели образования
		Проектировочный компонент		
		2. Учебная информация		2. Научная и учебная информация
		Конструктивный компонент		
				3. Последующая образовательная система
				Прогностический компонент
	2. Преподаватель	3. Педагог		4. Состав преподавателей
		Гностический компонент		
	3. Учащийся	4. Учащийся		5. Учащиеся
		Организаторский компонент		
	4. Средства передачи информации	5. Средства педагогической коммуникации		6. Средства образовательной коммуникации
		Коммуникативный компонент		
				7. Критерии оценки качества образовательной системы
				Оценочный компонент

В течение 1980-1990-х гг. разными исследователями было реализовано множество педагогических моделей, в основание которых положена структура, предложенная Н. В. Кузьминой. Одной из самых интересных и неожиданных моделей последних лет стала классификация педагогических фобий и маний, предложенная в 2004 году сочинскими исследователями Ю. С. Тюнниковым и М. А. Мазниченко. Результаты этого исследования почти одновременно появились в нескольких педагогических изданиях [5, 8, 10, 11]. Позднее они дополнили [9] эту классификацию, добавив в неё виды абсолютизации. Мы приводим сводную классификацию педагогических фобий и маний, опубликованную авторами в разных изданиях, поставив их в таблице 8 в виде сопряжённых пар.

В заключение обзора сведём в единую хронологическую таблицу этапы эволюции теории педагогической системы Н. В. Кузьминой (табл. 9).

Библиографический список

1. Кузьмина (Головко-Гаршина) Н. В. Предмет акмеологии. СПб.: Политехника, 2002.
2. Кузьмина Н. В. Методы исследования педагогической деятельности. Л.: ЛГУ, 1970.
3. Кузьмина Н. В. Профессионализм деятельности преподавателя и мастера производственного обучения профтехучилища. М.: Высшая школа, 1989.
4. Кузьмина Н. В. Профессионализм личности преподавателя и мастера производственного обучения. М.: Высшая школа, 1990.
5. Мазниченко М. А., Тюнников Ю. С. Педагогические фобии и мании: классификация и преодоление // Народное образование. 2004. № 7.
6. Методы системного педагогического исследования: учеб. пособие/под ред. Н. В. Кузьминой. Л.: ЛГУ, 1980.
7. Методы системного педагогического исследования: учеб. пособие/под ред. Н. В. Кузьминой. М.: Народное образование, 2002.
8. Тюнников Ю. С., Мазниченко М. А. Педагогическая мифология как тезаурус практической деятельности педагога // Школьные технологии. 2004. № 1.
9. Тюнников Ю. С., Мазниченко М. А. Педагогические фобии и мании как отражение ценностной системы учителя // Исследования гуманитарных систем. Вып. 1: Теория педагогической системы Н. В. Кузьминой: генезис и следствия/под ред. В. П. Бедерхановой. Краснодар: Парабеллум, 2013.
10. Тюнников Ю. С., Мазниченко М. А. Страхи и фобии педагогов // Директор школы. 2005. № 1.
11. Тюнников Ю. С., Мазниченко М. А. Типичные ошибки в применении педагогических методов // Школьные технологии. 2004. № 3.
12. Якунин В. А. Обучение как процесс управления. Психологические аспекты. Л.: ЛГУ, 1988.
13. Якунин В. А. Педагогическая психология: учеб. пособие. СПб.: Изд-во В. А. Михайлова, 2000.

Статья поступила в редакцию 11.09.2013.

THE THEORY OF PEDAGOGICAL SYSTEM BY N. V. KUZMINA: GENESIS AND AFTEREFFECTS

A. A. Ostapenko

Ostapenko, Andrey Aleksandrovich, Prof., Dr. Sci. (Pedagogy), prof at the Chair for Social Work, Psychology and Methods of Teaching in Higher Education, Kuban State University. E-mail: ost101@mail.ru

The article sequentially discourses the stages of development of the theory of pedagogical system by N. V. Kuzmina: from the first 4-component of 1970 to today's 7-component. Theoretical and practical experience is analyzed and generalised of modeling and developing pedagogical systems, by personally N. V. Kuzmina and her scholars and followers. Also some applied effects of the system are demonstrated developed by the researchers of N. V. Kuzmina's school, among them variations of the structure of activities are generalised for different pedagogical workers (school teacher, faculty dean, tutor, lecturer), and students. Functional elements of individual pedagogical activity are analyzed with the elements of functional solution of educational problems. The generalised classification of pedagogical phobias and manias developed by Yu. S. Tiunnikov and M. A. Maznichenko is of special interest. The article is concluded by the complete chronological table of the stages of the pedagogical system by N. V. Kuzmina development. The article is published to the 90th anniversary.

Keywords: pedagogical system, components of pedagogical system, structure of a teacher's activity, pedagogical phobias, pedagogical manias.

References

1. *Kuzmina (Golovko-Garshina), N. V.*, Predmet akmeologii [The acmeology subject], St. Petersburg, Politehnika, 2002.
2. *Kuzmina, N. V.*, Metody issledovaniya pedagogicheskoy deyatel'nosti [The methods of researching pedagogical activity], Leningrad, LGU, 1970.
3. *Kuzmina, N. V.*, Professionalizm deyatel'nosti prepodavatelya i mastera proizvodstvennogo obucheniya proftekhuchilishcha [The Professionalism of the activity of a teacher and a foreman of vocational training], Moscow, Vysshaya shkola, 1989.
4. *Kuzmina, N. V.*, Professionalizm deyatel'nosti prepodavatelya i mastera proizvodstvennogo obucheniya proftekhuchilishcha [The Professionalism of the activity of a teacher and a foreman of vocational training], Moscow, Vysshaya shkola, 1990.
5. *Maznichenko, M. A., Tyunnikov, Yu. S.*, Pedagogicheskie fobii i manii: klassifikatsiya i preodolenie [Pedagogical phobias and manias: the classification and overcoming], Narodnoe obrazovanie. 2004. № 7.
6. Metody sistemnogo pedagogicheskogo issledovaniya [The methods of systemic pedagogical research], Teaching guide, edited by N. V. Kuzmina, Leningrad, LGU, 1980.
7. Metody sistemnogo pedagogicheskogo issledovaniya [The methods of systemic pedagogical research], Teaching guide, edited by Kuzmina, N. V., Moscow, Narodnoe obrazovanie, 2002.
8. *Tyunnikov, Yu. S., Maznichenko, M. A.*, Pedagogicheskaya mifologiya kak tezaurus prakticheskoy deyatel'nosti pedagoga [Pedagogical mythology as a thesaurus of practical activity of a teacher], Shkolnye tekhnologii, 2004, No. 1.
9. *Tyunnikov, Yu. S., Maznichenko, M. A.*, Pedagogicheskie fobii i manii kak otrazhenie tsennostnoy sistemy uchitelya, Issledovaniya gumanitarnykh sistem [Pedagogical

- phobias and manias as a reflection of a teacher's humanitarian values], V 1, Teoriya pedagogicheskoy sistemy N. V. Kuzminoy: genezis i sledstviya [The theory of pedagogical system by N. V. Kuzmina: genesis and aftereffects], edited by Bederkhanova, V. P.. Krasnodar: Parabellum, 2013.
10. Tyunnikov, Yu.S., Maznichenko, M. A., Strakhi i fobii pedagogov [Teachers' fears and phobias], Direktor shkoly, 2005, No. 1.
 11. Tyunnikov, Yu.S., Maznichenko, M. A., Tipichnye oshibki v primeneniі pedagogicheskikh metodov [Typical misuses of application of pedagogical methods], Shkolnye tekhnologii. 2004. No. 3.
 12. Yakunin, V. A., Obuchenіe kak protsess upravleniya. Psikhologicheskie aspekty [Teaching as a management process. Psychological aspect], Leningrad, LGU, 1988.
 13. Yakunin, V. A., Pedagogicheskaya psikhologiya [Pedagogical psychology], Teaching guide, St. Petersburg, V.A. Mikhaylov's Publishers, 2000.

ИЗБИРАТЕЛЬНЫЙ КОДЕКС КАК ПРОЕКТ ОПТИМИЗАЦИИ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ

.....

Н. В. Гришин, Е. П. Мармилова¹

Одним из направлений развития избирательной системы России является возможная кодификация избирательного права. В статье обосновывается целесообразность кодификации для систематизации и развития избирательного права России. Анализируются попытки по кодификации избирательного права в России. Рассматривается история разработки и продвижения проекта избирательного кодекса России, выполненного под руководством А.Е. Любарева, в частности, заложенные в нем возможности существенного реформирования норм российского избирательного права. Авторы останавливают внимание на содержательных составляющих проекта, таких, как возвращение некоторых институтов избирательной системы, существовавших до 2005-2007 гг., меры по обеспечению демократичности и прозрачности выборов, законодательное закрепление демократической методики распределения мандатов при выборах по партийным спискам. Формулируются предложения по оптимизации проекта Избирательного кодекса.

Ключевые слова: выборы, избирательное право, электоральное право, избирательный кодекс.

Одним из направлений оптимизации избирательного законодательства России многими экспертами называется кодификация норм избирательного права, разработка и принятие избирательного кодекса. Идея кодификации избирательного права России существует с начала 1990-х гг.

По нашему мнению, создание избирательного кодекса может стать дополнительным механизмом защиты избирательных прав граждан России

Российская общественность выступает с инициативой о создании единого кодифицированного нормативно-правового акта, регулирующего избирательные процессы в России. Как предполагается, новый нормативно-правовой акт должен упорядочить и усовершенствовать избирательное законода-

¹ Гришин Николай Владимирович – доктор политических наук, профессор кафедры политологии Астраханского государственного университета. Эл. почта: nvgrishin@mail.ru.

Мармилова Екатерина Петровна – кандидат исторических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления, учета и аудита Астраханского государственного университета. Эл. почта: katyamme@mail.ru.

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 13-03-00252 «Оптимизация избирательной системы России: от санации к развитию».

тельство. Идею о принятии Избирательного кодекса в России нельзя назвать новой. После распада СССР этот вопрос ставился перед парламентом России (Верховным Советом) еще в 1992 г. Разработкой этого документа впоследствии занимались политические партии и экспертное сообщество; задача подготовки кодекса была включена в программу деятельности Центральной избирательной комиссии РФ.

Опыт кодификации избирательного права существует как за рубежом, так и на уровне субъектов Российской Федерации. Зарубежный опыт кодификации избирательного права достаточно богат, касается не только унитарных, но и федеративных государств. Избирательные кодексы существуют в таких федеративных странах, как Аргентина, Бразилия, Мексика, а также в Испании и Бельгии. Из стран бывшего СССР избирательные кодексы приняты в Азербайджане, Армении, Беларуси, Туркмении.

На региональном уровне избирательного законодательства России избирательные кодексы приняты более чем в 16 субъектах Российской Федерации, в том числе в Воронежской, Тюменской, Костромской областях, Республике Татарстан, Хабаровском крае. Опыт кодификации избирательного законодательства на уровне субъектов Федерации имеет значение для возможной кодификации избирательного права на уровне Российской Федерации.

Федеральный закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» имеет некоторые черты избирательного кодекса. Во-первых, этот закон закрепляет и систематизирует важнейшие нормы избирательного процесса в стране. Во-вторых, закон провозглашает свой приоритет по отношению к другим избирательным законам Российской Федерации. По нашему мнению, наличие такого базового избирательного закона снимает в глазах некоторых экспертов (и руководителей государства в целом) необходимость принятия собственно избирательного кодекса.

Тем не менее для многих представителей экспертного сообщества задача кодификации избирательного законодательства России остается актуальной.

Существенным представляется аргумент В. А. Полева, указавшего, что избирательное право отстает от других отраслей российского права по критерию кодификации: «У нас практически все сферы кодифицированы, кроме выборов» [9, с. 32]. На самом деле, кодификация отражает объективный процесс организации российской правовой системы. В Российской Федерации в настоящее время действуют 20 кодексов. Кодексы существуют не только в отдельных отраслях, но и в подотраслях права. Избирательное право в России определяется как подотрасль конституционного права или даже как самостоятельная отрасль права. Если учитывать его сложность, масштабность правовой базы, то потребность в его кодификации не меньше, чем в других отраслях и подотраслях российского права.

На самом деле, нормативно-правовая база, регулирующая важнейшие нормы избирательного права в России, характеризуется исключительной сложностью и пестротой. Наличие «базового» Федерального закона № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав...» не способно решить эту проблему. Важнейшие нормы избирательного права регулируются рядом федеральных законов (в том числе и другими кодексами), указами Президента РФ, Постановлениями Правительства РФ, постановлением Пленума Верховного Суда РФ. Эта нормативная база плохо систематизирована. Отдельные вопросы удовлетворительно не отражены в нормативно-правовых актах, существуют лакуны в правовой защите избирательных прав. Многочисленные документы, регулирующие избирательное право, плохо согласуются друг с другом. Например, ст. 141 УК РФ вводит уголовную ответственность за воспрепятствование исполнению членом избирательной комиссии его обязанностей. Но при этом ни УК РФ, ни какой-либо иной нормативно-правовой акт не содержит ясного определения обязанностей члена избирательной комиссии.

Объективно необходима систематизация и упорядочение норм российского избирательного права; актуальность такой задачи не отрицается практически никем из экспертов. Наличие кодекса способно не просто устранить многочисленные лакуны и противоречия в этой отрасли права, но и уменьшить соответствующие лазейки в законодательстве.

Среди возможных форм систематизации избирательного права России учет и инкорпорация законодательства представляются наименее предпочтительными: они предусматривают простое механическое объединение норм из разных нормативно-правовых актов без существенных изменений норм права. По нашему мнению, недостаточной может быть и такая форма систематизации, как консолидация избирательного законодательства: она устраним коллизии права, но не обеспечит его развитие. Кодификация же подразумевает реформирование норм права и упорядоченное структурирование отрасли права.

Кодификация призвана обеспечить иерархию норм избирательного права, что не в состоянии сделать обычный закон. Этот недостаток характерен для Федерального закона № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав...», который провозглашает свой приоритет среди избирательных законов России. Но таким приоритетом этот закон обладать не может, поскольку относится к числу обычных законов. Если нормы этого закона противоречат нормам другого закона, то возникает коллизия права. Преимущество по сравнению с текущим законодательством может иметь именно кодифицированный законодательный акт. Закрепление важнейших норм избирательного права не в обычном законе, а в кодифицированном обеспечит их более эффективную защиту. Кодификация избирательного права устраняет дублирование правовых норм в разных законах и снимает проблему правовых коллизий. Простое усовершенствование Закона № 67-ФЗ при сохранении им статуса обычного закона эти задачи решить не может.

Избирательный кодекс призван снять проблему излишней сложности многочисленных норм этой отрасли права. Отражение важнейших избирательных норм в одном акте обеспечит их ясность.

Принятие избирательного кодекса имеет важнейшее значение для развития всей отрасли избирательного права.

В постсоветской России на федеральном уровне рассматривалось 4 различных проекта Избирательного кодекса России:

- 1) пакет законопроектов Верховного Совета России «Об избирательном процессе» в 1992 г., разработанный под руководством В. Балалы;
- 2) проект Избирательного кодекса 1994 г. фракции «Яблоко», подготовленный под руководством В. Шейниса;
- 3) идеи разработки Избирательного кодекса России, которые содержались в документах Центральной избирательной комиссии в 2002-2007 гг.;
- 4) проект Избирательного кодекса, разработанный группой экспертов под руководством А. Любарева в 2008-2010 гг.

Особый интерес представляет последний проект Избирательного кодекса, который получил настолько широкий резонанс, что сама идея кодификации избирательного права России стала в последние годы зачастую ассоциироваться именно с проектом А. Любарева.

Общественный проект по созданию Избирательного кодекса России был инициирован в октябре 2008 г. ассоциацией «Голос». В подготовке проекта значительную роль сыграл А. Кынев. Как можно судить из публикаций разработчиков проекта, преимущество этого проекта они видели в том, что он политически не ангажирован, готовится не политическими партиями или органами государственной власти, а общественным и экспертным сообществом [8].

Разработка и обсуждение проекта Избирательного кодекса А. Любарева — незаурядный случай в законотворческом процессе современной России. Это редкий пример создания и активного продвижения законопроекта усилиями общественности, экспертным сообществом, без активного участия традиционного перечня лиц, наделенных правом законодательной инициативы. На этапе создания проекта Избирательного кодекса он не поддерживался никакими грантовыми программами, что также служило аргументом для провозглашения его политической неангажированности.

Первый вариант Избирательного кодекса был презентован в июне 2010 г. С июня 2010 по январь 2011 г. были опубликованы 4 редакции проекта Избирательного кодекса. В дальнейшем документ продолжал совершенствоваться.

Проект Избирательного кодекса А. Любарева готовился и обновлялся в процессе широкой общественной дискуссии. С ноября 2008 по июнь 2009 г. было

проведено 7 экспертных круглых столов по обсуждению будущего проекта Избирательного кодекса. Проект Избирательного кодекса широко обсуждался в регионах. С апреля по октябрь 2010 г. прошли круглые столы в 30 субъектах Федерации. В процессе обсуждения проект в целом получил поддержку большинства экспертов.

Проект Избирательного кодекса А. Любарева совмещал два достоинства. Во-первых, это был проект собственно по кодификации избирательного права России, во-вторых, проект предполагал существенное реформирование норм российского избирательного права. И в этом случае этот проект был попыткой скорректировать ценности избирательного права России на основе большей демократичности и открытости. Эта двойственность проекта А. Любарева была отмечена и в экспертном заключении Ассоциации по защите избирательных прав «Гражданский контроль»: «Авторы в качестве основной цели ставят перед собой не кодификацию положений действующего избирательного законодательства, которая предполагает объединение нескольких законов и устранение противоречий и несоответствий между ними, а создание кодекса на основе собственных представлений авторов об идеальном избирательном законодательстве» [11]. О том, что проект имеет не только юридическую, но и политическую задачу, заявила исполнительный директор ассоциации «Голос» Л. Шибанова в октябре 2010 г. на обсуждении в Институте современного развития. Политическую составляющую проекта А. Любарева отражают слова О. Шеина: «Проект Кодекса — это знамя борцов за демократию, которое сегодня может их объединить» [4]. Проект Избирательного кодекса группы А. Любарева может быть охарактеризован как наиболее масштабный, амбициозный и систематизированный проект усовершенствования избирательной системы в постсоветской России.

Презентация и общественное обсуждение проекта Избирательного кодекса начиная с 2010 г. стало интересным примером общественного давления на власть с целью оптимизации избирательного процесса в России. Тем не менее рассмотрение этого проекта на высшем уровне государственного управления стало возможным только после политического кризиса конца 2011 — начала 2012 г.

Через два года после своего создания проект Избирательного кодекса А. Любарева был рассмотрен в российском парламенте. В феврале 2012 г. проект был внесен в Государственную Думу ФС РФ группой депутатов фракции «Справедливая Россия» (С. Миронов, Н. Левичев, О. Оганян, М. Емельянов и В. Зубов; позже к группе инициаторов присоединился И. Пономарев). Одновременно депутаты этой фракции внесли проект Федерального закона «О введении в действие Избирательного кодекса Российской Федерации» (№28720-6). 22 марта профильный Комитет Государственной Думы по конституционному законодательству и государственному строительству вынес решение вернуть проект субъекту права законодательной инициативы. Как свиде-

тельствуют создатели проекта кодекса, парламентское большинство не проявило заинтересованности в проекте. Поводом отклонить законопроект стало отсутствие заключения Правительства РФ. Но и после того как это заключение было получено, обсуждение проекта в парламенте не было продолжено.

С начала 2013 г. главным лоббистом проекта Избирательного кодекса становится Комитет гражданских инициатив, ведущим экспертом которого становится сам А. Любарев. 13 февраля 2013 г. Комитет гражданских инициатив провел под председательством А. Кудрина круглый стол по обсуждению проекта Избирательного кодекса. А. Кудрин не только выразил поддержку проекту, но и заявил об «абсолютной уверенности», что Избирательный кодекс будет принят. Многие положения из проекта Избирательного кодекса были отражены в Предложениях Комитета гражданских инициатив по совершенствованию президентского проекта Федерального закона № 232119-6 «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» в апреле 2013 г.

Против проекта Избирательного кодекса А. Любарева была развернута также информационная война. В частности, в Интернете стали появляться заведомо ложные сообщения, что этот законопроект был подготовлен по заказу и на средства США. Кроме того, за участие в подготовке проекта Избирательного кодекса была наказана ассоциация «Голос». Подготовка этого законопроекта была провозглашена российскими властями политической деятельностью и использована как основной повод для преследования ассоциации «Голос» в 2013 г.

Проект Избирательного кодекса А. Любарева может быть назван идеологическим, только если признать идеологической российскую Конституцию. Проект ориентирован на максимальную защиту таких ценностей, как демократия, свободные выборы, избирательные права граждан, т. е. конституционных ценностей избирательного процесса. Никакой дополнительной идеологической нагрузки (например, либерального направления) проект не имеет.

Создатели проекта Избирательного кодекса подчеркивали, что подготовленный ими документ особенно заострен на эффективности защиты пассивного избирательного права.

Проект А. Любарева предполагал возвращение некоторых институтов избирательной системы, существовавших до 2005-2007 гг.: 1) смешанной избирательной системы на выборах депутатов российского парламента; 2) графы «против всех» в избирательный бюллетень; 3) избирательного залога для кандидатов; 4) возможности блокирования партий; 5) общественного наблюдения за выборами и т.д.

Проект предусматривал новые меры по обеспечению демократичности и прозрачности выборов: 1) снижение заградительного барьера до 3 или 4%; 2) использование на федеральных парламентских выборах смешанной связанной

избирательной системы; 3) введение санкций за отказ избранного депутата от своего мандата (против «паровозов» в списках кандидатов); 4) увеличение представительства политических партий в составе избирательных комиссий и т.д.

В проекте предлагалось законодательно закрепить демократическую методику распределения мандатов при выборах по партийным спискам, в частности, запретить метод делителей Империяле и использовать метод Хэйра как наименее искажающий пропорциональность при распределении депутатских мандатов.

Проект является целостным документом по системному реформированию избирательного права и избирательной системы России, подготовленным на высоком профессиональном уровне.

Сформулируем следующие замечания относительно новых норм, содержащихся в проекте Избирательного кодекса А. Любарева.

1. Проект декларативно определяет права членов избирательных комиссий, недостаточно конкретизируя механизмы их осуществления.

2. Кодекс не содержит новых механизмов предотвращения нарушений в ходе работы избирательных комиссий, при подсчете голосов.

3. Кодекс не конкретизирует правовой статус такого перспективного механизма защиты честных выборов, как копии протокола об итогах голосования. Правда, он содержит важные нормы, гарантирующие достоверность выданных копий итогового протокола. Во-первых, кодекс вводит персональную ответственность за достоверность сведений, указанных в копии итогового протокола. Во-вторых, ст. 14.18 современной редакции кодекса запрещает избирательной комиссии производить повторный подсчет голосов после составления итогового протокола и выдачи его заверенных копий. Это очень важные положения, тем не менее правовой статус копии итогового протокола остается, тем не менее, неопределенным.

4. Одна из проблем современного избирательного права — практическая невозможность судебного обжалования результатов выборов. К сожалению, современная редакция кодекса ничуть не улучшает положение дел. Кодекс не проясняет условия признания результатов выборов недействительными. Более того, явным недочетом проекта является тот факт, что совершенно не ясен порядок судебного обжалования результатов выборов. В частности, ст. 14.21 провозглашает, что отменить итоги выборов может «суд соответствующего уровня». Эта норма, присутствующая также в современном Законе № 67-ФЗ, оставляет неясным вопрос, какой именно суд может отменить выборы в масштабе, например, городского округа. Такого суда не существует. Таким образом, современная редакция кодекса блокирует возможность судебного обжалования результатов выборов.

5. Вызывает недоумение положение п.1 ст. 14.21 о том, что суд может отменить результаты выборов на отдельном избирательном участке только если «избирательные бюллетени уничтожены или подменены».

6. В п. 3 ст. 14.21 предусматривается, что «итоги голосования на территории, составляющей часть избирательного округа, могут быть признаны недействительными только в случае признания недействительными итогов голосования на всех избирательных участках данной территории». На практике это может означать, что нельзя признать результаты выборов недействительными на территории, если хотя бы на одном избирательном участке они проведены без претензий.

Современная редакция проекта Избирательного кодекса А. Любарева готовилась уже после судебного обжалования нарушений на выборах 2011-2012 гг. По нашему мнению, этот опыт недостаточно учтен в современной редакции проекта. В проект Кодекса могли бы войти, например, предложенные нами механизмы предотвращения нарушений на выборах, сформулированные на основе изучения опыта судебного обжалования результатов выборов мэра Астрахани 2012 г. [2].

Также у нас есть следующие возражения относительно юридических свойств предложенного законопроекта.

1. В существующем виде законопроект подпадает под ульпиановскую категорию несовершенных законов (*leges imperfectae*), так же, как и действующее российское избирательное законодательство. Подобные законы не предусматривают правовых последствий в случае нарушения указанных в них норм. Закон может хорошо регламентировать процедуру выборов, но если не предусмотрены санкции, то нарушения этой процедуры не имеют никаких правовых последствий для результатов выборов. Закон может превратиться в декларацию, набор рекомендаций необязательного характера, что уже де-факто произошло с Законом № 67-ФЗ. По нашему мнению, печальный опыт последних выборов свидетельствует о необходимости изменений в этом вопросе. Российское избирательное законодательство может стать эффективным и реально действующим, если его избавить от рыхлости и декларативности. Ему следует придать форму ульпиановских «более чем совершенных законов» (*leges plus quam perfectae*). Речь идет не только об ужесточении наказаний за нарушения норм избирательного права (эти изменения следует внести в уголовное и административное право). Требуется указать, при каких конкретных нарушениях процедуры официальные результаты не могут иметь правовой силы.

2. В целом документ оставляет впечатление, что это проект по модернизации избирательной системы, а не избирательного права. Его новизна заключается в содержащихся ценных идеях по реформированию избирательной системы; правовая же сторона этого документа не имеет существенных преимуществ по сравнению с Законом № 67-ФЗ. По нашему мнению, проект недостаточно кон-

кретно определяет правовые механизмы реализации тех положений и идей, которые в нем содержатся.

3. Проект имеет спорное деление на Общую и Особенную части. К Особенной части отнесены только вопросы, которые касаются выборов конкретных органов государственной власти — Президента РФ и депутатов Государственной Думы ФС РФ. Все остальные вопросы отнесены к Общей части. При таком подходе Общая часть включает львиную долю от объема этого документа. Этот подход не только не традиционен для структуры кодифицированных законов, но и ограничивает потенциальные возможности самого проекта. Помимо вопросов, касающихся выборов конкретных органов государственной власти (их вообще можно вывести за пределы кодекса), Особенная часть кодекса может быть посвящена углубленному регулированию конкретных процедур и механизмов защиты избирательных прав граждан, обеспечения принципов избирательного права.

Таким образом, в целом наши критические замечания по проекту Избирательного кодекса А. Любарева касаются того, что в нем недостаточно преодолены недостатки Закона № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации». Разработчики проекта почему-то решили взять этот действующий закон за основу Общей части проекта кодекса и обогатить его новыми (действительно, качественными) идеями. Как следствие, содержание проекта кодекса новое, а его форма — старая.

Реформа избирательного законодательства представляется неизбежной в современных условиях кризиса института выборов, его правовых основ. Кодификация избирательного законодательства может быть эффективным средством оптимизации избирательного права России. Предложенный проект Избирательного кодекса, разработанный группой экспертов под руководством А. Любарева, в целом имеет значительный потенциал. Принятие данного законопроекта сыграло бы прогрессивную роль в развитии избирательного процесса и избирательного права. Дальнейшее совершенствование и развитие этого проекта, общественная поддержка способны обеспечить за ним статус ориентира, который будет иметь положительное значение для оздоровления избирательной систем.

Библиографический список

1. *Баранов А.В.* Избирательные системы, выборы и особенности электорального поведения в российских регионах // Российская политическая регионалистика. Казань: Отечество, 2011.
2. *Гришин Н.В.* Правовая защита института выборов в России: рекомендации по итогам астраханских судебных процессов 2012 г. // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2013. №1.

3. Избирательный кодекс Российской Федерации — основа модернизации политической системы России/под. ред. А. Е. Любарева. М.: Голос, 2011.
4. Любарев А. Е. Проект Избирательного кодекса РФ официально внесен в Государственную Думу. URL: <http://www.echo.msk.ru/blog/lyubarev/863920-echo>
5. Мармилова Е. П. Формы защиты избирательных прав граждан в Российской Федерации: проблемы и пути оптимизации // Аспирантский вестник Поволжья. 2008. № 5-6.
6. Морозова Е. В. Гражданские инициативы и модернизация России // Политическая наука. 2012. № 2.
7. Морозова О. С. Влияние типа избирательной системы на функционирование политической системы общества // Теория и практика общественного развития. 2013. № 2.
8. Обсуждение проекта Избирательного кодекса Российской Федерации, разрабатываемого под эгидой ассоциации «Голос»: сб. материалов/под. ред. А. Е. Любарева, Е. Е. Скосаренко. М.: Голос, 2010.
9. Полев В. А. От федеральных основ к федеральному кодексу. Возможно ли это? // Журнал о выборах. 2007. № 4.
10. Шашкова Я. Ю. Перспективы реформирования электорального пространства Российской Федерации в контексте новелл законодательства о партиях // Polit Book. 2012. № 1.
11. Экспертное заключение Ассоциации по защите избирательных прав «Гражданский контроль» на проект Избирательного кодекса Российской Федерации, разработанного Ассоциацией «Голос». URL: http://www.roiip.ru/social_control/zayav6

Статья поступила в редакцию 29.05.2013.

.....

ELECTION CODE AS A PROJECT OF RUSSIAN ELECTORAL SYSTEM IMPROVEMENT

N. V. Grishin, Ye. P. Marmilova

Grishin, Nikolay Vladimirovich, Dr. Sci. (Political Science), Prof., the chair for political science, Astrakhan State University. E-mail: nvgrishin@mail.ru.

Marmilova, Yekaterina Petrovna, Cand Sci. (History), Assist. Prof. The chair for public an municipal administration, Astrakhan State University. E-mail: katyamme@mail.ru.

One of the main streams for developing electoral system in Russia is possible codification of election law. The article reasons the rationale for codification of the Russian election law with the purpose of systematisation and evolution. Attempts of codifying election law in Russia are analyzed. The history is considered of developing and promoting the Russian election code draft under A. Ye. Liubarev's guidance, particularly the opportunities pledged in it for influential reforms of the Russian election law. The authors fix on substantive constituents of the draft like reversing some electoral system institutes of back in 2005-2007, measures on providing elections with transparency and democratic character, and legislative consolidation of the mandate distribution democratic technique at elections on party lists. Proposals are redacted on improvements of the Election Code draft.

Key words: elections, election law, electoral right, election code.

References:

1. *Baranov, A. V.* Izbiratel'nye sistemy, vybory i osobennosti elektoral'nogo povedeniya v rossiyskikh regionakh. Rossiyskaya politicheskaya regionalistika [Electoral systems, elections and peculiar features of electoral behaviour in the regions of Russia. Russian political regional studies], Kazan', Otechestvo, 2011
2. *Grishin, N. V.* Pravovaya zashchita instituta vyborov v Rossii: rekomendatsii po itogam astrakhanskikh sudebnykh protsessov 2012g. [Legal protection of the institute of Russian elections: recommendations following the 2012 results of Astrakhan court cases]. Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kul'tura, 2013, No.1
3. Izbiratel'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii — osnova modernizatsii politicheskoy sistemy Rossii [Election Code of the Russian Federation as the fundamental for improving Russian political system], Under the editorship of A. E. Liubarev, Moscow, Golos, 2011.
4. *Liubarev, A. E.* Proekt Izbiratel'nogo kodeksa RF ofitsial'no vnesen v Gosudarstvennuyu Dumu [Russian Election Code draft is officially movet in the State Duma], <http://www.echo.msk.ru/blog/lyubarev/863920-echo>
5. *Marmilova, E. P.* Formy zashchity izbiratel'nykh prav grazhdan v Rossiyskoy Federatsii: problemy i puti optimizatsii [The forms of protection electoral rights of the Russian citizens. Problems and ways of improvement], Aspirantskiy vestnik Povolzh'ya, 2008, No. 5-6
6. *Morozova, Ye.V.*, Grazhdanskie initsiativy i modernizatsiya Rossii [Civil initiatives and modernisation of Russia], Politicheskaya nauka, 2012, No. 2
7. *Morozova, O. S.* Vliyaniye tipa izbiratel'noy sistemy na funktsionirovaniye politicheskoy sistemy obshchestva [Electoral system type influence upon societal political system functioning] Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya, 2013, No. 2
8. Obsuzhdeniye proekta Izbiratel'nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii, razrabatyvaemogo pod egidoy assotsiatsii "GOLOS": sbornik materialov [Discussions on the Russian Election Code draft sponsored by GOLOS association. Digest]. Edited by A. E. Liubarev, Ye. Ye. Skosarenko, Moscow, Golos, 2010
9. *Polev, V. A.* Ot federal'nykh osnov k federal'nomu kodeksu. Vozmozhno li eto? [From federal fundamentals to the federal code — is it possible?], Zhurnal o vyborakh, 2007, No. 4
10. *Shashkova, Ya. Yu.* Perspektivy pereformatirovaniya elektoral'nogo prostranstva Rossiyskoy Federatsii v kontekste novell zakonodatel'stva o partiyakh [Prospects of reforming electoral space in the Russian Federation in the context of novel party legislation], PolitBook, 2012, No. 1
11. Ekspertnoe zaklyucheniye Assotsiatsii po zashchite izbiratel'nykh prav "Grazhdanskiy kontrol'" na proekt Izbiratel'nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii, razrabotannogo Assotsiatsiey "Golos" [Expert report by GRAZHDANSKY KONTROL electoral right protection Association on Russian Federation Electoral Code draft by GOLOS Association]: http://www.roiip.ru/social_control/zayav6

НУЖЕН ЛИ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ РОССИИ СОБСТВЕННЫЙ КОДЕКС?

С. В. Громыко¹

Постоянные, не прекращающиеся изменения избирательного законодательства в очередной раз ставят на повестку дня вопрос о кодификации норм избирательного права. В статье с позиций общеправовой теории рассматриваются актуальные задачи электорально-правовой кодификации, вносятся предложения по формированию системы источников избирательного права, анализируются возможные коллизии норм избирательного права и способы их разрешения. Автор приводит аргументы, препятствующие кодификации избирательного права на нынешнем этапе развития законодательства РФ.

Ключевые слова: избирательное право, выборы, референдум, система источников права, кодификация, избирательный кодекс

В России избирательное право — одна из наиболее интенсивно меняющихся подотраслей конституционного права. Это объясняется как нестабильностью отечественной политической системы, так и не прекращающимися попытками достичь политических результатов правовыми средствами.

Одной из таких попыток стало представление в Государственную Думу депутатами С. М. Мироновым, Н. В. Левичевым, И. В. Пономаревым и другими проекта Избирательного кодекса Российской Федерации [13]. Авторство проекта принадлежит ряду экспертов Ассоциации некоммерческих организаций «В защиту прав избирателей «ГОЛОС»» под руководством А. Е. Любарева [1].

Как указывают инициаторы законопроекта в пояснительной записке, «представленный проект направлен на систематизацию действующего избирательного законодательства и законодательства о референдуме, устранение в нем противоречий, пробелов и положений, допускающих неоднозначное толкование, а также устранение дублирования норм в разных законах. Он призван сделать избирательное законодательство и законодательство о референдуме более понятным и удобным в применении. <...> Одновременно проект направлен на демократизацию избирательного законодательства и законодательства о референдуме, приведение его в соответствие с Конституцией РФ и международными избирательными стандартами, обеспечение избирательных прав

¹ Громыко Сергей Валерьевич — заместитель председателя территориальной избирательной комиссии Анапская (Краснодарский край), заслуженный юрист Кубани. Эл. почта: svгром@list.ru.

граждан, устранение или изменение положений, препятствующих демократическому развитию страны, а также восстановление положений, неоправданно исключенных из него в предшествующие годы» [14].

Однако правовое качество как концепции, так и текста проекта позволяет согласиться с мнением о том, что основная цель законопроекта, вероятно, находится за пределами обозначенных задач избирательно-правовой кодификации: «Авторы в качестве основной цели ставят перед собой не кодификацию положений действующего избирательного законодательства... а создание кодекса на основе собственных представлений авторов об идеальном избирательном законодательстве» [13]. Идея создания федерального Избирательного кодекса не нова, о чем известно и самим авторам проекта [1], однако желание поднять его как знамя борцов за демократию [9] оказалось сильнее необходимости до начала работы понять, почему эта идея, несмотря на ее поддержку депутатами Государственной Думы и Центральной избирательной комиссией России, так и осталась нереализованной. Преследуя благую цель и внося ряд интересных предложений по совершенствованию избирательно-правовых институтов и процедур, авторы проекта Избирательного кодекса попытались объять необъятное, придя к заранее известному результату.

В теории права под кодексом (лат. *codex* — собрание законов) принято понимать сводный законодательный акт, в котором объединяются и систематизируются правовые нормы, регулирующие сходные, однородные общественные отношения; будучи результатом кодификации, кодекс обладает высшей юридической силой и относится только к определенной отрасли права [10, с. 429]. В иерархии федеральных законов России кодексы относятся к текущим (обыкновенным) органическим (кодифицированным) законам, характеризующимся юридической цельностью, внутренней согласованностью, высоким уровнем нормативных обобщений и направленностью на комплексное регулирование соответствующей сферы общественных отношений, и занимает место рядом с актами типа Основ законодательства [11, с. 337]. Как законодательный акт, кодекс должен сочетать общеправовые нормы (нормы-цели, нормы-дефиниции, нормы-принципы, институты отраслевых источников, субъектов, объектов и т.д.), традиционно образующие Общую часть, и нормы конкретно-правового регулирования (специальные отраслевые институты), образующие Особенную часть. Совокупность этих свойств позволяет определять соответствующий закон как единый кодификационный акт, нормативную основу соответствующей отрасли (подотрасли, отраслевого института) законодательства либо комплексного массива законодательства.

В прикладном плане, в каждодневном правотворчестве и правоприменении остро стоит вопрос об определении места кодифицированных законов в системе нормативно-правового регулирования, особенно, когда законотворческая практика субъектов Российской Федерации пошла по пути принятия соб-

ственных кодексов, даже при наличии федерального кодекса (например, после принятия Градостроительного кодекса Российской Федерации 2004 г. в 2008 г. были приняты Градостроительный кодекс города Москвы, Градостроительный кодекс Краснодарского края).

Основным признаком, характеризующим место нормативно-правового акта в системе законодательства, является его юридическая сила, т. е. такое свойство правового акта, которое позволяет сопоставить обязательность его предписаний с предписаниями других правовых актов. Применительно к системе источников конституционного права это означает, что «иерархическая структура является в конечном счете выражением разности юридической силы отдельных видов источников конституционного права и связанной с этим соответствующей соподчиненности источников конституционного права в органически цельной системе» [5, с. 24].

Стабильность системе российского конституционного законодательства, характеризуемого самым большим по сравнению со всеми другими отраслями видовым разнообразием источников [4, с. 10], придает наличие правил, позволяющих разрешить возникающие правовые коллизии. Прежде всего, это правило «*lex superior derogat legi inferiori*» (высший по силе закон отменяет закон, низший по силе). Базовые правила разрешения правовых коллизий равных по юридической силе правовых актов сформулированы Конституционным Судом Российской Федерации: «Ни один федеральный закон не имеет преимущества перед другими федеральными законами с точки зрения определенной непосредственно Конституцией Российской Федерации иерархии нормативных актов. В отношении федеральных законов как актов одинаковой юридической силы применяется правило «*lex posterior derogat priori*» («последующий закон отменяет предыдущие»), означающее, что даже если в последующем законе отсутствует специальное предписание об отмене ранее принятых законоположений, в случае коллизии между ними действует последующий закон; вместе с тем независимо от времени принятия приоритетными признаются нормы того закона, который специально предназначен для регулирования соответствующих отношений» [8].

В отраслевую систему источников избирательного права (в широком смысле) входят акты федерального и регионального законодательства, а также акты органов местного самоуправления, из чего следует вывод о том, что регулирование в данной сфере отношений исключительно на федеральном уровне невозможно, причем данный вывод не опровергается обобщенным членом Центральной избирательной комиссии России Б. С. Эбзеевым аргументом о наличии кодексов в других отраслях, также входящих в совместную компетенцию Российской Федерации и субъектов [12]. Кроме того, среди актов федерального уровня существует специальный закон большей юридической силы, нежели все остальные, — Федеральный конституционный закон «О референ-

думе Российской Федерации» [7]. В силу этого идеологи Избирательного кодекса либо должны отказаться от любого регулирования федерального референдума (а это, по нашему мнению, единственная соответствующая Конституции позиция), либо признать, что Избирательный кодекс по своей природе не может быть единым отраслевым кодификационным актом.

Поскольку не существует иной правовой формы предлагаемого Избирательного кодекса, нежели федеральный закон, правилом «*lex specialis derogat generali*» (специальный закон отменяет общий закон) полностью нивелируется идея Избирательного кодекса как отраслевого суперзакона.

В эпоху жарких дискуссий об электорально-правовой кодификации, за несколько лет до обозначенного А.Е. Любаревым времени начала разработки Избирательного кодекса, прозвучало предложение о том, что «правовая политика, федеральное и региональное правотворчество должны быть направлены на изменение концепции правового регулирования избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ в направлении принятия акта типа Основ законодательства РФ о выборах и референдумах на основе унификации избирательно-правовых и референдумно-правовых процедур с перемещением центра тяжести регулирования выборов органов власти субъектов РФ, органов местного самоуправления, референдумов субъектов РФ и местных референдумов в сферу регионального законодательства» [2, с. 165]. В развитие своей мысли М. М. Курячая предложила на федеральном уровне в соответствии с ч. 3 ст. 55 Конституции РФ устанавливать не минимальные гарантии избирательных прав и права на референдум, а максимально возможные их ограничения [3, с. 37].

Предложенная концепция представляется нам наиболее продуктивной, способствующей реализации субъектами Федерации своих законодательных полномочий, позволяющей преодолеть один из самых серьезных недостатков Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» [6] — полную утрату грани между принципиальным и детальным правовым регулированием.

Библиографический список

1. Информационная записка по избирательному законодательству. URL: http://akudrin.ru/upload/nauch/Inform_zapiska_po_IZ-Lyubarev.doc
2. Курячая М. М. Право на референдум граждан Российской Федерации: дис. канд. ... юрид. наук. М., 2004.
3. Курячая М. М. Проблемы обеспечения народного представительства в современном российском парламентаризме // Конституционное и муниципальное право. 2011. № 12.
4. Курячая М. М. Соотношение института референдума со смежными институтами непосредственной демократии // Конституционное и муниципальное право. 2004. № 4.

5. *Кутафин О.Е.* Источники конституционного права Российской Федерации. М.: Юрист, 2002.
6. Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации: Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 24. Ст. 2253.
7. О референдуме Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 28.06.2004 № 5-ФКЗ // Собрание законодательства РФ. 2004. № 27. Ст. 2710.
8. По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 29.06.2004 № 13-П // Собрание законодательства РФ. 2004. № 27. Ст. 2804.
9. Проект Избирательного кодекса РФ официально внесен в Государственную Думу. URL: <http://golos-org.livejournal.com/137854.html> (дата обращения 20.05.2013).
10. Российская юридическая энциклопедия. М.: Издательский дом ИНФРА-М, 1999.
11. Теория государства и права: курс лекций/Под ред. Н. И. Матузова и А. В. Малько. М.: Юрист, 1997.
12. *Эбзеев Б.С.* Кодификация избирательного законодательства будет способствовать защите избирательных прав граждан и служить более полной реализации принципов государственной бытийности нашего народа. URL: <http://www.rcoit.ru/actual/detail.php?ID=16500>
13. Экспертное заключение Ассоциации по защите избирательных прав «Гражданский контроль» на проект Избирательного кодекса Российской Федерации, разработанного Ассоциацией «Голос». URL: http://www.roiip.ru/social_control/zayav6/
14. Электронная регистрационная карта на законопроект № 28717-6: Избирательный кодекс Российской Федерации. URL: <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28Spravka%29?OpenAgent&RN=28717-6>

Статья поступила в редакцию 25.09.2013.

.....

DOES RUSSIAN ELECTORAL SYSTEM NEED ITS OWN CODE?

S. V. Gromyko

Sergey Valeryevich Gromyko, Deputy president of the Anapa regional election committee, the Krasnodar Territory, Kuban Honoured Lawyer. E-mail: svgrom@list.ru.

Continual and continuous changes in election law yet again put the problem of election law rule codification on agenda. The article considers challenging objectives of electoral law codification, puts proposals on developing the system of election law sources, and possible election law collisions and ways of their solution are analyzed. The author puts the arguments interfering with the election law codification at the present stage of the Russian electoral law evolution.

Key words: election law, elections, referendum, election law sources, codification, election code.

References

1. Informatsionnaya zapiska po izbiratel'nomu zakonodatel'stvu [Election code report], http://akudrin.ru/upload/nauch/Inform_zapiska_po_IZ-Lyubarev.doc
2. Kuryachaya, M. M., Pravo na referendum grazhdan Rossiyskoy Federatsii: diss. kand. ... yurid. Nauk [The Russian Federation citizens' right to referendum, Cand Sci. (Law) dissertation], Moscow, 2004
3. Kuryachaya, M. M., Problemy obespecheniya narodnogo predstavitel'stva v sovremennom rossiyskom parlamentarizme [The problems of guaranteeing public representation in the contemporary Russian parliamentarism], Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo, 2011, No. 12
4. Kuryachaya, M. M., Sootnoshenie instituta referenduma so smezhnymi institutami neposredstvennoy demokratii [Correlation of the institutes of referendum and direct democracy], Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo, 2004, No. 4
5. Kutafin O. E., Istochniki konstitutsionnogo prava Rossiyskoy Federatsii [Sources of the constitutional law of the Russian Federation], Moscow, Yurist, 2002
6. O referendume Rossiyskoy Federatsii: Federal'nyy konstitutsionnyy zakon ot 28.06.2004 No. 5-FKZ [On referendum of the Russian Federation, Federal Constitutional Law of 28 Jun. 2004 No. 5-FKZ], Sobranie zakonodatel'stva RF, 004, No. 27, St. 2710
7. Ob osnovnykh garantiyakh izbiratel'nykh prav i prava na uchastie v referendume grazhdan Rossiyskoy Federatsii: Feder'nyy zakon ot 12.06.2002 No. 67-FZ [On basic guarantees of electoral rights of the citizens of the Russian Federation and their rights to participate in a referendum, Federal Law of 12 Jun. 2002 No. 67-FZ], Sobranie zakonodatel'stva RF, 2002, No. 24, St. 2253
8. Po delu o proverke konstitutsionnosti otdel'nykh polozheniy statey 7, 15, 107, 234 i 450 Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii v svyazi s zaprosom gruppy deputatov Gosudarstvennoy Dumy: Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 29.06.2004 No. 13-P [Special rule by the Constitutional Court of the Russian Federation On the case of examining constitutionalism of articles Nos. 7, 15, 107, 234 and 450 of the Russian Federation Code of Criminal Procedure in connection with the group of the State Duma deputies' query], Sobranie zakonodatel'stva RF, 2004, No. 27, St. 2804
9. Proekt Izbiratel'nogo kodeksa RF ofitsial'no vnesen v Gosudarstvennuyu Dumu [The Russian Election Code draft is officially brought in the State Duma], <http://golos-org.livejournal.com/137854.html>
10. Rossiyskaya yuridicheskaya entsiklopediya [Russian Legal Encyclopaedia], Moscow, INFRA-M Publishing, 1999
11. Teoriya gosudarstva i prava. Kurs lektsiy [Theory of state and law. Series of lectures], edited by N. I. Matuzova and A. V. Mal'ko, Moscow, Yurist, 1997
12. Yebzeev, B. S., Kodifikatsiya izbiratel'nogo zakonodatel'stva budet sposobstvovat' zashchite izbiratel'nykh prav grazhdan i sluzhit' bolee polnoy realizatsii printsipov gosudarstvennoy bytiynosti nashego naroda [The codification of the election law will contribute to protection of electoral rights of the citizens and serve for more principles of public being of our people], <http://www.rcoit.ru/actual/detail.php?ID=16500>

13. Ekspertnoe zaklyuchenie Assotsiatsii po zashchite izbiratel'nykh prav "Grazhdanskiy kontrol'" na projekt Izbiratel'nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii, razrabotannogo Assotsiatsiey "Golos" (Ekspertnoe zaklyuchenie Assotsiatsii po zashchite izbiratel'nykh prav "Grazhdanskiy kontrol'" na projekt Izbiratel'nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii, razrabotannogo Assotsiatsiey "Golos" [Expert report by GRAZHDANSKY KONTROL electoral right protection Association on Russian Federation Electoral Code draft by GOLOS Association], [http:// www.roiip.ru/social_control/zayav6/](http://www.roiip.ru/social_control/zayav6/)
14. Elektronnaya registratsionnaya karta na zakonoproekt No. 28717-6: Izbiratel'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii [e-registration for a draft law No. 28717-6 Election Code of the Russian Federation], <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28Spravka%29?OpenAgent&RN=28717-6>

О СОСТОЯТЕЛЬНОСТИ ИНСТИТУТОВ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКИ: МЕТОД ОЦЕНИВАНИЯ, РАЗЛИЧИЯ ОЦЕНОК ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ БИЗНЕСА, НКО И ГОССЛУЖАЩИХ

.....

О. Ю. Титова, В. Н. Якимец¹

Разработанный ранее инструментарий для оценки деятельности институтов и акторов публичной политики (ЯН-индекс) в течение 2009-2013 гг. был использован в 38 субъектах РФ. С помощью специальной анкеты в каждом из них было опрошено более 7000 респондентов, представлявших три группы граждан: госслужащие; владельцы малого и среднего бизнеса и наемные работники; сотрудники некоммерческих организаций. Предложен новый обобщенный критерий — состоятельность институтов и механизмов публичной политики. Приведена формула для расчета критерия. Дано обоснование нового оригинального подхода к оценке состоятельности институтов ПП, состоящего в их категоризации на три непересекающиеся группы — состоятельные, слабо состоятельные и несостоятельные. Визуализация результатов расчетов дана на примере обработки данных опросов представителей бизнеса, НКО и госслужащих в одном из субъектов РФ.

Ключевые слова: публичная политика, институты, механизмы, состоятельность институтов публичной политики.

Институты публичной политики, их роль в современном обществе

Публичная политика — особое качество государственного управления, которое все более ориентируется на идеи *постбюрократической организации*, предполагающей отказ от традиционной иерархической структуры управления в пользу горизонтальных отношений партнерства, кооперации, перехода от «логики учреждения» к «логике обслуживания», к развитию нового государственного менеджмента, исключающего жесткие вертикальные формы «господства-подчинения» (на это были нацелены все административные реформы, проводившиеся в современном мире в последнюю четверть XX в.). ПП подразумевает активное гражданское участие и соответствующие процедуры в принятии властных решений, разработку с общественным участием различ-

¹ Титова Ольга Юрьевна — аспирант кафедры экономики интеллектуальной собственности Московского физико-технического института. Эл. почта: olga.titova@phystech.edu

Якимец Владимир Николаевич — доктор социологических наук, главный научный сотрудник Института проблем передачи информации Российской академии наук. Эл. почта: iakimets@mail.ru

ного рода программ для решения возникающих в обществе проблем, а также социальные технологии их реализации. Она охватывает процесс двусторонней коммуникации разнообразных общественных групп, выстраиваемых большей частью симметрично, в диалоговом режиме [см.: 2, с. 224-232].

Задача ПП сводится к поиску приемлемых для общества решений социально значимых проблем и их реализации с помощью соответствующих институтов ПП и при явном участии ключевых субъектов и акторов ПП.

Институты ПП выступают условиями и средствами, которые предоставляют обществу возможность создавать свои ценности творческого и инновационного развития, переводить возникающие в этом процессе конфликты и столкновения в позитивно-функциональное русло, превращая их тем самым в элемент социальной динамики. В рамках этой задачи весьма значима роль институтов и механизмов ПП, являющихся инструментарием «демократии участия» [1, с. 30-31].

За последние годы в РФ был принят ряд законов, имеющих как позитивный, так и настораживающий характер для общества. В условиях таких противоречивых изменений повышается роль институтов ПП с эффективно работающими инструментами обратной связи, позволяющими власти своевременно улавливать тенденции развития общественных процессов и корректировать свои управленческие решения, а населению верить в дееспособность института представительства интересов и добиваться расширения своей возможности влиять на процессы принятия управленческих решений.

Оценка состоятельности институтов ПП

Рост актуальности оценки и мониторинга состояния институтов ПП в России объясняется рядом причин, главной из которых является то, что органы исполнительной власти не справляются с решением острых социальных проблем — усложняются условия для выживания малого бизнеса, усложняются вопросы реформирования жилищно-коммунальной сферы и пр. Все это ведет к нарастанию общественного недовольства.

Нами был разработан инструмент для оценки состояния региональной ПП, основанный на данных о деятельности институтов и субъектов ПП в регионах РФ, полученных в результате опросов трех групп респондентов — представителей власти (госслужащих), бизнеса и некоммерческих организаций (НКО) [см.: 3, с. 107-121]. Для опроса была разработана специальная анкета. В процессе анкетирования опрашиваемых просили оценить по 10-балльной шкале каждый из представленных показателей (9 показателей для субъектов ПП и 13 — для институтов ПП). Полученные в каждом регионе оценки состояния институтов и субъектов ПП подвергаются анализу и переводу в оцифрованную форму.

Введем обозначения:

$i = 1, \dots, n$ — номер респондента, n — число респондентов; $i = 1, \dots, m$ — номер оцениваемого института.

Оценки респондентов сводятся в матрицу

$$[x_{ij}], \text{ где } x_{ij} \in X = \{1, 2, \dots, 10\}.$$

Множество всех оценок X представляет собой объединение множества неудовлетворительных оценок $X_1 = \{1, 2, \dots, 5\}$ и множества удовлетворительных оценок $X_2 = \{6, 7, \dots, 10\}$:

$$X = X_1 \cup X_2.$$

Мы приняли оценки $\{6, 7, \dots, 10\}$ за удовлетворительные, поскольку при переводе в 5-балльную шкалу они соответствуют оценкам не ниже 3 баллов.

Преобразуем исходную матрицу оценок $[x_{ij}]$ по следующему правилу:

$$\alpha_{ij} = \begin{cases} 0, & \text{если } x_{ij} \in X_1, \\ 1, & \text{если } x_{ij} \in X_2. \end{cases}$$

В полученной матрице из нулей и единиц $[\alpha_{ij}]$ единицы соответствуют удовлетворительным оценкам. Тогда число

$$A_j = \sum_{i=1}^n \alpha_{ij}$$

будет показывать количество удовлетворительных оценок, данных j -му институту, а доля этих оценок от общего числа, т.е. отношение A_j/n будет служить критерием для оценки состоятельности этого института.

Обозначим:

C — множество состоятельных институтов;

W — множество слабо состоятельных институтов;

I — множество несостоятельных институтов.

Для отнесения института к той или иной группе (C , W или I) будем пользоваться следующими правилами:

Институт ПП считается состоятельным (принадлежит множеству C), если более 50% опрошенных поставили ему удовлетворительную оценку (≥ 6 баллов).

Институт ПП считается слабо состоятельным (принадлежит множеству W), если от 33 до 50% опрошенных поставили ему удовлетворительную оценку (≥ 6 баллов).

Институт ПП считается несостоятельным (принадлежит множеству I), если не более 33% опрошенных поставили ему удовлетворительную оценку (≥ 6 баллов).

Используя введенные нами обозначения, можно математически записать критерий отнесения института j к той или иной группе:

Состоятельность институтов ПП, Ярославская обл. 2013

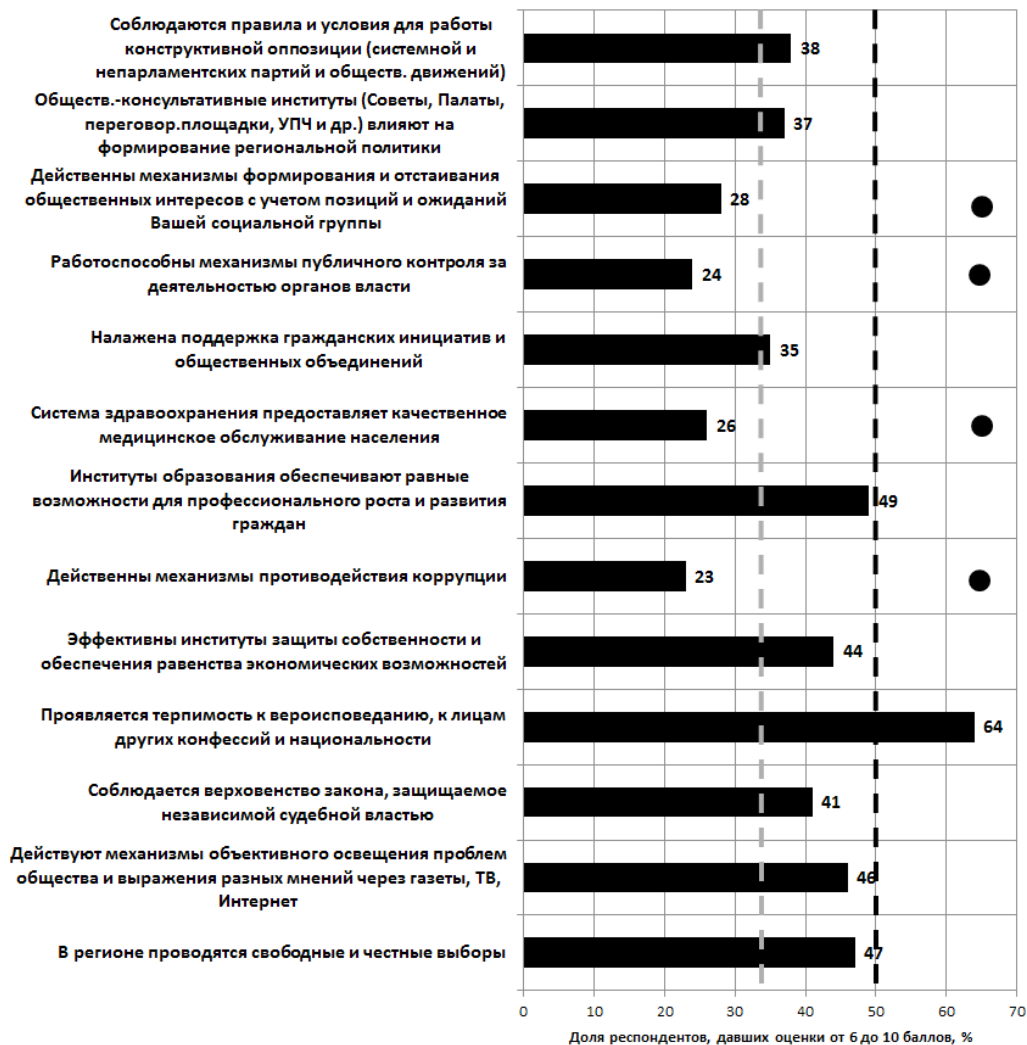

Рис. 1. Оценка состоятельности институтов ПП, Ярославская обл., 2013 г.

$$j \in \begin{cases} C, & \text{если } A_j/n > 0,5, \\ W, & \text{если } 0,33 < A_j/n \leq 0,5, \\ I, & \text{если } A_j/n \leq 0,33. \end{cases}$$

На рис. 1 представлены оценки состоятельности институтов ПП для Ярославской области (точками отмечены несостоятельные институты)

Представленный критерий может быть легко модифицирован для оценки состоятельности института ПП представителями одной из рассматриваемых групп респондентов (власти, НКО или бизнеса).

Для этого введем обозначения:

$t = 1, \dots, n^k$ — номер респондента в k -й группе (в нашем случае было 3 группы: госслужащие, представители некоммерческих организаций и бизнесмены); n^k — число респондентов в k -й группе;

$[x_{ij}]$, где $x_{ij} \in X = \{1, 2, \dots, 10\}$ — матрица оценок институтов ПП представителями k -й группы респондентов, которая с помощью точно такого же преобразования, как описано выше, приводится к матрице из нулей и единиц $[\alpha_{ij}]$.

Тогда количество удовлетворительных оценок, данных j -му институту представителями k -й группы

$$A_j^k = \sum_{i=1}^{n^k} \alpha_{ij},$$

а критерий для оценки состоятельности института ПП A_j^k / n^k .

Введем следующие обозначения:

C^k — множество состоятельных институтов по оценке представителей k -й группы респондентов;

W^k — множество слабо состоятельных институтов по оценке представителей k -й группы респондентов;

I^k — множество несостоятельных институтов по оценке представителей k -й группы респондентов.

Сформулируем критерий отнесения института j к той или иной из обозначенных групп:

$$j \in \begin{cases} C^k, & \text{если } A_j^k / n^k > 0,5, \\ W^k, & \text{если } 0,33 < A_j^k / n^k \leq 0,5, \\ I^k, & \text{если } A_j^k / n^k \leq 0,33. \end{cases}$$

На рис. 2, 3 и 4 представлены оценки состоятельности институтов ПП для Ярославской области представителями власти, НКО и бизнеса (точками отмечены несостоятельные институты).

Ввиду того что рассматриваемые группы респондентов (представители бизнеса и некоммерческих организаций, госслужащие) имеют несовпадающие интересы, было маловероятно ожидать, что множества состоятельных, слабо состоятельных и несостоятельных институтов для разных групп совпадут.

Расчеты показали, что имеют место следующие сходства и отличия в оценках:

**Состоятельность институтов ПП, по данным опросов
госслужащих**

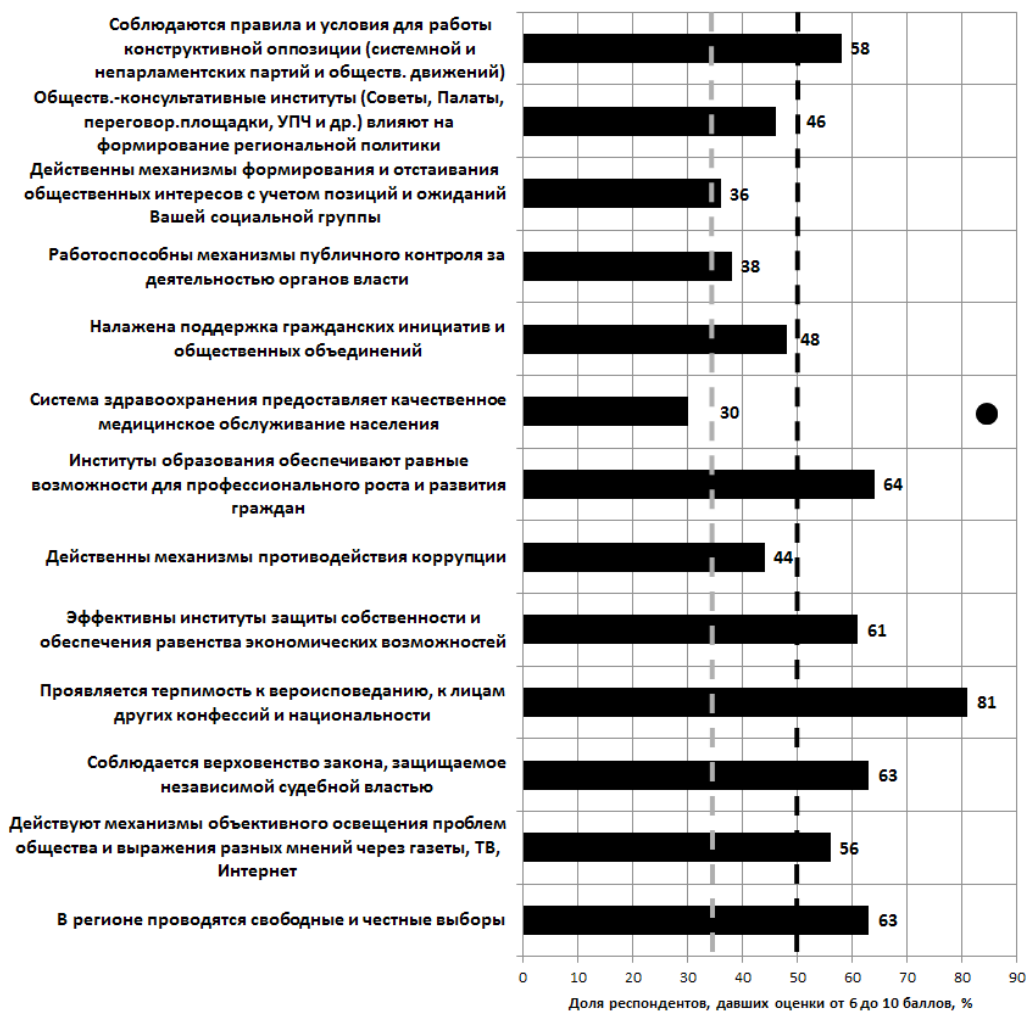

Рис. 2. Оценка состоятельности институтов ПП госслужащими, Ярославская обл., 2013 г.

- 1) все 3 группы респондентов считают несостоятельным институт здравоохранения;
- 2) представители НКО и бизнеса солидарны во мнении:
 - о несостоятельности механизмов борьбы с коррупцией;
 - о несостоятельности механизмов публичного контроля над деятельностью органов власти;

**Состоятельность институтов ПП, по данным опросов
представителей НКО**

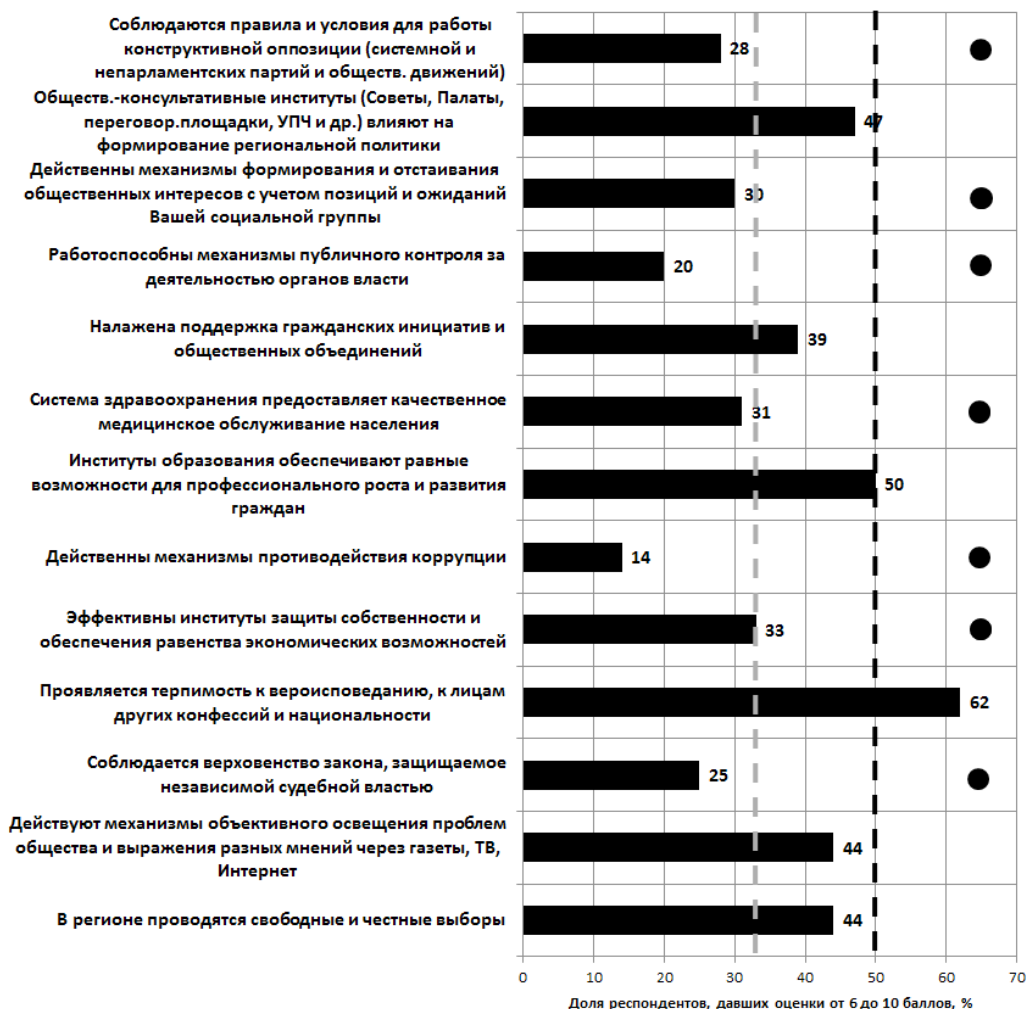

Рис. 3. Оценка состоятельности институтов ПП представителями НКО, Ярославская обл., 2013 г.

- о несостоятельности механизмов формирования и отстаивания общественных интересов;
 - об отсутствии условий для работы конструктивной оппозиции;
- представители НКО и бизнеса считают слабо состоятельными:
- механизмы освещения проблем общества через СМИ;
 - механизмы проведения выборов;

Состоятельность институтов ПП, по данным опросов представителей бизнеса

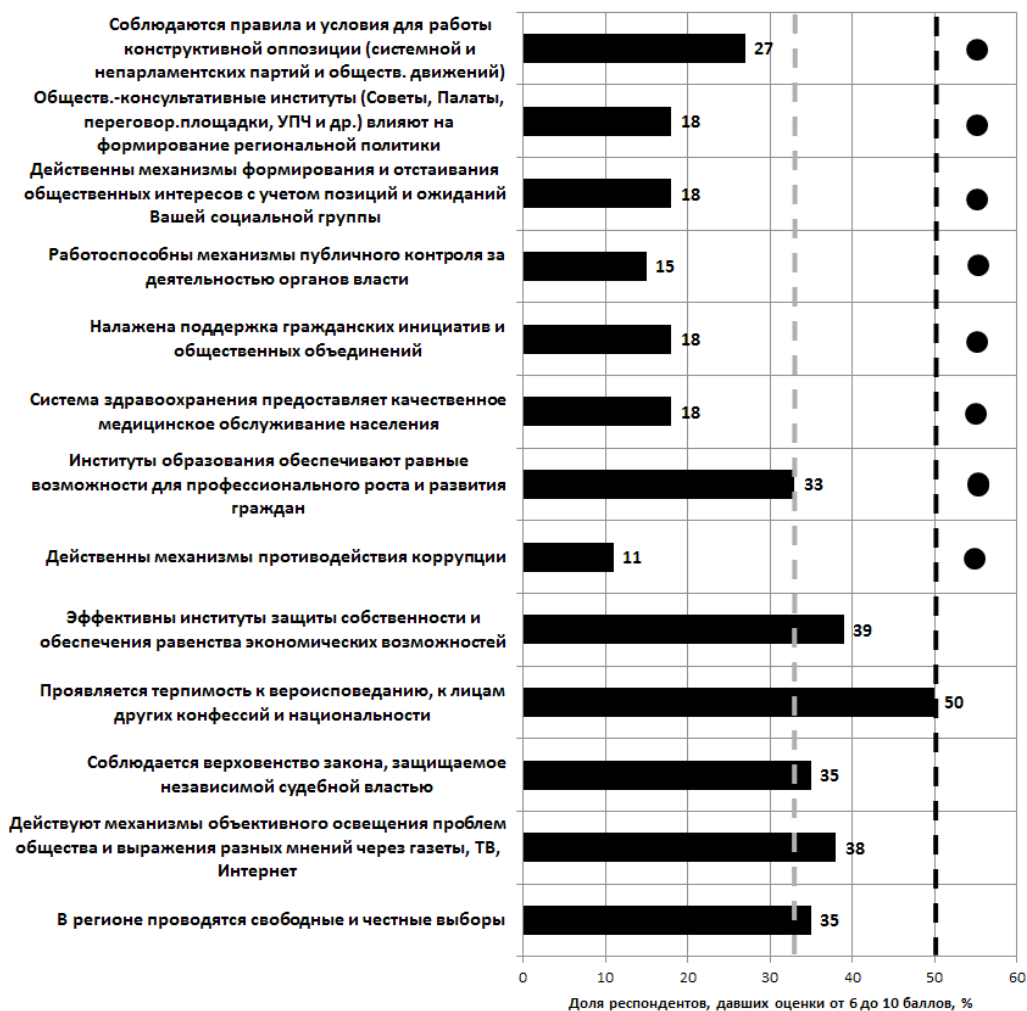

Рис. 4. Оценка состоятельности институтов ПП представителями бизнеса, Ярославская обл., 2013 г.

госслужащие и представители НКО относят к слабо состоятельным:

- общественно-консультативные институты;
- механизмы поддержки гражданских инициатив и общественных объединений;

3) представители НКО и госслужащие считают состоятельными механизмы, контролирующими свободу вероисповедания.

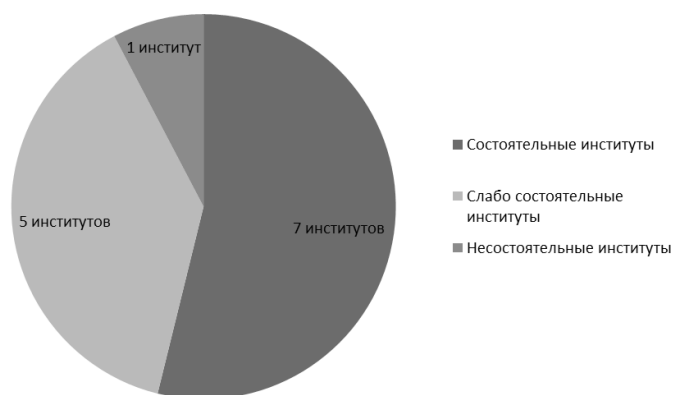

Рис. 5. Распределение институтов ПП по группам по оценке госслужащих, Ярославская обл., 2013 г.

Рис. 6. Распределение институтов ПП по группам по оценке представителей некоммерческих организаций, Ярославская обл., 2013 г.

Рис. 7. Распределение институтов ПП по группам по оценке представителей бизнеса, Ярославская обл., 2013 г.

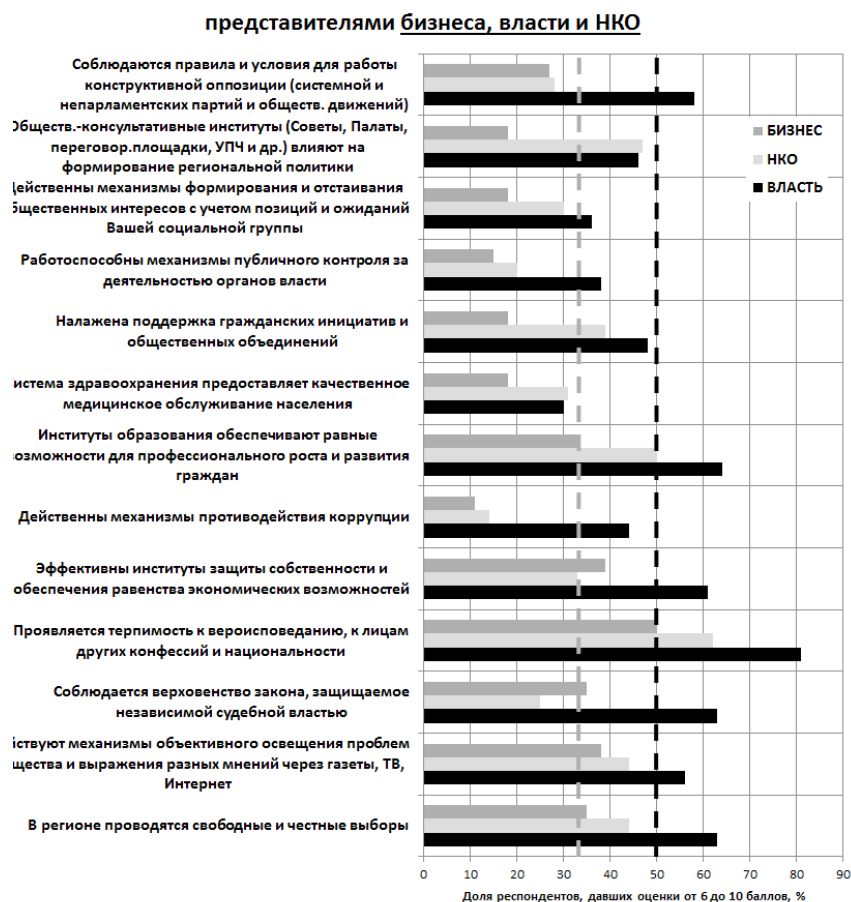

Рис. 8. Сравнение оценок состоятельности институтов ПП представителями власти, бизнеса и НКО, Ярославская обл., 2013 г.

Визуально сопоставить размеры множеств состоятельных, слабо состоятельных и несостоятельных институтов ПП по оценкам госслужащих, представителей НКО и бизнеса можно по рис. 5-7.

В целом для разных групп наблюдается *сходство* в распределении оценок:

- все 3 группы респондентов дают наибольшую оценку механизмам, контролирующим свободу вероисповедания;
- все 3 группы опрошенных достаточно высоко (по отношению к максимальной оценке внутри группы) оценивают механизмы освещения проблем общества, а также институты выборов;
- представители бизнеса и НКО дают наихудшие оценки механизмам противодействия коррупции, госслужащие также невысоко оценивают эти механизмы (относительно максимальной оценки внутри своей группы).

Наблюдается заметное отличие в уровне оценок: госслужащие оценивают деятельность институтов ПП значительно выше, чем представители двух других групп. При этом в среднем оценки членов НКО-сообщества выше оценок представителей бизнеса. Разница в оценках состоятельности институтов ПП разными группами респондентов хорошо заметна на рис. 8.

В Ярославской области, согласно нашим исследованиям за 2009-2013 гг., наблюдается рост оценок госслужащих деятельности институтов и субъектов ПП и их отрыв от оценок представителей бизнеса и НКО-сообщества [см.: 1, с. 32-34]. Поэтому целесообразно немного модифицировать критерий отнесения института к одной из выделенных групп: *C*, *W* или *I*. Помимо описанных случаев будем считать институт несостоятельным еще и тогда, когда он признан таковым хотя бы двумя группами респондентов:

- институт ПП считается состоятельным (принадлежит множеству *C*), если более 50% опрошенных поставили ему удовлетворительную оценку (≥ 6 баллов);

- институт ПП считается слабо состоятельным (принадлежит множеству *W*), если более 33%, но не более 50% опрошенных поставили ему удовлетворительную оценку (≥ 6 баллов);

- институт ПП считается несостоятельным (принадлежит множеству *I*), если не более 33% опрошенных поставили ему удовлетворительную оценку (≥ 6 баллов), а также в случае, когда он был признан несостоятельным по оценкам хотя бы двух групп респондентов (принадлежит $I^1 \cap I^2$, или $I^1 \cap I^3$, или $I^2 \cap I^3$).

При таком подходе к списку несостоятельных институтов ПП в Ярославской области, отмеченных точками на рис.1, следует добавить механизмы, предоставляющие условия для работы конструктивной оппозиции. Действительно, обратившись к рис. 8, можно заметить, что оценка госслужащими этого института значительно выше двух других. Следствием этого и стала необоснованно высокая средняя оценка (рис.1).

Библиографический список

1. *Никовская Л. И., Якимец В. Н.* «Как бы» публичная политика: тенденция к имитации, «переводу стрелок» или латентные угрозы // Стратегия поиска баланса между стабильностью и развитием: соотношение властного и общественного выбора: сб. тез. III Всерос. науч.-практ. симпозиума с международным участием. М.: РАПН, 2013.
2. *Никовская Л. И., Якимец В. Н.* Публичная политика в регионах России: характеристика типов и ресурс влияния // Вестник МГИМО-Университета. 2011. № 1.
3. *Якимец В. Н.* Индекс для оценки и мониторинга публичной политики // Публичное пространство, гражданское общество и власть: опыт развития и взаимодействия: сб. ст. М.: РАПН, РОССПЭН, 2008.

Статья поступила в редакцию 20.04.2013.

ON THE CONSISTENCY OF REGIONAL PUBLIC POLICY INSTITUTES:
METHOD OF EVALUATING THE DIFFERENCE BETWEEN APPRAISALS
OF BUSINESS, NGO AND PUBLIC SERVICE REPRESENTATIVES

O. Yu. Titova, V. N. Yakimetz

Titova, Olga Yuryevna, Moscow Physico-Technical Institute, chair for Economics of intellectual property, post-graduate student. E-mail: olga.titova@phystech.edu.

Yakimetz, Vladimir Nikolaevich, Dr. Sci. (Sociology), Rus. Acad. Sci., Institute of Information Transfer Problems, Senior Researcher. E-mail: iakimets@mail.ru.

The YaN index developed earlier to evaluate the activity of public policy institutes and actors is used during 2009-2013 in 38 subjects of RF, more than 7000 respondents questioned there by means of specialised questionnaire divided in three groups of citizens: public service; small and medium business owners and employees; and NGO officers. A new generalised criterion is proposed like consistency of institutes and mechanisms of public policy. The formula is suggested to calculate the criterion. A ground is presented for the new original approach to the evaluation of consistency PP institutes which is in their categorisation in three non-overlapping groups: the consistent, hardly consistent and inconsistent. The results visualised are proposed as an example of processing the information on questioning business, NGO and public service in one of the subjects of RF.

Key words: public policy, institutes, mechanisms, consistency of the institutes of public policy.

References

1. *Nikovskaya, L. I., Yakimetz, V. N.*, "Kak by" publichnaya politika: tendentsiya k imitatsii, "perevodu strel'ok" ili latentnye ugrozy, Strategiya poiska balansa mezhdue stabil'nost'yu i razvitiem: sootnoshenie vlastnogo i obshchestvennogo vybora: sbornik tezisov III Vserossiyskogo nauchno-prakticheskogo simpoziuma s mezhdunarodnym uchastiem [Sort of public policy: trends to simulation, laying blames or latent threats, The strategy of seeking the balance between stability and development: correlation of imperial and social choice], Moscow, RAPN, 2013.
2. *Nikovskaya, L. I., Yakimetz, V. N.*, Publichnaya politika v regionakh Rossii: kharakteristika tipov i resurs vliyaniya [Public policy in the regions of Russia], Vestnik MGIMO-Universiteta, 2011, № 1.
3. *Yakimetz, V. N.*, Indeks dlya otsenki i monitoringa publichnoy politiki, Publichnoe prostranstvo, grazhdanskoe obshchestvo i vlast': opyt razvitiya i vzaimodeystviya: sbornik statey [The index for for public policy evaluation and monitoring. Public space, civil society and power: the experience of growth and co-operation], Moscow, RAPN, ROSSPEN, 2008.

**«КОММУНИКАТИВНАЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬ»:
КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПОНЯТИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ
ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ
ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ**

.....

А. В. Курочкин¹

Ключевая проблема, рассматриваемая в статье — это поиск нового определения эффективности государственного управления, а также базовых принципов, обеспечивающих эффективный процесс координации в условиях современного сетевого общества и экономики знания. Рассматривается трактовка понятия «эффективность» в различных школах теории управления. С целью решения данной задачи автор вводит в научный оборот понятие «коммуникативная эффективность» и раскрывает методологические основания, на которых оно базируется. Основное внимание при этом уделяется неоинституциональному подходу (теории соглашений) и концепции коммуникативного действия Ю. Хабермаса. Выделяются принципы, обеспечивающие коммуникативную эффективность системы государственного управления: обеспечение возможности одновременного сосуществования различных форм координации взаимодействий и легитимирующих их ценностных порядков; минимизация возможной экспансии одного ценностного порядка и доминирования какой-либо одной формы координации; необходимость учета при выборе той или иной формы координации соответствующей ей временной перспективы; создание соответствующей институциональной основы; широкое использование сложных сетевых форм координации.

Ключевые слова: коммуникативная эффективность, сетевые формы координации, коммуникативная рациональность, интерпретативная рациональность, ценностные порядки.

Термин «эффективность» — едва ли не самый распространенный в публичных заявлениях современных российских и зарубежных политиков, а также программных документах различных политических партий. Он представляет собой ключевую цель и высший принцип функционирования системы государственной управления как в содержании курса «политики модернизации» Д. А. Медведева, так и в курсе «политики развития» В. В. Путина [4, 5]. Он же послужил главным ориентиром последних реформаторских инициатив (проекта «открытого правительства» или «правительства 3G» и др.) президента США Барака Обамы [9].

¹ Курочкин Александр Вячеславович — кандидат социологических наук, доцент, заместитель декана факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета по научной работе. Эл. почта: alexkur@bk.ru.

Не менее популярно понятие «эффективность» и в научных работах по теории государственного управления и политики. Вместе с тем даже поверхностный анализ западной литературы выявляет проблему множественности значений термина эффективность и в некоторых случаях серьезные затруднения с его дословным переводом на русский язык.

Так, в англоязычных источниках можно обнаружить не менее четырех трактовок понятия «эффективность»: *performance*, *efficiency*, *effectiveness*, *efficiency*. Термин *efficiency* обычно переводится на русский язык как «результативность» или «экономическая эффективность», что означает «соотношение полезного результата (эффекта) и объема использованных или затраченных для этого ресурсов, выражающее степень целесообразности и рациональности произведенных расходов». *Efficacy* — понятие, близкое по значению к экономической эффективности, но все же имеющее организационно-технический оттенок. Оно обозначает оценку способности аппарата управления рационально использовать ресурсы для достижения заданных целей в срок и не превышая предписанный лимит ресурсов. *Effectiveness* — это эффективность, в которой акцент сделан на сочетании оценки затратности реализуемых решений и достигнутых с помощью данных решений результатов. И наконец, понятие *performance* обозначает комплекс оценочных параметров, по которым можно проанализировать качество государственного управления в совокупности различных аспектов: социального, экономического, политического и менеджериального. Определим его как качественную мультикритериальную характеристику политико-административного управления, основанную на принципах эффективности нового публичного менеджмента: высоком качестве услуг, конкурентоспособности административных структур, экономичности процесса управления.

Данная многозначность термина «эффективность» представляется не случайной. Научные представления об эффективности зависят, с одной стороны, от развития методологии административной науки, а с другой — от объективных изменений социальной, экономической, культурной и прочих сред, в которых это управление осуществляется. Развитие методологии государственного управления в течение XX в. значительно обогатило наши знания о том, какие методы и инструменты управления считать эффективными, как должна быть спроектирована оптимальная управленческая структура и т.д. Если проследить этот процесс, то можно отметить следующие важные изменения.

В рамках «классической школы» управления (Ф. Тэйлор, А. Файоль, Д. Гьюлик и др.) *эффективность* определялась преимущественно как «достижение формальных целей заранее установленными методами в конкретные сроки» [12, с. 15]. Однако такой механистический подход к концептуализации понятия «эффективность» предполагал, что цели организации четко установлены и измеряемы и для их достижения используются стандартные методы.

Данный подход оказался уместен лишь для анализа эффективности сравнительно простых организаций, персонал которых подчинен конкретным правилам и выполняет простые рутинные операции. Не случайно он получил распространение в условиях расцвета конвейерного производства.

Известный представитель американской административной науки Дуайт Уалдо прямо указывал на детерминацию роста всеобщего интереса к феномену эффективности процессом перехода от условий деятельности организаций XIX в. к условиям деятельности организаций XX в.: «На стыке веков, однако, стало очевидно, что мораль, несмотря на всю желательность, недостаточна. Демократия должна быть состоятельной, активной. Гражданам следует быть активными и бдительными. Государственная машина не должна терять время, деньги и энергию. Расточительное использование наших ресурсов следует исправлять. Если наши благие намерения терпят крах из-за неэффективности, тогда, следовательно, неэффективность и есть главный порок» [14, с. 145].

Лауреат Нобелевской премии по экономике Г. Саймон также писал, что эффективность является «modus operandi организации» и часто используется как виртуальный синоним понятия «рациональность». Следовательно, основной задачей административной теории становится поиск того, «каким образом организация должна быть сконструирована, чтобы выполнять работу эффективно» [10, с. 64]. Данный подход предполагал в качестве основных методов достижения эффективного функционирования организации формализованные распоряжения, приказы, инструкции, направленные на рационализацию деятельности персонала. Сужая базу для непредсказуемых, случайных действий индивидов, директивный способ управления, по мнению приверженцев технократического, или механистического, подхода, позволял наилучшим образом производить количественную рационализацию, облегчая тем самым процесс измерения эффективности, который осуществлялся с помощью простых показателей в системе затрат/выпуска. Но при этом социальное качество организационных изменений, их влияние на внутри- и межорганизационные коммуникации почти всегда остается за бортом исследований.

«Школа человеческих отношений», ознаменовавшая следующий, бихевиристский этап в развитии административной теории, отвергла механистическое понимание эффективности как слишком упрощенное и не соответствующее практике. Эффективность трактуется здесь как сложное, комплексное явление, оцениваемое по целому ряду критериев: степени удовлетворения персонала организации своей работой и ее результатами, уровню текучести кадров в организации, мотивации персонала и др. В этом случае к условиям эффективности (кроме лояльности, подчинения и четкого знания процедуры выполнения операций) стали относиться и осознанное удовлетворение работой и условиями труда, межличностными отношениями, сложившимися в коллективе [1]. Иными словами, в исследование феномена эффективности в

рамках поведенческого подхода были включены социально-психологические факторы и неформальные связи внутри организации.

Кибернетический, а позже и синергетический подход, составившие основу общесистемной теории управления, сделали это понятие еще более сложным, постаравшись избежать как ориентации на предпосылку максимизации полезности отдельных субъектов, так и структурного детерминизма. Ключевым принципом данных методологий стало признание открытости и сложности современных организаций, их активное взаимодействие с внешней средой за счет включения механизмов положительной и отрицательной обратной связи, т.е. они отвергали как простоту, закрытость и линейность развития организаций, присущую механистическим моделям так и индивидуализм, атомистичность и чрезмерный психологизм, характерные для теоретических разработок представителей школы человеческих отношений. Таким образом, новый системный показатель эффективности стал еще более сложным, поскольку включил в себя исторические (зависимость от условий генезиса системы и дальнейшего хода развития), психологические (мотивационные), рыночные (ориентация на максимизацию собственной полезности) и структурно-институциональные компоненты. Он приобрел отчетливо мультикритериальный характер, что в целом соответствует сложившейся ситуации в административной науке, где на сегодняшний день отсутствует доминирующий теоретический подход или концепция, а большинство исследований строятся на междисциплинарной основе.

Трансформация социокультурной, политической и экономической реальности в течение последних 20-30 лет также значительно скорректировала наши представления об эффективном государственном управлении и политике. Сегодня данные изменения чаще всего описываются в рамках методологии постиндустриализма или близких подходов с помощью терминов «технологическая революция», «общество знания», «информационная экономика», «глобализация» и характеризуются ростом нестабильности и дезинтеграцией социальных систем, непредсказуемостью и чрезвычайной сложностью развертывания экономических процессов, проблемами социальной идентичности, смешением и исключительным многообразием культурных течений. Вместе с тем явственно проступает новый социальный тренд — развитие и широкое распространение различного рода сетевых структур (как реальных, так и виртуальных). Все это требует уточнения понятия «эффективность» применительно к государственному управлению и политике, функционирующих в условиях совершенно новой внешней среды [1].

Для того чтобы попытаться учесть обозначенные особенности современного сетевого общества и сформулировать такое определение эффективности, которое отражало бы прежде всего ее внеэкономические (менеджеральные и политические) характеристики, обратимся к понятию «коммуникация». Коммуникация и координация коммуникаций представляются не просто важ-

ными, а ключевыми процессами современного социального и политического управления. Поэтому считаем целесообразным ввести в научный оборот термин «коммуникативная эффективность».

Под *коммуникативной эффективностью*², или *эффективностью взаимодействий*, мы будем понимать функцию минимизации транзакционных издержек, рассматриваемых здесь в более широком значении, как издержки социальных обменов. Таким образом, данное понятие сфокусировано на качестве работы механизма координации социальных связей и взаимодействий.

Предложенный подход к концептуализации понятия коммуникативная эффективность строится на следующих основных предпосылках:

- коммуникативная эффективность государственного управления состоит в минимизации политической неопределенности на макроуровне, предложении ясных «правил игры» для всех контрагентов и контроле за их исполнением;
- коммуникативная эффективность напрямую зависит от административного потенциала государства, определяемого как «способность эффективно проводить и пропагандировать коллективные мероприятия» [2, с. 16] (важно отметить, что речь здесь идет не о количественном увеличении бюрократической, военной или полицейской мощи государства, а о поиске новых общественных способов реализации государственного управления);
- в качестве основного способа повышения управленческого потенциала государства (в аспекте коммуникативной эффективности) выступает создание оптимальной институциональной базы, проясняющей социальные, политические и экономические взаимодействия акторов, а также обеспечивающей равноправность и справедливость таких взаимодействий.

Необходимо подчеркнуть, что данный термин базируется на методологических принципах, близких к концепции коммуникативного действия и коммуникативной рациональности Ю. Хабермаса, исходящей, как известно, из новой интерпретации самого акта коммуникации: не как односторонней передачи информации от субъекта А к субъекту Б, а как равноправного дискурсивного диалога, в ходе которого обе стороны должны стремиться к достижению рационального консенсуса, т.е. преодолению субъективных позиций и интересов в пользу рационально обоснованного и принимаемого обеими сторонами согласия. Таким образом, исходным постулатом для концепции коммуникативной рациональности становится разделяемое всеми сторонами положение о том, что достижение рационально мотивированного понимания (точнее, взаимопонимания) в принципе возможно.

² Понятие «коммуникативная эффективность» встречается в литературе, однако в большинстве источников под ним понимается то, насколько точно носитель информации передает смысл сообщения, заложенный его отправителем. Соответственно применение этого определения ограничивается сферами PR и рекламы [6].

Важным дополнением к теории коммуникативного действия представляется идея о множественности «миров» или ценностных порядков, структурирующих коммуникацию людей. Она нашла наиболее полное отражение в работах французских неoinституционалистов, представителей теории соглашений Л. Тевено, Л. Болтянски, О. Фаворо, Э. Кьяпелло и др.

Эти «миры» представляют собой совокупность формальных и неформальных норм (последним уделяется преимущественное внимание), составляющих «правила игры, по которым осуществляется взаимодействие между людьми в той или иной сфере их деятельности» [3, с. 61]. Всего французские неoinституционалисты выделили семь таких «миров»: рыночный, индустриальный, традиционный, гражданский, мир общественного мнения, экологический мир и, наконец, мир вдохновения и творческой деятельности, отмечая при этом, что данный список может быть дополнен.

Основной задачей исследователя становится, таким образом, поиск общего основания, исходя из которого можно было бы интерпретировать принимаемые решения, делать их понятными и легитимными в контексте различных ценностных порядков. Для её решения в качестве нового понятия вводится термин «интерпретативная рациональность», обозначающий «способность к сохранению согласованного характера действий через выработку понятных для всех участников транзакции ориентиров» [3, с. 60]. Следовательно, «интерпретативная рациональность» становится основанием для обеспечения эффективной координации взаимодействий и повышения коммуникативной эффективности.

Как справедливо отмечает Лоран Тевено, в условиях современного общества, отличающегося исключительной нестабильностью, неопределенностью траекторий развития, требуется такое понятие координации, которое актуализирует не стабильный и воспроизводящийся порядок, а динамичный процесс достижения консенсуса в данный конкретный момент, в данном месте. Кроме того, оно должно отвечать требованию сосуществования разнообразных способов координации. Таким образом, теория согласований в первую очередь нацелена на поиск «множества способов «вовлеченности», каждый из которых подразумевает особый когнитивный формат... особый тип интерпретации окружающей природной среды и артефактов» [7, с. 255].

С позиций данного подхода организации любого рода рассматриваются как «сложные образования, созданные специально для достижения компромисса» [7, с. 260]. Соответственно «члены организаций вовлечены в различные способы координации в зависимости от конфигурации ситуации, в которой они находятся» [7, с. 261], т.е. организационный порядок носит динамический и ситуативный характер. В частной сфере, где наиболее распространенным видом организации является фирма, она представляет собой прежде всего динамический компромисс между рыночным и индустриальным миром.

В ситуации оценивания мы постоянно сталкиваемся с проблемой несогласованности исходных позиций (когнитивных оснований) интерпретаторов того или иного события, процесса или результата. В политике и государственном управлении такая несогласованность встречается, пожалуй, даже чаще, чем в других сферах общественной жизни, и проблема координации стоит соответственно более остро. Примеров парадоксально противоречивого истолкования одного и того же политического решения довольно много. Например, британский исследователь Доббин отмечал, что «выравнивание цен в Америке трактовалось как неудача политики стимулирования конкуренции, а в Великобритании — как успех политики, нацеленной на стабилизацию промышленности» [8, с. 124].

Весьма показателен в этом смысле пример широкой дискуссии относительно применения рыночных методов управления в государственном секторе и уровня конкурентоспособности государственных услуг. Ее апогей, как известно, пришелся на конец 1990-х — начало 2000-х гг. в связи с широким распространением методов нового публичного менеджмента и маркетинга в общественном секторе в целом. Л. Тевено довольно точно структурирует и исследует данный процесс, который «проходит через два этапа: сначала некое общее благо дискредитируется и объявляется частным благом (изобличается его фальшивая ценность); затем из другого порядка обоснования извлекается иное общее благо и объявляется ценностью (демонстрируется его истинная ценность). В результате этого процесса ситуация переворачивается с ног на голову, и мы попадаем в другой мир: так называемый «гражданин» оказывается всего-навсего совокупностью клиентов с частными интересами, или, аналогично, так называемый «клиент» на деле оказывается гражданином, наделенным правом пользоваться открытыми для всех общественными услугами» [7, с. 261]. Фиаско неолиберального курса, определенно настаивавшего на распространении рыночной координации за пределами собственно рынка хорошо объяснимо неизбежным возникновением конфликта с другими типами ценностей или когнитивными основаниями. Чем более широко пытались распространить ценности рыночного мира, тем большее количество конфликтов возникало и тем острее становились противоречия между когнитивными основаниями координации.

То же самое справедливо и для попыток установления в качестве доминирующего ценностного порядка индустриального (техничко-бюрократического) или гражданского мира, который чаще всего ассоциируется с идеологией этатизма.

В качестве общего вывода отметим, что обеспечение коммуникативной эффективности системы государственного управления требует соблюдения в управленческой практике следующих принципов:

1) обеспечения возможности одновременного сосуществования различных форм координации взаимодействий и легитимирующих их ценностных порядков, при этом они должны признаваться равноправными;

2) минимизации возможной экспансии одного ценностного порядка и соответственно доминирования какой-либо одной формы координации: «открытость организации разным способам координации позволяет ей справляться с неопределенностью, проистекающей из столкновения нескольких способов координации»; «наличие нескольких способов координации делает экономическую организацию более адаптивной, обеспечивая своего рода динамическую эффективность» [11, с. 498];

3) необходимости учета при выборе той или иной формы координации соответствующей ей временной перспективы: ориентации на прошлое (традиционный порядок), настоящее (рыночный порядок) или будущее (индустриальный порядок);

4) соответствия институциональной основы коммуникативной эффективности требованиям крайне изменчивой внешней среды: быть более гибкой и подвижной, способной меняться в направлении достижения компромисса между ценностными порядками (при этом переопределяется роль институтов: вместо сравнительно жестких детерминант поведения они рассматриваются скорее как поле возможных решений, проясняющих общую перспективу взаимодействия для акторов, чье поведение они регулируют);

5) широкого использования сложных сетевых форм координации, которые оказываются наиболее гибкими, открытыми и «толерантными» к другим формам координации и обеспечивают наиболее эффективный процесс принятия решений относительно производства и распределения общественных благ.

Библиографический список

1. Государственная политика и управление: учебник: в 2 ч. Ч. 1: Концепции и проблемы государственной политики и управления. М.: РОССПЭН, 2006.
2. Государство в меняющемся мире (Отчет о мировом развитии — 1997 г.). М.: Прайм-ТАСС, 1997.
3. Олейник А. Н. В поисках институциональной теории переходного общества // Вопросы экономики. 1997. № 10.
4. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации Президента России В. В. Путина 12 декабря 2012. URL: <http://президент.рф/transcripts/17118/>
5. Путин видит будущее России в инновационной экономике. URL: <http://www.rosbalt.biz/2008/11/20/543284.html>
6. Смирнова О. О. Оценка эффективности рекламной кампании: учеб. пособие. М.: МАКС Пресс, 2005.

7. *Тевено А.* Организационная комплексность: конвенции координации и композиция экономических образований // Западная экономическая социология: хрестоматия современной классики. М.: РОССПЭН, 2004.
8. *Dobbin F.* Forging Industrial Policy: The United States, Britain and France in the Railway Age. Cambridge: Cambridge University Press, 1994.
9. Open Government Plan. 9 April, 2013. URL: <http://www.state.gov/documents/organization/188085.pdf>.
10. *Simon H.* The proverbs of administration // Public administration review. 1946. № 6.
11. *Stark D.* Rethinking Internal Labour Markets: New Insights From a Comparative Perspective // American Sociological Review. 1986. Vol. 51.
12. *Taylor F.* Principles of Scientific Management. Harper: New York, 1911.
13. *Thevenot L.* Legitimate Modes of Coordination in the «Economics of conventions» // Intersubjectivity in Economics. London: Routledge, 2001.
14. *Waldo D.* Public Administration // International Encyclopedia of the Social Science. New York: Macmillan, 1968. Vol. 13.

Статья поступила в редакцию 29.05.2013.

COMMUNICATIVE EFFICIENCY: CONCEPTUALIZATION OF THE NOTION AND THE PROSPECTS OF APPLICATION IN THE THEORY AND PRACTICE OF PUBLIC ADMINISTRATION

A.V. Kourochkin

Kourochkin, Aleksandr Viacheslavovich, Cand. Sci. (Sociology) Assist. Prof., Scientific deputy dean for Political science, St. Petersburg State University. E-mail: alexkur@bk.ru.

The key problem considered by the article is the search of the new definition for public administration efficiency as well as basic principles providing efficient co-ordination process in contemporary network society and knowledge economy. Efficiency notion is rendered in different schools of management theory. In order to find the solution for the problem the author introduces communicative efficiency notion and reveals the methodological bases to found on. The main attention in addition is paid to non-institutional approach (agreement theory) and the theory of communicative action by J. Habermas. Some principles are emphasized providing communicative efficiency of public administration system like guaranteeing possibility of simultaneous existence of different forms of co-ordinating interactions and value cosmos; minimisation of possible expansion of one of the value cosmoses and dominating of one of the forms of co-ordination; the need for taking into account time outlook selecting this or that form of co-ordination; development of a corresponding institutional base; wide application of complex network coordination forms.

Key words: communicative efficiency, network forms of co-ordination, communicative rationality, interpretative rationality, value cosmoses.

References

1. Gosudarstvennaya politika i upravlenie: uchebnik: v 2 ch. Ch. 1: Kontseptsii i problemy gosudarstvennoy politiki i upravleniya [Public policy and administration, In 2 v, Part 1, Concepts and problems of public policy and administration], Moscow, ROSSPEN, 2006

2. Gosudarstvo v menyayushchemsya mire (Otchet o mirovom razvitii — 1997 g.) [State in a changing world, 1997 world development report], Moscow, Praym-TASS, 1997
3. Oleynik, A. N., V poiskakh institutsional'noy teorii perekhodnogo obshchestva [In search of institutional theory of a transitional society], Voprosy ekonomiki, 1997, No. 10
4. Poslanie Federal'nomu Sobraniyu Rossiyskoy Federatsii Prezidenta Rossii V. V. Putina 12 dekabrya 2012 [Presidential message of Mr. Putin to the Federal Assembly of 12 Dec. 2012], <http://prezident.rf/transcripts/17118/>
5. Putin vidit budushchee Rossii v innovatsionnoy ekonomike [Putin sees Russian future in innovation economy], <http://www.rosbalt.biz/2008/11/20/543284.html>
6. Smirnova O. O., Otsenka effektivnosti reklamnoy kampanii: ucheb. Posobie [Advertising campaign assessment, textbook], Moscow, MAKSS Press, 2005
7. Thévenot L., Organizatsionnaya kompleksnost': konventsii koordinatsii i kompozitsiya ekonomicheskikh obrazovaniy, Zapadnaya ekonomicheskaya sotsiologiya: Khrestomatiya sovremennoy klassiki [Organisational integrity, conventions, co-ordinations, and compositions of economic formations, Western economic sociology, reading book of modern classic], Moscow, ROSSPEN, 2004
8. Dobbin F., Forging Industrial Policy: The United States, Britain and France in the Railway Age. Cambridge: Cambridge University Press, 1994
9. Open Government Plan. 9 April, 2013, <http://www.state.gov/documents/organization/188085.pdf>
10. Simon H., The proverbs of administration, Public administration review. No. 6. 1946
11. Stark, D., Rethinking Internal Labour Markets: New Insights From a Comparative Perspective, American Sociological Review. 1986. Vol.51
12. Taylor F. Principles of Scientific Management. Harper: New York, 1911
13. Thévenot L., Legitimate Modes of Coordination in the "Economics of conventions", Intersubjectivity in Economics, London, Routledge, 2001
14. Waldo D., Public Administration, International Encyclopedia of the Social Science. Vol. 13, New York, 1968

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ДИСКУРСА В РУНЕТЕ: ДИАЛОГ РЕАЛЬНОСТИ С ВИРТУАЛЬНОСТЬЮ

.....

Э.А. Ганюшкина¹

Статья посвящена анализу трендов и риторики такой разновидности политического дискурса, как исторический дискурс применительно к русскоязычному сегменту Интернета. Описывается также действие механизма идеологического киберпротивостояния с использованием исторического ресурса на примере практик электронного голосования, конструирования виртуальных «мест памяти», производства интернет-контента. Анализируется инициатива по разработке концепции единого учебно-методического комплекса по отечественной истории и возможные последствия её реализации. Автором делается вывод о взаимовлиянии онлайн-оффлайн практик исторической политики и об определенной мере компрессии виртуального массового исторического дискурса на принятие правительственных решений.

Ключевые слова: исторический онлайн-оффлайн дискурс, идеологические кибервойны, историческая политика, краудсорсинг, виртуальный памятный ландшафт.

Виртуальная репрезентация политического дискурса очевидным образом предопределяет его специфику: политика выступает как продукт социальных медиа, или шире — социальных инноваций (social innovations). Сообщества, тематические группы становятся маркерами социально-политической принадлежности группы и одновременно полем для противоборства постмодернистски-расщепленных индивидуальных идентичностей.

Сегодня одним из ключевых общественно-политических спецдискурсов в России является исторический политдискурс, чья концептосфера включает следующие категории: «дискурс прошлого», «политика памяти», «историческая политика», «политизация истории», «битва за прошлое», «мемориальный бум», «мнемополитический дискурс», «исторические войны», «конструирование мест памяти», «проекты памяти». Принципиальным для понимания данной разновидности политического дискурса видится акцент на его центральной категории — феномене исторической политики.

¹ Ганюшкина Элеонора Александровна – соискатель кафедры политологии и политического управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы. Эл. почта: ella.nora2013@ya.ru

На наш взгляд, точкой отсчета современной исторической политики в России следует считать рождение Конституции РФ, законодательно оформившей демократические принципы жизнеустройства (политическое и идеологическое многообразие), а также комплекс либеральных ценностей. Так как в отличие от советского этапа идеологической монополии, где «производство истории» осуществлялось в одностороннем порядке, в постсоветских условиях конструирования новой идентичности и легитимизации демократического режима начинают активно конкурировать различные версии истории — проекты национально-государственной мифологии, включающей набор ценностных ориентиров.

И российскую историческую политику на современном этапе развития следует квалифицировать как специфическую форму взаимодействия субъектов политической коммуникации (групп, государств, индивидуумов) на конкурентной основе в целях продвижения моделей (интерпретаций) прошлого и закрепления их в качестве главенствующих и приоритетных объяснительных схем политических событий. Внутри- и внешнеполитические векторы исторической политики коррелируют с бинарным протеканием в режимах онлайн и оффлайн коммуникации. Налицо дистрибутивный характер исторической политики — наличие каузальной связи с выстраиванием курса национальной, культурной, образовательной, социальной и других сфер политики. Помимо всего прочего, исторический ресурс становится содержательной атрибуцией технологий политического маркетинга, менеджмента и имиджмейкинга. Историческая политика фокусируется вокруг проблемы исторического нарратива (национальной концепции истории): модель интерпретации прошлого — это ядро национальной идеи, ключевой фактор в построении гражданской идентичности, а также источник легитимности правящего режима.

По мнению политолога, основателя неоевразийского движения в России А. Г. Дугина, сегодня мы переживаем период, когда «русское прошлое есть, а внятной русской истории нет» [4, с.262]. Иными словами, постмодернистская инсталляция противоречивых компонентов символического капитала истории, отсутствие целостного метанарратива (понимания единства исторического процесса), лежит в основе кризиса идентичности, детерминирует низкий уровень доверия к власти, аккумулирует этнические конфликты, в конечном счете — играет против национального бренд-имиджа государства, снижая потенциал конкурентоспособности на международном экономическом рынке. Поэтому сегодняшнюю интенсификацию исторической политики следует рассматривать в свете так называемой «культурной терапии», обозначенной в числе императивных задач в одной из предвыборных программных статей президента В. В. Путина («Россия: национальный вопрос» [см. подробнее:12]).

Отметим, что анализ особенностей мнемополитического дискурса, в частности, его виртуальной репрезентации, должен строиться с учетом того, что аккумуляция запаса исторических знаний происходит в трех «очагах» (по М. Ферро) или на трех уровнях:

1-й уровень — институциональный (дискурс политической и интеллектуальной элиты; создание, корректировка, ревизия официальной исторической концепции);

2-й уровень — контрпамять (дискурс оппозиционно настроенных по отношению к официальному режиму и легитимирующему его метанарративу лоббистских групп);

3-й уровень — индивидуально-коллективная память (массовый дискурс, частно-лоббистские интересы).

Риторика 1-го уровня дискурса характеризуется ассиметричным доминированием двух центральных фигур — парламентских партий-конкурентов «Единой России» и КПРФ, при этом последнее слово остается за партией власти. Позиции агентов 2-го и 3-го уровней, при всей активности участников в историческом дискурсе и декларируемой руководством страны необходимостью публичного обсуждения проблемных вопросов истории, равноправного диалога и плюрализма мнений, остаются зачастую на периферии при принятии конкретных решений, в частности, мемориальных законов (к примеру, заявление Госдумы РФ «О катынской трагедии и ее жертвах» от 26 ноября 2010 года).

Но в отличие от традиционного механизма лоббирования идеологических проектов через проекты исторические, веб-формат предоставляет существенно больше полномочий для акторов исторической политики, превращая в потенциального субъекта мнемополитического дискурса каждого, кто подключился к глобальной Сети. Так, социальные сети (Vkontakte, Odnoklassniki, Facebook) блог-платформы (Twitter) выступают в роли памятного ландшафта («коммеморативного ландшафта»)², где каждый может попробовать себя в качестве дизайнера «мест памяти» (термин Пьера Нора). И если индивидуальная память носителя символического капитала прошлого не согласуется с символично-ценностным капиталом официальной пропагандируемой историей, продвигаемой в качестве канонической — наблюдается ситуация символического насилия (по Ж. Бурдьё). Тогда конструирование виртуального места памяти (тематической группы или сообщества) дает возможность «спасти» свое прошлое: 1) выстроить идентификационную стратегию на основе воспроизводства в виртуальной форме собственной гипотетической версии прошлого, настоящего и создать на этой основе прогностический образ будущего; 2) используя

² «Коммеморативный ландшафт» - метафорическое определение, предложенное английским историком Дэвидом Лоуэнталем в книге «Прошлое—чужая страна» для характеристики комплекса мемориальных практик, направленных на воспроизводство и сохранение сенсорных образов прошлого с целью мобилизации корпоративной идентичности. [см. подробнее: 8]

механизм краудсорсинга, вместе с другими носителями индивидуальной памяти/эмпатической идентичности, заархивировать воспоминания, партикулярную версию истории — личную и семейную — в виде артефактов, то есть перевести абстрактным воспоминания в материальную форму посредством оцифровки; 3) идеологически солидаризуясь с членами группы- сообщества, перейти к практике оффлайн позиционирования взглядов и мнений (например, организовать мемориальные флешмоб-акции); 4) апеллируя к историческим сюжетам, ретроспективным образам, выражать протестные настроения в онлайн-дискуссиях (в виде комментариев, сообщений, дополняя их видео-контентом).

Показательным в этом отношении является сегмент советских ностальгических сообществ «ЖЖ» («Живого журнала», «Livejournal»), которые, как полагает социолог Р. Абрамов, следует относить к специфическим социально-психологическим практикам, площадкам так называемой альтернативной официальному дискурсу «народной истории» (истории повседневности). Уподобляясь по функциональным признакам интернет-мемам (единицам культурной информации), советские ностальгические сообщества приобретают статус медиавирусов, так как оперативно распространяются, реплицируют себя и влияют на когнитивное восприятие блоггеров. В то же время в контексте постмодернистского состояния общества генезис ностальгических мест памяти в киберпространстве объясняется глобальной тенденцией перехода от национальной политической истории к социальной и культурной. Н. Копосов называет этот феномен реформирования онтолого-аксиологической сущности истории «демократическим поворотом» [7, с.259]. Одновременно виртуальные места памяти-ностальгии — то «месседж» политической и интеллектуальной элите: желание донести до власти идею о необходимости реанимировать символический капитал советской эпохи, который обесценивается в русле общей тенденции десакрализации советских атрибутов-символов и волн «десталинизации общественного сознания» (официально объявленной Михаилом Федотовым, Уполномоченного по правам человека в РФ, в 2010 году [18]). Кроме того, рост спроса и популярности ностальгически ориентированных виртуальных дискуссионных площадок, «мест памяти», интернет-энциклопедий свидетельствует о жизнестойкости в массовом сознании элементов прежней, ныне мозаичной, советской идентичности, таких как: архетипы, идеи, мифы социалистической эпохи. Иллюстрацией данному тезису послужит некоммерческий проект медийного агентства «Notamedia», разработавшего виртуальную книгу воспоминаний под названием «Энциклопедия нашего детства» www.e-n-d.ru специально для тех, чье детство пришлось на 1976-1982 гг. Структуру портала образуют тематические разделы: советское кино, СМИ, игры, наука, школа, спорт, одежда и прочее. Перелистывая страницы виртуальной книги воспоминаний своего детства, читатель заново обретает свою идентичность в медийных реконструкциях, воскрешающих поздний советский период. В многочис-

ленных отсылках к советскому прошлому, ее идеализации и защите советских образов-символов отражается также бытующий в сознании определенной части российских граждан миф о «золотом веке» советской империи, безвозвратно ушедшем и потерянном.

Локализация исторического дискурса вокруг коммеморативного виртуального ландшафта обнаруживает еще одну особенность постмодернистского толка в плане стратегии идентификации посредством «винтажной модели потребления» [1, с.98]. Суть которой заключается в позиционировании себя как члена группы с помощью артефактов (фото, коллекция вещей) при параллельной интериоризации материально-символического капитала других блоггеров с последующим сублимированием «вещного мира» в общий наглядный медиаконтент.

Автономные по природе тематические сообщества-группы, казалось бы, могут продолжать суверенное существование, тогда как линия официального дискурса, в частности академического, будет задана интенциями иных политических игроков. Однако современные реалии показывают определенную меру компрессии массового дискурса на элитарный. Ответом на виртуальный сигнал-послание является артикуляция общественных дискуссий (онлайн и оффлайн) на тему возврата атрибутов-образцов советской эпохи и придание им современного звучания. Так, в августе 2012 года во время кремлевской встречи с региональными уполномоченными по правам человека, президент В. В. Путин акцентировал внимание на проблеме формирования общенационального единства. И, выражая уверенность в творческом потенциале региональных чиновников, обратился с призывом найти альтернативу эпистеме «советский народ»: «например, было такое понятие — советский народ, новая историческая общность». И далее: «Если кто-то предложит нечто подобное в новых условиях — это было бы здорово»[10]. Канализированный массами виртуальный ностальгический дискурс поспособствовал активизации онлайн-оффлайн обсуждений того, какие компоненты советского логоса будут приемлемыми и полезными для сегодняшней реальности. Следует обратить внимание на последовавший ряд идей и предложений со стороны такой видной фигуры в официальной дискурсе, активно поддерживающий про-правительственные инициативы в области исторической политики (в частности, криминализацию сталинского режима и мартирологическую реанимацию ее жертв), как РПЦ. Глава синодального отдела по взаимоотношениям с вооруженными силами и правоохранительными органами Московской области протоирей Димитрий Смирнов посчитал целесообразным вернуть из советской практики налог на бездетность. По мнению протоиерея Смирнова, такая законодательная мера способствовала бы эффективному решению проблем финансовой поддержки малообеспеченных и многодетных семей. И несмотря на то, что подобная идея не нашла поддержки со стороны правящих кругов, ее обсуждение из поля оффлайн-коммуникации зер-

кально отобразилось в веб-формате, где локализовалось в бурный поток производимого многочисленными пользователями социальных сетей контента. Кроме того, опрос на тему адекватности такого закона в современных условиях был проведен в социальных сетях «Вконтакте», «Facebook», «Foursquare», «Linked in Google», «Maxpark». Например, по результатам онлайн-голосования, проходившего с 10.01.2013 по 14.01.2013, в социальной сети «Maxpark», на вопрос согласны ли вы с предложением о введении налога на бездетность, 62% ответили отрицательно, не говоря уже об обилии негативных комментариев, критикующих социально-политические порядки нынешней власти в сравнении с высокой степенью социальной защищенности и гарантий в СССР. Приведем для наглядности небольшой фрагмент ленты комментариев сайта «Maxpark» [15]:

Пользователя аккаунта _Сергей_Балясиков (комментарий от 28 января 2013 года) пишет: «При советской власти, такой налог уже был. Средства от него направлялись на содержание детей-сирот, оставшихся без попечения родителей вследствие Второй мировой войны. Нынешние родители, в основном, просто бросают своих детей или являются деклассированными элементами. Мне кажется, что для таких родителей лучше ввести принудительный труд до совершеннолетия, брошенных ими детей, чем налог за бездетность для всех остальных».

Пользователя аккаунта _Елена_Петрова (комментарий от 27 января 2013 года) пишет:

«Не согласна категорически. Рождаемость нужно стимулировать иначе — уверенностью в том, что сможешь не только родить, но и обеспечить своего ребенка...».

Таким образом, наблюдается нивелирование границ двух параметров коммуникации; при этом действует механизм обратной связи: идеи, рожденные в оффлайн-поле коммуникации, трансформируются в онлайн-голосование, дискуссии. И напротив, интернет-проекты воздействуют на оффлайновые инициативы «сверху».

Думается, в ракурсе спроса на «советское» следует рассматривать и недавнее предложение Алексея Журавлева, депутата Госдумы, члена Совета по миграционным отношениям при президенте РФ о включении в реестр государственных должностных лиц, так называемых «миграционных комиссаров» [13] или омбудсманов. Нетрудно усмотреть аналогию с советским институтом комиссаров.

Еще одним доказательством отклика на тренд жанра персонифицированной микроистории, который находит свое выражение в конструировании виртуального памятного ландшафта, а также попыткой сделать историю более релевантной общественному запросу служит тот факт, что при разработке новой концепции историко-культурного образовательного стандарта, инициированного

партией «Единая Россия» в 2013 году, члены рабочей группы РИО (Российского исторического общества) приняли во внимание целесообразность включения в школьный курс «элементов повседневности» [2]. В опубликованной на официальном сайте РИО актуальной редакции (именно так она позиционируется авторами) нового учебно-методического комплекса по отечественной истории говорится: «Наряду с событийной историей предполагается расширение материала о повседневной жизни людей в различные исторические эпохи» [16]. В целом, специфика государственная исторической политики на сегодняшний день заключается в попытке инкорпорировать в единый общенациональный метанарратив элементы советской традиции с параллельным ребрендингом дореволюционных социально-политических мифов. И если в 90-годы происходила, как пишет И.Н. Тимофеев, «маргинализация идеологических сюжетов, как левого, так и правого толка» [17, с.51], то сейчас мы наблюдаем новый поворотный этап исторической политики. С одной стороны, заимствована ключевая составляющая советской идентичности — военная топика (тема Великой Отечественной войны), которая способствует восстановлению целостности исторической ткани, обеспечивает преемственность традиций, выступает, наконец, патриотическим стержнем нынешней российской модели коллективной идентичности. С другой стороны, содержательные атрибуты символического капитала советской эпохи видоизменяются, превращаясь скорее в симулякры и лишаясь своего ортодоксального значения. Их реконструкция и импортирование в актуальную реальность напоминает действие механизма рефрейминга контекста и содержания в практике нейро-лингвистического программирования. Так, в первом случае сущность предмета не меняется, трансформируются лишь контекст (это мы видим на примере актуализированной военной мифологии), во втором, наоборот, видоизменяется суть предмета (яркая иллюстрация — это трактовка катынских событий). Одновременно фиксируется ренессанс дореволюционной мифологии и обращение к мощному мобилизационному ресурсу историко-культурного характера — христианской топике. Аккумуляция революционных брендов как приоритет стратегии нациестроительства находит воплощение в институциональных практиках и административных мерах государства: по аналогии с существовавшим до Октябрьской революции Русским императорским историческим обществом создается Российское историческое общество, усиливается гражданская роль «рыцарей православия» [6, с.22] казаков (формирование казачьей партии). Все это естественным образом дает основание говорить о проблемном характере исторического дискурса в реальной и виртуальной коммуникациях.

Отметим, что мощным инструментом конструирования виртуального мнемополитического дискурса, вызывающего резонансный эффект в оффлайн-среде, является интернет-голосование или онлайн-опрос общественного мнения по актуальным проблемам истории, ее интерпретации. Остановимся на анализе двух

интернет-проектов: виртуальный опрос «Гудбай, Ленин!» (www.goodbyelenin.ru) и онлайн-голосование «Россия 10» (www.10 Russia.ru).

Стартовавший в 2011 году при поддержке историка, министра культуры РФ, (на тот момент депутата Госдумы) В. Мединского интернет-проект «Гудбай, Ленин!» в преддверии очередной годовщины со дня смерти основателя советского государства был главным образом нацелен на осуществление практических мер по захоронению тела лидера партии большевиков. Охарактеризовав историческую персону Ленина как «спорную политическую фигуру» [9], единокорсс Владимир Мединский прямо указал в официальном интервью сайту «Единой России» на истинные идейные мотивы, побудившие его создать площадку для голосования: «Но главное не тело — главное дух» [там же]. Примечательно, что в центр главной страницы сайта помещен фрагмент текста интервью Мединского с ярко выраженной идеологической окраской. Приведем некоторые выдержки: «Общеизвестно, что сам Ленин не собирался возводить себе никаких мавзолеев, его живые родственники — сестра и брат были категорически против. Они хотели похоронить его в Санкт-Петербурге вместе с матерью, но коммунистам было наплевать на желание и на самого вождя и на его родственников» [14]. Любопытно, что формулировка вопроса голосования исключает альтернативные ответы: вы можете оставить свой голос, нажав на виртуальную кнопку с фразой «Да, я за» или «Нет, я против». Это позволяет усмотреть манипуляционный подтекст виртуального опроса. Если применить структуралистский принцип дешифровки к прочтению данного интернет-проекта, то можно зафиксировать следующую логику. Сайт появился в период предвыборной борьбы (близилась выборы в Госдуму Федерального Собрания РФ VI созыва); при этом идея захоронения была поддержана другими единокорссами. В частности, Ирина Яровая акцентировала внимание на том, что подобная коммеморативная практика не вписывается в «общечеловеческий формат» [11]. Сам же Владимир Мединский высказался о ее «язычески-некрофильской миссии», де-факто уподобляя коммунистов языческим жрецам. Таким образом, на фоне аргументов гуманистической ориентации, подкрепленных ссылками на христианские ценности, снижался авторитет политических оппонентов. Генерирование негативных смысловых коннотаций вокруг фигуры Ленина вкупе с помещением противника в невыгодный ассоциативный контекст (коммунисты как преемники языческо-некрофильской традиции) задавало алгоритм для воздействия на сознание электората, предрешая судьбу предвыборной гонки. Следовательно, частно-лоббистская позиция Мединского, которая все же не была легитимирована официальным руководством — суть дезавуированной электронной агитации и форма идеологической борьбы с политически противником в киберпространстве.

Что касается другого мультимедийного проекта — общенародного конкурса на основе онлайн-голосования «Россия 10», осуществлявшегося с марта по октябрь 2013 года, то он представляет собой партпроект «Единой России» в рам-

ках общефедерального социального проекта «Историческая память», реализуемого в 66 регионах страны. Суть конкурса заключалась в отборе 10 историко-культурных памятников — региональных брендов, которые бы стали символами единой и сильной России и инспирировали бы патриотического дух ее граждан. После чего планировалось включить эти символы в сконструированный в Московской области культурно-памятный ландшафт «Парк России». Вполне очевидно, что подобная инициатива правящей партии согласуется с общей бренд-имиджевой стратегией государства — задачей конструирования позитивного имиджа государства, в том числе необходимостью сделать образ страны более привлекательным и в инвестиционном плане для стран-реципиентов на международной арене. Кроме того, по замыслу авторов предполагалось, что участие граждан в подобном мультимедийном проекте будет способствовать росту их патриотических настроений, а на фоне утвержденной федеральной целевой программы «Об укреплении единства российской нации и этнокультурного развития народов» на 2014-2020-е гг., интернет-голосование приобретало особую значимость.

Но по мере реализации такой, казалось бы, духовно-мобилизующей граждан правительственной инициативы обнаружился подтекст одной из главных, нерешенных острых проблем исторической и шире — национальной политики. Речь идет о дефиците толерантности в российском обществе, низком уровне этнокультурной эмпатии. И в связи с этим интернет-голосование наряду с аллокацией в смс-голосование вылилось в интенсивную идеологическую виртуальную войну. Прохождение конкурса в три этапа обусловило электронную эскалацию идеологических фронтов интернет-войны. Центральными фигурами противостояния стали про-националистический сегмент социальных сетей Рунета, олицетворяющий так называемую «русскость» и этноконфессиональный (мусульманский) локальный сегмент Рунета, поддерживающий так называемую «кадыровщину». Тогда как инструментом политического манипулирования в интернет-борьбе выступили Коломенский кремль и мечеть «Сердце Чечни». Призыв проявить активность содержался в посте президент Чеченской Республики Рамзана Кадырова, запись в аккаунте одной из социальной сети гласила: «Она [мечеть] в сердце каждого из нас, она зовет к себе, она воодушевляет нас, она стала символом возрождения Чечни и новой России!» [3]. Любопытно, что в пропагандистский дискурс включился религиозный деятель Чеченской республики, первый заместитель муфтия Магомет Хийтанаев, апеллировавший к сюжету Судного дня, описанного в священной книге мусульман Коране: «каждая копейка, потраченная в голосовании за исламскую святыню, перед Всевышним подобна многократной милостыне. И как же будут счастливы в Судный день те, кто не жалел на этом пути сил, времени и денег» [там же]. Националистические акторы идеологического дискурса сконцентрировали свою позицию вокруг темы ущемления русского народа, критикуя нынешний режим власти. Обратим внимание на то, что в националистических постах (комментариях, сообщениях) встречаются

многочисленные исторические реминисценции, налицо политизация истории. Прочитируем для наглядности запись из социальной сети «ВКонтакте» одного из акторов дискурса: «символы их новоиспеченные уже нашу архитектуру, которая впитала всю славу и боль столетий затмевают... Русские, как говорится, долго запрягают, да быстро едут. Глядишь, и Кузьма Минин сыщется где-нибудь» [там же]. Этот пример дает нам основания полагать, что оперирование историей со стороны националистически настроенных участников виртуальной коммуникации оборачивается грубым фальсифицированием сюжетов, подтасовкой фактов. Направлена эта манипуляция прежде всего на формирование образа Другого как общероссийского «врага».

Приведенные примеры показывают, что электронное голосование в рамках исторической политики способно быть одним из альтернативных способов электронной пропаганды и агитации. Так как, зачастую сама процедура голосования коррелирует с целенаправленно моделируемым информационно-идеологическим сопровождением. В частности, с целью повлиять на электоральное поведение, используется такой распространенный прием политической манипуляции, как мнение авторитетных лиц.

Наконец, значимой для определения координат развития нынешнего исторического дискурса в режиме онлайн и офлайн-коммуникации является практическая реализация идейного замысла президента В. В. Путина о необходимости разработать концепцию единого учебно-методического комплекса по отечественной истории. Подготовленный членами рабочей группы РИО общенациональный учебник призван, как сказано в тексте пояснительной записки к нему, «исключить возможность возникновения внутренних противоречий и взаимоисключающих трактовок исторических событий» [16]. Соответственно, те версии или модели интерпретации истории, которые органически не вписываются в официально утвержденную концепцию, приобретают статус маргинальных исторических сюжетов, а значит и авторитет их носителей естественным образом снижается. Вполне закономерно, что появление концепции вызвало ее неприятия оппонентами официального дискурса. Противники концепции видят в ней риск политизации истории, закрепление выгодного правящей партии идеологического метанарратива. В частности, такой участник исторического дискурса, оппонент идеи концепции, как Комитет гражданских инициатив, опубликовал на сайте заявление, где говорится о том, что утверждение единого учебника «может стать еще одним источником конфликта и раскола общества» [5] и никак не согласуется с принципом вариативности содержания образовательных программ юридически закрепленным «Законом об образовании». Но что важно, принцип унификации и единообразия распространяется и на киберпространство. Учебно-методический интернет-стандарт, структурированный в парадигме краудсорсинговой схемы экспертной работы, должен по общему замыслу авторов концепции стать навигатором для учащегося в хаотично организованном

массиве исторического контента в Рунете. С. Шахрай, председатель РИО, так описал методику создания онлайн-пособия для учащихся. Работа ведется в три этапа: 1) сбор и обработка массива информации с последующим переводом наработок в веб-форму; 2) предварительная интернет-апробация текста. 3) действие механизма обратной связи, когда апробированный интернет-учебник преобразуется в традиционный печатный формат. Однако столь популярный в демократической практике развитых западных странах метод краудсорсинга, в контексте российских реалий может иметь совсем иное звучание и быть лишь формализованной процедурой технологического характера, не страхуя отечественную историю от конъюнктурного политического интерпретирования. Нет гарантии того, что неугодный контент, не вписывающийся в идеологический фрейм единого учебника (будь то конструктивное замечание/предложение или логически обоснованный комментарий), производимый актором исторической политики в ходе технологии совместной работы, не проигнорируется модераторами и так и не останется идеей в воздухе.

Подводя итоги, можно констатировать, что нивелирование взаимоисключающих версий прочтения прошлого в рамках общей повествовательной конструкции, соответствующей стилистике официального политического дискурса и ориентированной на поддержание устойчивости органов власти, не снимает проблему мемориальных войн. И носители контрпамяти, то есть оппоненты официального дискурса — будь то партии, общественно-политические силы или частно-гражданские лобби — продолжают популяризировать в режиме онлайн и оффлайн коммуникации свои собственные мифологические модели интерпретации истории. Не говоря уже о том, что в киберпространстве, проявляя определенную степень интернет-активности, можно не только оккупировать виртуальные территории и спроектировать памятный ландшафт или с помощью потока контента дискредитировать исторические образы-символы конкурента, но и посредством организованной сетевой кампании выразить протест. При этом общественный резонанс от выраженного протеста способен оказать давление на принятие правительственных решений. Таким образом, в виртуальной среде продуцировать исторические смыслы куда проще и легче, ведь достаточно оцифровать идею и преобразовать ее в контент.

Библиографический список:

1. *Абрамов Р.Н.* «Советский чердак» российской блогосферы: анализ ностальгических виртуальных сообществ // *Inter*. № 6. 2011.
2. Александр Агарев: надо наполнить курс русской истории многообразием лиц и судеб. URL: <http://ryazan.er.ru/news/2013/7/12/aleksandr-agarev-nado-napolnit-kurs-russkoj-istorii-mnogoobraziem-lic-i-sudeb/>
3. Грозненская мечеть вышла на первое место в конкурсе символов. URL: <http://lenta.ru/articles/2013/08/16/heartof/>

4. *Дугин А. Г.* Логос и мифос. Социология глубин. М.: Академический Проект; Трикста, 2010.
5. Заявление КГИ об общенациональном учебнике истории. URL: <http://www.komitetgi.ru/news/news/434/#.UmfSZx-Gip0>
6. «Казак — это не национальность, это рыцарь православия». Нагайка на страже улиц российских городов // *Власть*, 2012, № 46.
7. *Копосов Н.* Память строгого режима: История и политика в России. М.: Новое литературное обозрение, 2011.
8. *Лоуэнталь Д.* Прошлое — чужая страна. М.: Русский остров, 2004.
9. Мединский: тело Ленина пора выносить из мавзолея. URL: <http://er.ru/18/0804/>
10. Омбудсмены и пустота. URL: http://www.ng.ru/politics/2012-08-17/1_ombudsmeny.html
11. Предвыборный спор о Ленине. URL: <http://www.izvestia.ru/obshestvo/article3150775/>
12. *Путин В. В.* Россия: национальный вопрос // *Независимая газета*. 23.01.2012.
13. Путину предложат создать должность миграционного омбудсмена. URL: <http://izvestia.ru/news/558971>
14. Сайт онлайн-голосования «Гудбай, Ленин!». URL: <http://www.goodbyelenin.ru>
15. Согласны ли вы с предложением о введении налога на бездетность? URL: <http://maxpark.com/community/3376/content/1788312>
16. Текст концепции единого учебно-методического комплекса по отечественной истории. URL: http://rushistory.org/?page_id=1462
17. *Тимофеев И. Н.* Российская политическая идентичность сквозь призму интерпретации истории // *Вестник МГИМО-Университета*. 2010. №3 (12).
18. Федотов обозначил приоритеты Совета по правам человека. URL: <http://www.interfax.ru/society/news.asp?id=159653>

Статья поступила в редакцию 10.09.2013.

.....

POLITICAL DIMENSION OF HISTORICAL DISCOURSE ON RUNET: DIALOGUE OF REAL WITH VIRTUAL

E. A. Ganiushkina

Ganiyshkina, Eleonora Aleksandrovna is an extra-mural PhD degree seeker at the chair of political science and political administration, Russian Academy for economy and public administration.
E-mail: ella.nora2013@ya.ru.

The article is devoted to analysis of the trends and rhetoric of such a species of political discourse like historical discourse applied to the Russian part of Internet. Also the mechanics of ideological cyber confrontation using historic resource is described in terms of e-voting practices, building virtual realms of memory, and web content. The initiative is analyzed on developing conceptual teaching materials on domestic history as well as its possible aftermaths. Certain compression of virtual mass historical discourse and mutual interference of online/offline practices in public decision making are concluded by the author.

Key words: historical online/offline discourse, ideological cyber wars; historic politics; crowd-sourcing; virtual spaces of realm.

References:

1. *Abramov, R. N.* "Sovetskiy cherdak" rossiyskoy blogosfery: analiz nostal'gicheskikh virtual'nykh soobshchestv [Soviet attic of the Russian blogosphere], *Inter*, No. 6, 2011
2. *Aleksandr Agarev*: nado napolnit' kurs russkoy istorii mnogoobraziem lits i sudeb [Aleksandr Agarev: it is necessary to add to the course on Russian history the variety of faces and fates], <http://ryazan.er.ru/news/2013/7/12/aleksandr-agarev-nado-napolnit-kurs-russkoj-istorii-mnogoobraziem-lit-i-sudeb/>
3. Groznenskaya mechet' vyshla na pervoe mesto v konkurse simvolov [The Grozny mosque became the leader of symbols' competition], <http://lenta.ru/articles/2013/08/16/heartof/>
4. *Dugin, A. G.*, Logos i mifos. Sotsiologiya glubin [Logos and Mythos. The sociology of depths], Moscow, Akademicheskiy Proekt, Triksa, 2010
5. Zayavlenie KGI ob obshchenatsional'nom uchebnike istorii [Petition of the Committee of Civil Initiatives on the new book on history], <http://www.komitetgi.ru/news/news/434/#.UmfSZx-Gip0>
6. "Kazak — eto ne natsional'nost', to rytsar' pravoslaviya". Nagayka na strazhe ulits rossiyskikh gorodov [A Cossack is not a nationality but a knight of Orthodoxy. A whip on look-out for the streets of the Russian towns], *Vlast'*, 2012, No. 46
7. *Koposov, N.* Pamyat' strogogo rezhima: Istoriya i politika v Rossii [The memory of maximum custody type: the history and the politics in Russia], Moscow, Novoe Literaturnoe obozrenie, 2011
8. *Lowenthal, D.* Proshloe — chuzhaya strana [The Past is a Foreign Country], Moscow, Russkiy ostrov, 2004
9. Medinskiy: telo Lenina pora vynosit' iz mavzoleya [Medinsky: It's about time to put Lenin's body out of the Mausoleum], <http://er.ru/18/0804/>
10. Ombudsmeny i pustota [Ombudsmen and emptiness], http://www.ng.ru/politics/2012-08-17/1_ombudsmeny.html
11. Predvybornyy spor o Lenine [Pre-election disputes about Lenin], <http://www.izvestia.ru/obshestvo/article3150775/>
12. *Putin, V. V.* Rossiya: natsional'nyy vopros [Russia: national problem], *Nezavisimaya gazeta*, 23 Jan. 2012
13. Putinu predlozhat sozdat' dolzhnost' migratsionnogo ombudsmena [Putin will be proposed to set a migration ombudsman position], <http://izvestia.ru/news/558971>
14. Sayt onlayn-golosovaniya "Gudbay, Lenin!" [Goodbye Lenin online voting], <http://www.goodbyelenin.ru>
15. Soglasny li vy s predlozheniem o vvedenii naloga na bezdetnost'? [Do you agree with childlessness taxation initiative?], <http://maxpark.com/community/3376/content/1788312>
16. Tekst kontseptsii edinogo uchebno-metodicheskogo kompleksa po otechestvennoy istorii [The concept text of the unified teaching material on domestic history], http://rushistory.org/?page_id=1462
17. *Timofeev, I. N.*, Rossiyskaya politicheskaya identichnost' skvoz' prizmu interpretatsii istorii [Russian political identity through the prism of history interpretation], *Vestnik MGIMO-Universiteta*, 2010, No.3 (12)
18. Fedotov oboznachil priority Soveta po pravam cheloveka [Mr. Fedotov marked the Human right council priorities], <http://www.interfax.ru/society/news.asp?id=159653>

РАЗВИТИЕ ИДЕЙ А. В. БРУШЛИНСКОГО В КОНТЕКСТЕ СУБЪЕКТНО-БЫТИЙНОГО ПОДХОДА

З. И. Рябикина, Г. Ю. Фоменко, Л. Н. Ожигова¹

В статье анализируется 10-летняя ретроспектива проведения регулярных тематических конференций психологами Кубанского университета совместно с коллегами Института психологии РАН по развитию идей субъектного подхода в психологии. Осуществлена рефлексия пройденного пути и осмысление состоявшегося и достигнутого. В фокусе рассмотрения в большей мере организационный аспект научной активности, характеризующий развитие фундаментальной научной темы через фиксацию организованных психологами Кубанского университета встреч и дискуссий между коллегами из различных образовательных и научных организаций Российской Федерации и зарубежья, развивающих в своих исследованиях субъектный подход. Формулируются и обсуждаются программные положения теоретико-методологического оформления субъектно-бытийного подхода и психологии человеческого бытия. Обоснована правомерность активного использования понятия «бытие» психологами. Проясняется психологическое содержание понятия «бытие личности» как объективированной в процессах и предметах мира субъективности. Проанализирована категориальная сетка основных понятий субъектно-бытийного подхода: личность, субъект, бытие (аутентичное/неаутентичное), со-бытие, пространства бытия (предметно-пространственная среда, время, пространство межличностных отношений и т.д.), границы пространств бытия, самоактуализация, личностная идентичность. VI-я Всероссийская (с международным участием) научно-практическая конференция «Личность и бытие: субъектный подход», посвящённая 80-летию со дня рождения А. В. Брушлинского, рассматривается как очередной важный этап в развитии идей этого выдающегося учёного на площадке Кубанского университета.

Ключевые слова: субъектный подход, субъектно-бытийный подход, субъект, личность, бытие, со-бытие, пространства бытия, идентичность личности.

25-26 октября 2013 г. в Кубанском государственном университете прошла VI Всероссийская (с международным участием) научно-практическая конферен-

¹ Рябикина Зинаида Ивановна – доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой психологии личности и общей психологии Кубанского государственного университета. Эл. почта: ryabikina@manag.kubsu.ru;

Фоменко Галина Юрьевна – доктор психологических наук, профессор кафедры психологии личности и общей психологии Кубанского государственного университета. Эл. почта: fomgal27@mail.ru;

Ожигова Людмила Николаевна – доктор психологических наук, профессор кафедры психологии личности и общей психологии Кубанского государственного университета. Эл. почта: topvolna@mail.ru

ция «Личность и бытие: субъектный подход». В этом году она была посвящена 80-летию со дня рождения А. В. Брушлинского. Но *юбилейный* характер прошедшей конференции связан не только с датой рождения выдающегося отечественного психолога. Цикл научных форумов, включивших шесть основных и солидное количество дополнительных научных мероприятий (среди которых большое количество Всероссийских семинаров и несколько конференций с более конкретной тематикой) начался в 2002 г. Таким образом, можно говорить о 10-летней истории проведения регулярных тематических конференций психологами Кубанского университета совместно с коллегами Института психологии РАН по развитию идей субъектного подхода в психологии. Это побуждает к рефлексии пройденного пути, к осмыслению состоявшегося и достигнутого.

Остановимся на ретроспективе проведенных мероприятий и несколько подробнее на содержании только что завершившейся конференции. В фокусе нашего рассмотрения в большей мере *организационный аспект научной активности*, характеризующий развитие фундаментальной научной темы через фиксацию организованных нами встреч и дискуссий между коллегами из различных образовательных и научных организаций Российской Федерации и зарубежья, развивающих в своих исследованиях субъектный подход.

Первая Всероссийская научно-практическая конференция «Личность и бытие» была проведена 14-15 октября 2002 г. Материалы конференции были изданы в пяти томах [5, 6, 7, 8, 9]. Книга «Теория и методология» содержала тексты, отразившие выступления, сделанные на пленарных заседаниях. Как программные для теоретико-методологического оформления субъектно-бытийного подхода и психологии человеческого бытия можно выделить статьи З. И. Рябикиной [26] и В. В. Знакова [2].

З. И. Рябикина свою статью «Личность и ее бытие в быстро меняющемся мире» посвятила обоснованию правомерности активного использования понятия «бытие» психологами, поскольку уже в процессе подготовки к конференции возникла дискуссия об обоснованности включения категории «бытие» в название психологической конференции (и в научный психологический дискурс), так как она является философской и, следовательно, более абстрактной, чем это позволительно психологическому понятию. В докладе проясняется психологическое содержание понятия «бытие личности», которое рассматривается как объективированная в процессах и предметах мира субъективность. Бытие, по мнению З. И. Рябикиной, есть процесс воплощения смыслового содержания личности в фактах средовых преобразований [26, с. 19]. Акцентируется внимание на том, что личность и бытие могут быть поняты только как взаимозависимые аспекты единого целого, взаимообуславливающие друг друга стороны тотальности.

В. В. Знаков в статье «Психология субъекта: вариант А. В. Брушлинского» обосновывает, что А. В. Брушлинский разработал целостный и оригинальный

вариант психологии субъекта. По мнению В. В. Знакова, принципиальная новизна целостной концепции психологии субъекта заключается главным образом в трёх основных положениях. Во-первых, в переходе от микросемантического к *макроаналитическому* методу познания психического; во-вторых, в значительном расширении представлений о содержании *активности* как фактора детерминации психики; в-третьих, в целостном системном характере исследования *динамического, структурного и регулятивного* планов анализа психологии субъекта.

Вторая конференция была проведена через год, 20-21 ноября 2003 г., что отразило востребованность в научном сообществе дискуссий по проблемам субъекта и субъектности, а также установку организаторов на высокую интенсивность дальнейшей научно-исследовательской и организационной работы. Уточнённое направление анализа обусловило некоторое изменение в названии конференции (которое более уже не изменялось) «Личность и бытие: субъектный подход». Введение категории «субъект» в рассмотрение феноменологии «личность — бытие» уточнило методологические, теоретические, исследовательские позиции участников дискуссий. Основные секции и круглые столы: «Личность и образование: субъектный подход», «Личность как субъект интерпретации социального мира», «Личность в пространстве экономических и профессиональных отношений», «Личность и нормативная реальность: поиск конструктивного бытия (в контексте проблем силовых ведомств)», «Проблемы самореализации личности в различных пространствах её бытия», «Гендерная идентичность и социальное партнёрство в решении гендерных проблем», «Социальная работа и проблемы социальной поддержки личности», «Психотравмирующие факторы современной жизни и проблемы психологической поддержки аутентичного бытия личности». Материалы конференции были изданы в трёх томах [10].

Необходимость углублённого рассмотрения более конкретных проблем личности как субъекта бытия обусловила организацию и проведение нескольких всероссийских семинаров. В мае 2004 г. состоялся семинар «Гендерные аспекты бытия личности» [1]. Участниками была сформулирована идея о развитии междисциплинарной составляющей психологических исследований гендерных аспектов бытия личности в пространстве экономического знания. Реализовать эту идею позволил следующий Всероссийский научно-практический семинар «Личность как субъект экономического бытия: гендерный аспект» (27-28 мая 2005 г.) [21], создавший возможность для интеграции усилий учёных и практиков, занимающихся решением гендерных проблем в области экономических отношений.

19-20 ноября 2004 г. был проведён Всероссийский семинар «Личность и бытие: психологическая поддержка аутентичного бытия личности» [24]. В название темы семинара включено несколько ключевых для современной пси-

хологической науки понятий: «личность», «бытие», «аутентичность», «психологическая поддержка». У каждого из них своя история становления, множественность интерпретаций в различающихся теоретико-методологических контекстах, что не может не затруднять дискуссию. Но это же одновременно становится одной из причин, побуждающих к дискуссии.

Продолжим хронологию событий. В начале 2005 г. Институтом психологии РАН издана коллективная монография «Субъект, личность и психология человеческого бытия» [28], ставшая лауреатом конкурса на лучшую научную книгу (конкурс был проведен Фондом развития отечественного образования). Монография во многом базировалась на результатах тех научных дискуссий, которые развернулись на перечисленных форумах. Необходимо подчеркнуть, что 11 (из 18) авторов данной монографии — психологи КубГУ и других вузов Кубани.

11-12 ноября 2005 г. состоялась III Всероссийская конференция «Личность и бытие: субъектный подход», организованная психологами КубГУ совместно с Институтом психологии РАН при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант № 05-06-1428). Материалы конференции были изданы в шести сборниках [11, 12, 13, 14, 15, 16].

Произошло продвижение по пути более глубокого и всестороннего осмысления ключевой проблемы, заявленной на конференции, что отразилось в содержании докладов многих участников. К программным можно отнести выступления З.И. Рябикиной «Личность как субъект бытия и со-бытия: психологический аспект анализа» [27] и В.В. Знакова «Психология человеческого бытия и самопонимание личности» [3].

З.И. Рябикина отмечала, что теоретическое осмысление проблем личности на современном этапе, а также эмпирические исследования в этой области создают основу для оформления *бытийного подхода к рассмотрению личности* в психологии. Рассмотрение личности как субъекта бытия, ось «личность — бытие» как организующий принцип в анализе закономерностей и феноменологии личности предполагают в качестве основных выделение таких категорий, как: личность, субъект, бытие (аутентичное/неаутентичное), со-бытие, пространства бытия (предметно-пространственная среда, время, пространство межличностных отношений и т.д.), границы пространств бытия, самоактуализация, личностная идентичность и др. В качестве принципиальных положений, важных для понимания субъектно-бытийного подхода, З.И. Рябикина выделяет следующее: «...пока человек жив и существует как субъект, наделённый сознанием, он «бытийствует», он сам и есть бытие» [27, с. 6]; а также то, что «в контексте *бытийного подхода* рассмотрение структуры личности предполагает, что бытие не только выступает внешней причиной, обуславливающей становление личности и её функционирование, но пространства бытия личности непосредственно включается в её организацию» [27, с. 6]. Подчеркивается, что бытие личности

всегда есть со-бытие с другим и это значительно усложняет проблему организации личностью ее бытийных пространств, так как она сталкивается с сопротивлением бытия других людей, хотя возможны и ситуации, когда *бытие другого человека становится поддерживающим ресурсом личности*.

В. В. Знаков в своём докладе отмечает, что психология, как и другие науки, эволюционировала от классической парадигмы к неклассической, а затем к постнеклассической. Наиболее значимым в этом контексте для развития психологии субъекта В. В. Знаков считает то, что постнеклассический тип рациональных суждений даёт возможность учёным избежать противопоставления номотетического и идиографического способов исследования и реализовать единство естественнонаучных и гуманитарных методов понимания изучаемых явлений [3]. Психология человеческого бытия представляет собой то направление развития, ту сторону психологии субъекта, которая возникла с появлением постнеклассической парадигмы. В. В. Знаков перечисляет и раскрывает те особенности *психологии человеческого бытия*, которые позволяют назвать её новой областью психологической науки. К таковым относятся: *теоретические основания* (в психологии человеческого бытия одновременно реализуются, дополняя и обогащая друг друга, когнитивная и экзистенциальная исследовательские парадигмы); *предмет психологии человеческого бытия* (смысловые образования, выражающие ценностное отношение к миру); *единицы анализа психического, их интегративный характер* (целостными единицами являются события, ситуации и пр.); *методы познания психической реальности* (их набор должен создавать возможность делать выводы о сочетании *отражения действительности и порождения, конструирования* человеком новых реальностей).

Закономерным результатом продолжающихся научных дискуссий стала изданная в 2005 г. коллективная монография «Психология личности и её бытия: теория, исследования, практика», подготовленная коллективом авторов КубГУ [23]. Данное издание знаменовало открытие серии «Труды психологов Кубанского государственного университета». Книга включала три раздела: «Теоретические основания подхода к рассмотрению психологических проблем личности и её бытия»; «Исследования феноменологии и закономерностей бытия и со-бытия личности»; «Практика психологической поддержки и сопровождения личности в различных пространствах бытия».

IV научная конференция «Личность и бытие: субъектный подход» была посвящена 75-летию со дня рождения А. В. Брушлинского и состоялась 15-16 октября 2008 г. в Институте психологии РАН. Кубанский государственный университет выступил ее соорганизатором.

Результаты работы конференции были отражены в научном издании её материалов (ответственные редакторы А. Л. Журавлёв, В. В. Знаков, З. И. Рябикина), в котором представлены работы, посвящённые психологии субъекта и психо-

логии человеческого бытия, описывающие исследования индивидуального и группового субъекта в современных социальных условиях, субъектные и личностные характеристики саморегуляции человека, а также личности в отношениях со-бытия с другими людьми [18].

В 2009 г. в Институте психологии РАН подготовлен и издан сборник научных трудов участников IV Всероссийской научно-практической конференции «Личность и бытие: субъектный подход», включивший развёрнутые доклады, наиболее важные для понимания нового этапа в развитии представлений о субъектном подходе [29]. Во введении отмечалось, что усиление значения категории «субъект» в психологии имеет свои основания не только в логике развития самой науки, но и в тех макросоциальных изменениях, которые отражает наука. Радикальные изменения социального устройства российского общества сделали востребованными индивидуальную инициативу человека, его самостоятельность и ответственность, самоопределение и самореализацию. Категория «субъект» обрела статус системообразующей, выполняющей методологические функции. Структура книги отражает принцип от общего к частному: от общетеоретических проблем субъектного подхода в психологии до конкретных примеров его реализации. Раздел 1 «Теоретические основания субъектного подхода в психологии». Раздел 2 «Основные направления психологического анализа» состоит из трёх рубрик, отражающих более конкретные аспекты рассмотрения субъекта: «Субъект жизни», «Субъект развития», «Субъект деятельности». Данные направления имеют определённые основания для выделения разных аспектов реализации субъекта. Субъект жизни — наиболее общее направление реализации; субъект развития предполагает выделение задач развития как важнейших на жизненном пути человека; субъект деятельности — более узкая область реализации человека как субъекта прежде всего профессиональной деятельности. Раздел 3 «Экспериментальные исследования психологии субъекта» включает рубрики, отражающие конкретные области реализации этого подхода. Работы сотрудников КубГУ были представлены во всех разделах данного сборника.

В русле более конкретных проблем личности как субъекта бытия психологами КубГУ совместно с коллегами из Южного федерального университета была проведена конференция «Традиции и современность на Северном Кавказе: личность как субъект организации времени своей жизни» (26-27 сентября 2008 г., Геленджик). В научных дискуссиях подчеркивалось, что современный человек живёт в условиях быстрых социокультурных, политических и экономических изменений. Проблема изменчивости бытия личности, ускоряющийся темп и меняющиеся условия жизни требуют от человека рационального использования времени. Перед личностью встаёт задача найти способы, механизмы, регуляторы, позволяющие интегрировать, синхронизировать про-

цессы различных сфер своего бытия, активно и осознано использовать время своей жизни [20].

В русле субъектно-бытийного подхода интенсивно развивается психология безопасности личности. 6 февраля 2009 г. в КубГУ был организован круглый стол «Актуальные проблемы психологии безопасности личности и общества». Этим мероприятием начала работу Лаборатория психологии безопасности личности при Институте социогуманитарных проблем КубГУ (под руководством профессора Г. Ю. Фоменко). Научным консультантом лаборатории является декан факультета психологии Московского государственного университета, доктор психологических наук, профессор Ю. П. Зинченко [22].

27-30 июня 2009 г. в Адлере был проведён Всероссийский научно-практический семинар «Безопасность личности и общества в условиях масштабных изменений». Начиная с V Всероссийской научно-практической конференции «Личность и бытие: субъектный подход» (2010 г.), на конференциях в разных тематических вариациях работает секция, связанная с проблематикой безопасности личности как субъекта бытия.

21 апреля 2011 г. состоялся Всероссийский научно-практический семинар «Угрозы безопасности личности: экспертная оценка и психологические аспекты защиты личности» [30], а 17 мая 2013 г. — Всероссийская научно-практическая конференция «Безопасность человека в социокультурных системах».

Интенсивная разработка данной проблематики кубанскими психологами и регулярность проведения научно-практических мероприятий позволили определиться с *проблемным полем* психологии безопасности, ориентированным на *определение оптимальных психологических условий динамической равновесности в системах «личность — общество» и «личность — государство»*. При этом безопасность личности понимается как возможность сохранения ею своей целостности и ощущения аутентичного бытия в условиях динамичной реальности с помощью конструктивного разрешения системы разноуровневых противоречий.

Следующая V конференция «Личность и бытие: субъектный подход» состоялась в 2010 г. снова в Краснодаре. Помимо сборника материалов по её итогам была подготовлена коллективная монография «Психология субъекта и психология человеческого бытия» (под редакцией В. В. Знакова, З. И. Рябикиной, Е. А. Сергиенко) [25]. Главная цель монографии состояла в анализе трёх научных направлений: психологии субъекта, субъектно-бытийного подхода к личности, психологии человеческого бытия.

В целях дальнейшей реализации задачи более углублённого рассмотрения конкретных проблем личности как субъекта бытия 27-29 сентября 2012 г. на базе Сочинского государственного университета была организована и проведена Всероссийская научно-практическая конференция «Личность и бытие:

проблемы, закономерности и феноменология со-бытийности». В определении тем для рассмотрения мы исходили из особенностей современного этапа науки, проявившихся в незавершающейся дискуссии об «исчезающем субъекте» и одновременно признании актуальности исследований личности как субъекта. В бытийной практике, с одной стороны, наблюдается нарастание прессинга социального контроля над личностью, с другой стороны, прослеживается естественное стремление человека использовать доступные ресурсы для наращивания своих возможностей как субъекта своей жизни, субъекта своего бытия и со-бытия с Другими. Отсюда запрос на более глубокую научную рефлексию закономерностей и феноменологии *личности как субъекта бытия*. Одно из таких направлений анализа и интерпретации — сфера отношений личности с другими людьми. Это одно из пространств бытийности, которое личность стремится организовать в соответствии со структурой своих личностных смыслов, реализуя потребность в аутентичном бытии в пространстве отношений с другим человеком (или с групповым субъектом). Бытие всегда есть *со-бытие*, так как, создавая реальность своего бытия, объективируя в этом процессе свой замысел, личность сталкивается с сопротивлением или поддержкой бытия других людей, воплощающих свои смыслы, создающих свое личное бытие в пространстве тех же предметов, событий и в то же время [27].

Тематика симпозиумов, круглых столов, мастер-классов отображает основные проблемы, вынесенные на обсуждение: «Теоретико-методологические основания анализа и практика исследований со-бытия личности»; «Феноменология со-бытийности в контексте проблем психологии безопасности»; «Личность как субъект со-бытия и феноменология со-бытийности в близких отношениях»; «Проблемы со-бытийности в образовательном пространстве и в профессиональном сообществе», «Со-бытийность в пространстве психотерапевтического процесса», «Личностная идентичность в социокультурной ситуации быстро изменяющихся со-бытийных сообществ».

В 2013 г. психологи Кубанского университета приняли активное участие в юбилейных конференциях, посвящённых 80-летию А. В. Брушлинского в МГУ и Институте психологии РАН (30 мая — 1 июня 2013 г. Всероссийская научная конференция «Идеи О. К. Тихомирова и А. В. Брушлинского и фундаментальные проблемы психологии (к 80-летию со дня рождения)» [4]; 10-11 октября Международная конференция, посвящённая 80-летию А. В. Брушлинского, «Человек, субъект, личность в современной психологии» [31]). Цикл юбилейных конференций завершился 25-26 октября 2013 г., когда в Кубанском государственном университете прошла VI Всероссийская научно-практическая конференция (с иностранным участием) «Личность и бытие: субъектный подход (к 80-летию со дня рождения А. В. Брушлинского)» (при финансовой поддержке РГНФ, проект № 13-06-14058).

Конференция открылась с демонстрации видеоролика, посвящённого памяти А. В. Брушлинского. В разделе, характеризующем развитие идей выдающегося российского ученого, основной материал составляли коллективные монографии и сборники конференций «Личность и бытие: субъектный подход», проведённых психологами Кубанского университета совместно с Институтом психологии РАН.

Пленарное заседание началось с доклада З. И. Рябикиной (Краснодар) «Перспективные направления исследований личности как субъекта бытия». В докладе отмечены основные проблемные тренды, обуславливающие трансформацию субъектности личности: нарастающая виртуализация бытия и события; расширение сфер бытия, в которых субъектность делегируется личностью другим субъектам (при этом в обществе потребления интенсифицируется навязывание лжесубъектности под влиянием рекламы, давления моды и пр.); продолжающиеся гендерные трансформации, изменяющие характер субъектных позиций мужчин и женщин; изменения телеологического аспекта жизни из-за отсутствия внятной общей идеи, направляющей развитие не в статусе декларации, а ясно соотносимой с экзистенциальным опытом человека, с «культурным кодом» этноса такой идеи, которая могла бы мобилизовать и направить субъектную активность отдельного человека на обретение личностной идентичности в реализуемом проекте общественного устройства.

Т. В. Корнилова (Москва) выступила с докладом «Креативность, ригидность и рефлексивность в системе интеллектуально-личностного потенциала субъекта». В современном изменяющемся мире высоко оценивается в личности сочетание чувствительности к противоречиям, толерантности к неопределённости и в то же время ясности и рациональности мышления. Вместе с тем возможность сочетания таких качеств оценивается психологами как довольно проблематичная. Исследователями разрабатывается представление о динамических регулятивных системах (ДРС) как конкретизации принципа единства аффекта и интеллекта. В докладе изложен один из аспектов движения на этом пути, в рамках которого раскрываются структуры и функциональные связи единого интеллектуально-личностного потенциала человека как субъекта познания и деятельности. Т. В. Корнилова остановилась на представлении эмпирических данных о взаимосвязях рассматриваемых переменных.

В. В. Знаков (Москва) в своём докладе «Непостижимое и таинственное в экзистенциальном опыте субъекта» напомнил слушателям, что исследование проблем тоталитаризма, свободы, гуманизма, духовности невозможно без привлечения категории опыта (А. В. Брушлинский показал это на примере исторического опыта). Важная роль экзистенциального опыта в человеческом бытии и недостаточная изученность этого феномена не вызывают сомнения. В. В. Знаков перечислил признаки экзистенциального опыта и акцентировал внимание на том, что, будучи компонентом человеческого бытия, он включает

и *объективно непостижимые* для субъекта области. Человек живет в многомерном мире, состоящем из эмпирической, социокультурной и экзистенциальной реальностей. Внепонятийное, иррациональное, бессознательное и надсознательное знание об этих реальностях можно характеризовать или как «непостижимое в себе», или как «непостижимое для нас». Составляющей экзистенциального опыта является не только непостижимое, но и *тайна*. Разумное понимание тайны как атрибута экзистенциального опыта заключается в осознании бессмысленности усилий, направленных на ее раскрытие, разоблачение. Тайна существует в опыте *онтологически*, а попытки сформулировать и разрешить ее как познавательную когнитивную проблему приходят в противоречие с *гносеологической* плоскостью рассмотрения этого феномена.

Н. В. Гришина (Санкт-Петербург) представила доклад «Жизненные выборы как транзитивные точки жизненного сценария». Рассматривая понятие выбора, широко используемого в психологической науке, Н. В. Гришина подчеркнула, что наиболее «молярно» понятие жизненного выбора, относящееся к выборам, осуществляемым в формате человеческой жизни. Осуществление жизненного выбора представляет собой переходную, транзитивную точку жизненного сценария человека, изменяющую его жизненную ситуацию (либо оставляющую ее неизменной в случае отказа от возможностей) и определяющую его дальнейшую жизнь. Результаты исследований позволили автору сформулировать ряд важных тезисов, которые в докладе были эмпирически проиллюстрированы. Автор обращает внимание на особую сложность исследований выборов в значимых для личности жизненных ситуациях в силу невозможности для исследователя непосредственно присутствовать в ситуации выбора, не оказывая при этом на него влияния.

В докладе Е. Е. Сапоговой (Тула) «Забота о себе»: самопостроение Я как смысловой системы» было отмечено, что любой взрослый человек, будучи центром собственной жизни и осознавая свою единичность и временность/конечность своего существования в мире, испытывает ментальную необходимость самовывоговаривания, в котором пытается закреплять, верифицировать, удостоверять собственное бытие. Автонаррация выполняет для субъекта *жизнетворческую* функцию и может быть понята как вариант более общего психологического феномена — *заботы о себе* (в терминологии М. Фуко). Забота о себе рассматривается как своеобразная *технология производства субъективности*, право и возможность человека *свободно изобрести, построить себя*. Говоря о построении Я как смысловой системе, докладчик выделяет несколько герменевтических процессов, которые потенциально выполняют эти жизнетворческие функции.

В. А. Лабунская (Ростов-на-Дону) в своём докладе «Тенденции со-бытия женщин с негативной трансформацией внешнего облика в результате террористического акта» констатировала недостаточную изученность понятия

«со-бытие» как отражения тенденций взаимодействия человека с миром и с другими людьми после пережитого террористического акта, повлекшего физические изменения человека, трансформации визуального имиджа. В связи с этим докладчик исследовала определение тенденции со-бытия и их отличия у женщин с трансформацией и без негативной трансформации внешнего облика в результате террористического акта.

Тенденции со-бытия выяснялись на основе комплекса показателей: оценки значимости ценностей; оценки жизненных ситуаций; антиципации угрозы, направления посттравматических переживаний. Эмпирическим объектом исследования выступили женщины, пострадавшие во время террористического акта в городе Беслане (2004 г.). Исследование показало, что ценностные приоритеты женщин, имеющих негативные трансформации внешнего облика, отличаются увеличением ценностей самоконтроля, самоограничения, сочетанием терпимости и требовательности. Ценности саморазвития в сочетании с самообладанием, жертвенностью воспринимаются как более значимые женщинами, не имеющими визуальных презентаций трансформаций внешнего облика. Выявлены и другие тенденции.

Г. Ю. Фоменко представила доклад «Эвристичность идей А. В. Брушлинского для психологии безопасности личности». Впервые в систематизированном виде взгляды А. В. Брушлинского на психологию безопасности были изложены в его статье «Субъект безопасности и безопасность субъекта» в 1996 г. При этом автор доклада полагает, что вклад Брушлинского этим не исчерпывается и для развития психологии безопасности личности эвристичен весь комплекс его воззрений и идей.

В настоящее время все исследователи в качестве главной опасности для человека и человечества в целом отмечают то обстоятельство, что у людей может не хватить *психологических ресурсов* для того, чтобы справиться с требованиями, характером и темпами преобразования социальной действительности. Трудami А. В. Брушлинского, его гуманистической трактовкой человека как субъекта доказана принципиальная возможность преодолевать социально-психологические условия, деформирующие развитие личности, сохранять целостность и аутентичность бытия личности в современных условиях цивилизационных сдвигов и разломов.

В. П. Бедерханова в своём докладе «Межличностное взаимодействие в образовательном процессе: субъектный подход» акцентировала внимание слушателей на том, что в области образования в контексте рассмотрения межличностного взаимодействия на основе субъектного подхода особо значимы вопросы о личностно-профессиональной позиции педагога. Отношение к учащемуся/студенту как субъекту собственной жизни, как цели и ценности образования характеризует позицию педагога-гуманиста, способного создать

человеческое пространство общения, условия для ценностно-смыслового равенства с ним.

Педагог как субъект образовательного процесса формируется в процессе педагогического образования, строящегося на основе самоопределения субъекта в содержании культуры. Для будущего педагога это самоопределение, прежде всего в ценностях развития и образования человека, в освоении будущим педагогом норм и средств педагогической деятельности, ее культурных образцов, технологий, методов, методик.

Далее работа конференции продолжалась в *секциях*, отразивших различные направления теоретического осмысления проблем субъектного, субъектно-бытийного подходов и реализованных эмпирических проектов: «Психология субъекта и человеческого бытия», «Личность как субъект бытия», «Субъект труда и профессиональной деятельности», «Субъекты образовательного процесса в их взаимодействии», «Гендерный аспект бытия и со-бытия личности», «Безопасность личности в условиях трансформации современного общества», «Социокультурные трансформации: от индивидуального субъекта к социально ответственному субъекту», «Личность как субъект общения и со-бытия».

VI Всероссийская конференция «Личность и бытие: субъектный подход (к 80-летию со дня рождения А. В. Брушлинского)» завершилась, но не завершаются процессы научного познания и научные дискуссии. К достижениям отечественной психологии, оказывающим самое активное влияние на приращение научного психологического знания, на интерпретацию психологической феноменологии человека, понимание закономерностей его поведения, следует отнести *субъектный подход* и различные конкретизирующие его теоретические ветви, в частности, *субъектно-бытийный подход к личности*, создающий новые перспективы в осмыслении проблем человека в современном мире.

Библиографический список

1. Гендерные аспекты бытия личности: материалы Всерос. науч.-практ. семинара. Краснодар: КубГУ, 2004.
2. Знаков В. В. Психология субъекта: вариант А. В. Брушлинского // Личность и бытие: Теория и методология: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Краснодар: КубГУ, 2003.
3. Знаков В. В. Психология человеческого бытия и самопонимание личности // Личность и бытие: субъектный подход. Личность как субъект бытия: теоретико-методологические основания анализа: материалы III Всерос. науч.-практ. конф. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2005.
4. Идеи О. К. Тихомирова и А. В. Брушлинского и фундаментальные проблемы психологии (к 80-летию со дня рождения): материалы Всерос. науч. конференции (с иностранным участием). М.: МГУ, 2013.
5. Личность и бытие: Теория и методология: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Краснодар: КубГУ, 2003. Кн. 1.

6. Личность и бытие: Личность и социальная реальность: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Краснодар: КубГУ, 2003. Кн. 2.
7. Личность и бытие: Личность и образование: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Краснодар: КубГУ, 2003. Кн. 3.
8. Личность и бытие: Личность и профессия: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Краснодар: КубГУ, 2003. Кн. 4.
9. Личность и бытие: Личность и отдельные аспекты ее бытия: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Краснодар: КубГУ, 2003. Кн. 5.
10. Личность и бытие: субъектный подход: материалы II Всерос. науч.-практ. конф; в 3 кн. Краснодар: КубГУ, 2004.
11. Личность и бытие: субъектный подход. Личность как субъект бытия: теоретико-методологические основания анализа: материалы III Всерос. науч.-практ. конф. Краснодар: КубГУ, 2005. Кн. 1.
12. Личность и бытие: субъектный подход. Парадигма субъекта в междисциплинарных исследованиях личности и бытия: материалы III Всерос. науч.-практ. конф. Краснодар: КубГУ, 2005. Кн. 2.
13. Личность и бытие: субъектный подход. Становление и реализация субъектности личности в образовании: материалы III Всерос. науч.-практ. конф. Краснодар: КубГУ, 2005. Кн. 3.
14. Личность и бытие: субъектный подход. Становление и реализация субъектности личности в профессии: материалы III Всерос. науч.-практ. конф. Краснодар: КубГУ, 2005. Кн. 4.
15. Личность и бытие: субъектный подход. Психология субъекта и гендерные аспекты бытия личности: материалы III Всерос. науч.-практ. конф. Краснодар: КубГУ, 2005. Кн. 5.
16. Личность и бытие: субъектный подход. Психологическая поддержка личности в различных пространствах ее бытия: материалы III Всерос. науч.-практ. конф. Краснодар: КубГУ, 2005. Кн. 6.
17. Личность и бытие: проблемы, закономерности и феноменология со-бытийности: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Краснодар: КубГУ, 2012.
18. Личность и бытие: субъектный подход: материалы науч. конф., посвящённой 75-летию со дня рождения А. В. Брушлинского, 15-16 октября 2008 г. М.: Институт психологии РАН, 2008.
19. Личность и бытие: субъектный подход (к 80-летию со дня рождения А. В. Брушлинского): материалы VI Всерос. науч.-практ. конф. (с иностранным участием). М.; Краснодар: КубГУ, 2013.
20. Личность как субъект организации времени своей жизни: сб. науч. ст. Краснодар: КубГУ, 2008.
21. Личность как субъект экономического бытия: гендерный аспект. Теория и практика гендерного анализа: материалы V Всерос. науч.-практ. семинара. Краснодар: КубГУ, 2005.
22. Психология безопасности: междисциплинарный подход // Человек. Сообщество. Управление. 2009. № 2.

23. Психология личности и её бытия: теория, исследования, практика. Краснодар: КубГУ, 2005.
24. Психологическая поддержка аутентичного бытия личности в различных пространствах её бытия: материалы Всерос. науч.-практ. семинара; в 2 ч. Краснодар: КубГУ, 2005.
25. Психология субъекта и психология человеческого бытия: монография. Краснодар: КубГУ, 2010.
26. Рябикина З.И. Личность и ее бытие в быстро меняющемся мире // Личность и бытие: Теория и методология: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Краснодар: КубГУ, 2003.
27. Рябикина З.И. Личность как субъект бытия и со-бытия: психологический аспект анализа // Личность и бытие: субъектный подход. Личность как субъект бытия: теоретико-методологические основания анализа: материалы III Всерос. науч.-практ. конф. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2005.
28. Субъект, личность и психология человеческого бытия. М.: Институт психологии РАН, 2005.
29. Субъектный подход в психологии. М.: Институт психологии РАН, 2009.
30. Угрозы безопасности личности: экспертная оценка и психологические аспекты защиты личности: материалы Всерос. науч.-практ. семинара. Краснодар: КубГУ, 2011.
31. Человек, субъект, личность в современной психологии. материалы Междунар. конф., посвященной 80-летию А.В. Брушлинского; в 3 т. М.: Институт психологии РАН, 2013.

Статья поступила в редакцию 30.09.2013.

.....

DEVELOPMENT OF IDEAS BY A. V. BRUSHLINSKY'S IN SUBJECT-BEING APPROACH CONTEXT

Z. I. Riabikina, G. Yu. Fomenko, L. N. Ozhigova

Riabikina, Zinaida Ivanovna, Prof., Dr. Sci. (Psychology), Kuban State University, Chair for Personal and General Psychology. E-mail: ryabikina@manag.kubsu.ru.

Fomenko, Galina Yuryevna, Prof., Dr. Sci. (Psychology) at Chair for Personal and General Psychology, Kuban State University. E-mail: fomgal27@mail.ru.

Ozhigova, Ludmila Nikolaevna — Prof., Dr. Sci. (Psychology) at Chair for Personal and General Psychology, Kuban State University. E-mail: topvolna@mail.ru.

The article analyses a decade retrospective review of regular thematic conferences by Kuban State University psychologists with Rus. Acad. Sci. Psychology Institute devoted to developing the theories of subject approach in psychology. Research activity is focused as major characterising fundamental research theme by means of fixing scientific meetings hold by KubSU jointly with Russian and foreign colleagues developing subject approach in their researches. Programmatic theoretical and methodological postulations are discussed for shaping subject-being approach and human being psychology. Being notion use is proved for active use by psychologists. Human being notion psychological content is clarified as objectified in processes and subjects of subjectivity world. A categorical net of basic notions is analyzed of subject-being approach like personality, subject, being (authentic/non-authentic), co-being,

being space (subject-space environment, time, the space of interpersonal relations, etc.), limits of being spaces, self-actualisation, personal identity. Personality and being: subject approach 6th Russian practical conference devoted to A. V. Brushlinsky's 80th anniversary is approached to as the stage at developing his prominent theories in Kuban State University.

Key words: Subject approach, subject-being approach, subject, personality, being, co-being, being spaces, personal identity.

References

1. Gendernye aspekty bytiya lichnosti: Materialy Vserossiyskogo nauch.-prakt.seminara [Gender aspects of personal being. Minutes of scientific seminar], Krasnodar, KubSU, 2004.
2. *Znakov, V. V.* Psikhologiya sub'ekta: variant A. V. Brushlinskogo, Lichnost' i bytie: Teoriya i metodologiya. Materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii [Subjective psychology: the version by A. V. Brushlinsky, Personality and being: the theory and methodology. Minutes], Krasnodar, KubSU, 2003.
3. *Znakov, V. V.* Psikhologiya chelovecheskogo bytiya i samoponimanie lichnosti, Lichnost' i bytie: sub'ektnyy podkhod. Lichnost' kak sub'ekt bytiya: teoretiko-metodologicheskie osnovaniya analiza: Mater. 3 Vseros. nauch.-prakt. konf. [Psychology of human being and personal self-understanding, Personality and being. Minutes] Krasnodar, Kuban State University, 2005.
4. Idei O.K. Tikhomirova i A. V. Brushlinskogo i fundamental'nye problemy psikhologii (k 80-letiyu so dnya rozhdeniya). Materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii (s inostrannym uchastiem) [Theories by O.K. Tikhomirov and A.V. Brushlinsky and fundamental problems of psychology. Minutes]. Moscow, MSU, 2013.
5. Lichnost' i bytie: Teoriya i metodologiya. Materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii [Personality and being: theory and methodology. Minutes], v.1. Krasnodar, KubSU, 2003.
6. Lichnost' i bytie: Teoriya i metodologiya. Materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii [Personality and being: theory and methodology. Minutes], v.2. Krasnodar, KubSU, 2003.
7. Lichnost' i bytie: Teoriya i metodologiya. Materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii [Personality and being: theory and methodology. Minutes], v.3. Krasnodar, KubSU, 2003.
8. Lichnost' i bytie: Teoriya i metodologiya. Materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii [Personality and being: theory and methodology. Minutes], v.4. Krasnodar, KubSU, 2003.
9. Lichnost' i bytie: Teoriya i metodologiya. Materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii [Personality and being: theory and methodology. Minutes], v.5. Krasnodar, KubSU, 2003.
10. Lichnost' i bytie: sub'ektnyy podkhod: Materialy II Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii [Personality and being: subjective approach], in 3 volumes Krasnodar: KubSU, 2004.
11. Lichnost' i bytie: sub'ektnyy podkhod. Lichnost' kak sub'ekt bytiya: teoretiko-metodologicheskie osnovaniya analiza: Mater. III Vseros. nauch.-prakt. konf.

- [Personality and being: subjective approach. Personality as a subject of being: theoretical and methodological grounds for analysis. Minutes] v.1. Krasnodar: KubSU, 2005.
12. Lichnost' i bytie: sub'ektnyy podkhod. Paradigma sub'ekta v mezhdistitsiplinarnykh issledovaniyakh lichnosti i bytiya: Mater. III Vseros. nauch.-prakt. konf. [Personality and being: subjective approach. Subject paradigm in interdisciplinary researches of personality and being. Minutes] v.2. Krasnodar, KubSU, 2005.
 13. Lichnost' i bytie: sub'ektnyy podkhod. Stanovlenie i realizatsiya sub'ektnosti lichnosti v obrazovanii: Mater. III Vseros. nauch.-prakt. konf. [Personality and being: subjective approach. Personal subjectivity becoming and realization in education. Minutes] v.3. Krasnodar: KubSU, 2005.
 14. Lichnost' i bytie: sub'ektnyy podkhod. Stanovlenie i realizatsiya sub'ektnosti lichnosti v professii: Mater. III Vseros. nauch.-prakt. konf. [Personality and being: subjective approach. Personal subjectivity becoming and realization in pprofession. Minutes] v.4. Krasnodar: KubSU, 2005.
 15. Lichnost' i bytie: sub'ektnyy podkhod. Psikhologiya sub'ekta i gendernye aspekty bytiya lichnosti: Mater. III Vseros. nauch.-prakt. konf. [Personality and being: subjective approach. Personal psychology and gender aspects of personal being. Minutes] v. 5. Krasnodar: KubSU, 2005.
 16. Lichnost' i bytie: sub'ektnyy podkhod. Psikhologicheskaya podderzhka lichnosti v razlichnykh prostranstvakh ee bytiya: Mater. III Vseros. nauch.-prakt. konf. [Personality and being: subjective approach. Personal pshychological support in diverse spaces of its being. Minutes] v.6. Krasnodar: KubSU, 2005.
 17. Lichnost' i bytie: problemy, zakonomernosti i fenomenologiya so-bytiynosti: materialy Vseros. nauch.-prakt. konf. [Personality and being: problems, patterns and phenomenology of co-being], Krasnodar: KubSU, 2012.
 18. Lichnost' i bytie: sub'ektnyy podkhod. Materialy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 75-letiyu so dnya rozhdeniya A. V. Brushlinskogo, 15-16 oktyabrya 2008 g. M.: Institut psikhologii Rus. Acad. Sci., 2008.
 19. Lichnost' i bytie: sub'ektnyy podkhod (k 80-letiyu so dnya rozhdeniya A. V. Brushlinskogo): materialy VI Vseros. nauch.-prakt. konf. (s inostrannym uchastiem) [Personality and being: subjective approach. On the 80th anniversary of A. V. Brushlinsky] M., Krasnodar, KubSU, 2013.
 20. Lichnost' kak sub'ekt organizatsii vremeni svoey zhizni: sb. nauch. st. [Personality as a subject of organising its lifetime: Collected articles], Krasnodar, KubSU, 2008.
 21. Lichnost' kak sub'ekt ekonomicheskogo bytiya: gendernyy aspekt. Teoriya i praktika gendernogo analiza: Mater. V Vseros. nauch.-prakt. seminara [Personality as a subject of economica being: gender aspect. Theory and practice of gender analysis. Munites], Krasnodar: KubSU, 2005.
 22. Psikhologiya bezopasnosti: mezhdistitsiplinarnyy podkhod [Psychology of security: interdisciplinary approach], Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie, 2009. № 2.
 23. Psikhologiya lichnosti i ee bytiya: teoriya, issledovaniya, praktika [Personal and ontological psychology: theory, researches and practice], Krasnodar: KubSU, 2005.
 24. Psikhologicheskaya podderzhka autentichnogo bytiya lichnosti v razlichnykh prostranstvakh ee bytiya: Mater. Vserossiyskogo nauch.-prakt. seminara [Psychological

- support of personal authentic being in different spaces. Minutes], Krasnodar: KubSU, 2005. V 2-ukh ch.
25. Psikhologiya sub'ekta i psikhologiya chelovecheskogo bytiya: monografiya [Subject psychology and human being psychology. Monograph], Krasnodar, KubSU, 2010.
 26. Riabikina, Z.I. Lichnost' i ee bytie v bystro menyayushchemsya mire, Lichnost' i bytie: Teoriya i metodologiya. Materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii [Personality and its being in a fast-paced world. Personality and being. Minutes], Krasnodar: KubSU, 2003.
 27. Riabikina, Z.I. Lichnost' kak sub'ekt bytiya i so-bytiya: psikhologicheskiy aspekt analiza, Lichnost' i bytie: sub'ektnyy podkhod. Lichnost' kak sub'ekt bytiya: teoretiko-metodologicheskie osnovaniya analiza: Mater. III Vseros. nauch.-prakt. konf. [Personality as being and co-being subject: psychological aspect of analysis. Minutes], Krasnodar: Kubanskiy gos. un-t, 2005.
 28. Sub'ekt, lichnost' i psikhologiya chelovecheskogo bytiya [A subject, a personality and the psychology of human being], Moscow, Institut psikhologii Rus. Acad. Sci., 2005.
 29. Sub'ektnyy podkhod v psikhologii [Subjective approach i psychology], Moscow, Institut psikhologii Rus. Acad. Sci., 2009.
 30. Ugrozy bezopasnosti lichnosti: ekspertnaya otsenka i psikhologicheskie aspekty zashchity lichnosti: materialy Vserossiyskogo nauchno-prakticheskogo seminara [Personal security threats: expert assessment and psychological aspects of personal protection. Minutes], Krasnodar. KubSU, 2011.
 31. Chelovek, sub'ekt, lichnost' v sovremennoy psikhologii. Materialy mezhdunarodnoy konferentsii, posvyashchennoy 80-letiyu A.V. Brushlinskogo [Human, subject, and personality in modern psychology. Minutes of the conference devoted to 80th anniversary of A. V. Brushlinsky]. In 3 volumes, Moscow, Institut psikhologii Rus. Acad. Sci., 2013.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ СТАТЕЙ ДЛЯ ЖУРНАЛА «ЧЕЛОВЕК. СООБЩЕСТВО. УПРАВЛЕНИЕ»

.....

Журнал публикует работы в области политологии и политического управления, государственного и муниципального управления, местного хозяйства, менеджмента и управленческого консультирования, социологии управления, общей психологии и психологии личности, социальной и экономической психологии, психологии развития, психологии труда, педагогики и др. областях.

Редакция журнала располагается по адресу: Кубанский государственный университет, ул. Ставропольская, 149, к. 412Н.

Распространение журнала. Журнал распространяется по подписке. С отдельными номерами нашего журнала можно ознакомиться и приобрести их в библиотеке факультета управления и психологии КубГУ — 4-й этаж Нового корпуса, к. 414Н. Библиотека открыта с понедельника по пятницу с 10 до 17 часов.

Порядок приема и рецензирования рукописей

Принимаются научные статьи, рецензии и обзоры объемом до 32 тыс. знаков с пробелами (до 0,8 п.л.) в электронном виде формата Word for Windows приложением («прищепкой») по электронным адресам редакции chsu1999@yandex.ru, journal@manag.kubsu.ru (просьба дублировать отсылку материалов). Рассматриваются для публикации материалы, имеющие высокую степень оригинальности, не публиковавшиеся ранее. В течение 5 дней автор получает уведомление о получении статьи и включении ее в цикл рецензирования. Для проведения рецензирования и экспертизы работ в качестве рецензентов и экспертов могут привлекаться как члены редакционной коллегии и редакционного совета, так и другие высококвалифицированные ученые и специалисты, обладающие глубокими профессиональными знаниями и опытом работы по конкретному научному направлению, как правило, доктора наук, профессора. Рецензентом не может быть автор или соавтор рецензируемой работы. Проводится рецензирование представленной статьи в режиме «двойного слепого» рецензирования. В течение последующих 30 рабочих дней автору высылается ответ с вариантом мотивированного решения: (1) статья рекомендуется к печати, (2) статья рекомендуется к печати после доработки, (3) статья не рекомендуется к печати. Редакция не знакомит авторов с текстом рецензий, при необходимости сообщая о замечаниях и рекомендациях по доработке статьи.

В случае принятия статьи к печати и включения её в план издания с автором (-ми) заключается договор об оказании услуг по подготовке статьи к публикации.

HUMAN. COMMUNITY. MANAGEMENT INFORMATION FOR THE AUTHORS

.....

The journal publishes articles in the fields of political science, political, public and municipal management and local economies, managerial consulting, general, personal, social, pedagogical, economic and labour psychology, psychology of development, etc.

Editor's board address: Kuban State University, room 149412H, Stavropolskaya St., Krasnodar 350040, Russian Federation.

Distribution. The journal is distributed by subscription. It is possible to read some issues of the journal at the library of the Dept. for Management and Psychology of KubSU (4th floor of the university new building, room 414H, open Mon–Fri, 10 am–5 pm).

How the articles are accepted and revised

Research articles, reviews and surveys are accepted, not more than 32000 characters long incl. spaces (up 0.8-quire long) as an attached Word for Windows document to an e-mail at chsu1999@yandex.ru, journal@manag.kubsu.ru. (please e-mail at both accounts). Only distinct articles are considered unpublished earlier. In 5 days upon the arrival of the article at the editor's office the applicant receives an acknowledgement letter informing him/her that the article has arrived and queued up for peer-reviewing by either editor's board/committee members and/or other highly qualified scientists/experts with deep professional knowledge and practical experience in a specified scientific field, among them being mostly Drs. Sci. and Profs., reviewing articles double-blindly. Neither author/s nor co-author/s can be a reviewer. During the following 30 days the applicant is sent the answer with a reasoned decision of the following options: (1) the article is recommended to publish, (2) the article is recommended to publish after revision, (3) the article is not recommended to publish. The editor's board is not to supply the applicant with the text of the review but informs him/her if the revision is necessary.

In case the article is admitted and included in a publication plan, the editor's board contracts with the author/s on preparation of the article for publishing.

ПОРЯДОК ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ

Авторская справка. Рукопись должна включать сведения об авторе(-ах): ФИО полностью, ученую степень, ученое звание, место работы и занимаемую должность, номера телефона, электронный и почтовый адрес.

Оформление ссылок. Автор обязан оформлять ссылки на источники, из которых он заимствует цитаты, статистические данные и другую информацию. В конце статьи формируется *Библиографический список*, в котором цитируемые (упомянутые) источники группируются в алфавитном порядке. Каждому источнику присваивается порядковый номер. В библиографическом описании источника обязательно указывается место издания и название издательства (кроме периодических изданий), год издания. Вначале указываются источники, изданные на русском языке, затем – на иностранных. Правила оформления:

В тексте: [Козер, 2000, с. 68].

В библиографическом списке: Козер Л. 2000. *Функции социального конфликта*. М.: Идея-пресс.

В ссылке допускается сокращать длинные заглавия, обозначая опускаемые слова многоточием с пробелом до и после этого предписанного знака:

В тексте: [Политика развития..., с. 120].

В библиографическом списке: *Политика развития и политико-административные отношения: сборник статей*. 2009. Краснодар: КубГУ.

Если ссылку приводят на многостраничный (многотомный) документ, в библиографическом списке указывают также обозначение и номер тома (выпуска, части и т.п.). Если в списке литературы перечисляется несколько работ одного автора за один и тот же год, следует к году приписать литеры: а, б, в и т. д. В литературе на других языках добавляются латинские буквы: а, b, с. Если отсылка содержит сведения о нескольких затекстовых ссылках, их разделяют точкой с запятой:

В тексте: [Сморгунов 2012а; Сморгун 2012б].

В затекстовой ссылке: Сморгун А.В. 2009а. *Интеллектуал в политике и необходимость политической философии* // Политическая наука. № 4: Идеи и символы в политике: Методологические проблемы и современные исследования. М.: ИНИОН.

Сморгунов А.В. 2009б. *Положение политических наук в Санкт-Петербургском университете в XIX в.* // Политическая экспертиза. № 4.

Редакция оставляет за собой право вернуть автору рукопись для приведения библиографических ссылок в соответствии с настоящим стандартом.

Резюме. Рукопись должна включать информативное резюме статьи объемом 800–1000 знаков, содержащее описание сути научного сообщения (основная идея и цель, методы, результаты исследования) на русском и английском языках, а также ключевые слова (не более десяти). К рукописи должны прилагаться: название статьи на английском языке, транслитерированная фамилия автора, транслитерированный и переведенный на английский язык библиографический список.

HOW TO FORMAT AN ARTICLE

Author's/s' information. The attachment must include the data on the author/s: full name, scientific degree, scientific title, place of work and position, telephone Nos., e-mail-s, and address.

Formatting the references. The author must refer to the sources of citation/s, statistics and other information. The references are listed at the end of the article as *References*, where the sources are alphabetically listed with a No. for each. In the description of a reference a place of edition must be present with the publishers' name (except for periodicals), and the year of publishing. First Russian-language sources must be listed followed by foreign ones. How to format a reference:

In the text body: [Kozer, 2000, p. 68].

In the References list: Kozer I. 2000. *The Functions of a social conflict*. M.: Idea-Press.

It is allowed in the text body to cut long names of sources by replacing the omitted with elision marks spaced before and after them:

In the text body: [The policy of the development..., p. 120].

In the References list: *The policy of the development and political-administrative relations: collected articles*. 2009. Krasnodar: KubSU.

If a multiple-volume/part document is referred to, there author must indicate the name and the No. of the volume/issue/part, etc. If the References lists several works of an author in the same year, it is necessary to note the year with a letter character: a, б, в, etc. If the references are foreign-language, Latin characters are used: a, b, c. If the reference is about several post-textual reference links, the latter must be divided by semicolon:

In the text body: [Smorgunov 2012a; Smorgunov 2012б].

In a post-textual reference link: Smorgunov L.V. 2009a. *An Intellectual in Politics and the Need for Political Philosophy* // Political Science. No. 4: Ideas and symbols in politics: Methodological problems and contemporary researches. M.: INION.

Smorgunov L.V. 2009б. *The situation in the political sciences in St. Petersburg university in 19th century* // Political survey. No. 4.

The editor's board reserves the right to send an article back to format the references according to the standard presented.

Abstract. The article must include an article's insightful abstract not more than 800 – 1000 characters long, containing the description of the research message essence (basic idea and goal, methods, results) in Russian and in English, keywords (not more than 10). The following data must accompany the article: the title of the article in English, the author' full name transliterated in Latin characters, reference list transliterated in Latin charatcers and translated into English.